

ISSN 2073-5618

Translator

Переводчик

Выпуск 25
2025

ISSN 2073-5618

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

ПЕРЕВОДЧИК

Литературно-художественный журнал

Выпуск 25

Чита
ЗабГУ
2025

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Литературно-художественный журнал «Переводчик»
Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Главный редактор
О. В. Стельмак, канд. филол. наук, доцент,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет
Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент ЗабГУ

Редакционная коллегия
И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филинкова

П 27 *Переводчик : литературно-художественный журнал / Забайкальский государственный университет ; главный редактор О. В. Стельмак. – Чита : ЗабГУ, 2025. – Вып. 25. – 249 с. – (ISSN 2073-5618).*

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Раздел «В копилку переводчика» предназначен переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящён славным страницам российской истории, связанной с пребыванием декабристов в Забайкалье. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Конкурсы, конкурсы!», «Уголок поэтов», «Приложение».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81.25
ББК 81.18
ББК Ш18

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Ольга Иванова, Наталия Калевич. К 25-летию ЗабРО СПР и литературно-художественного журнала «Переводчик».....	5
Поздравления ветеранов перевода.....	6

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Уильям Б. Рэндс. Стихи. Вступительное слово и перевод с английского Леонида Зимана.....	9
Эва Липская. Лирика. Предисловие и перевод с польского Аллы Чучиной.....	16
Ренат Харис. Поэма «Летят гуси на Донбасс». Перевод с татарского Николая Переяслова.....	20
Майкл Шипли. Духовная лирика. Вступительное слово и перевод с английского Ольги Стельмак.....	33
Камилу Песанья. Под голос виолы тягучий. Предисловие и перевод сонетов с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой.....	39
Английская народная поэзия для детей. Предисловие и перевод с английского Евгении Славороссовой.....	52
Ким Симонсен. Поэма. Перевод с фарерского Ольги Маркеловой.....	55

Проза

Мэри Х. Остин. Рассказы. Предисловие и перевод с английского Дмитрия Попова.....	62
Изабелла Крейг Нокс. Рассказ «Стяжатель». Главы III – IV. Перевод с английского Ольги Стельмак.....	76
Биргир Сигюрдссон. Пьеса «День надежды» (окончание). Перевод с исландского Ольги Маркеловой.....	93

АМЕРИКАНА

Рудольфо Анайя. Роман «Тортуга». Главы 2–3. Предисловие и перевод с английского Татьяны Воронченко.....	121
Фрэнк Эпплгейт. Рассказ «Явление Монтесумы». Перевод с английского Екатерины Фёдоровой.....	138

Хелен Хант Джексон. Роман «Рамона». Глава XVIII. Перевод с английского Елены Гладких.....	141
В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ	
Александра Мельниченко. О некоторых особенностях перевода сказок А. С. Пушкина на китайский язык.....	156
В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА	
Дмитрий Попов. К вопросу о подходах к переводу с санскрита. Вступительная статья и перевод трактатов «Из старших Упанишад» Дмитрия Попова.....	163
Элеонора Панкратова. Размышления над публицистическими текстами Кнута Гамсунна. Вступительная статья и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой.....	174
Николай Воропаев. О проблемах устного перевода цитат, идиом и пословиц на российско-китайских мероприятиях.	187
Анна Булдыгерова. Китайский палиндром: передать невозможно?.....	199
ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ	
Михаил Константинов, Александр Константинов. Древность и средневековье. Эпоха камня. Часть I. Из «Энциклопедии Забайкалья». Перевод на английский Нины Марковой.....	205
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ	
Ирэн Фрэн. Роман «Я последую за тобой в Сибирь». Глава VIII. Ад. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади.....	211
УГОЛОК ПОЭТОВ	
Ирина Фещенко-Скворцова. Лирика.....	226
КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!	
XXX межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2025 года.....	231
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Статистика.....	243
Сведения об авторах	244

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

*Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)*

**Россия, 111124, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 507
тел./факс +7 (495) 925-03-77 эл. почта org@rutrans.org**

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

*Главному редактору, Редакционному совету и
Редакционной коллегии
литературно-художественного журнала «Переводчик»*

Дорогие коллеги!

От имени Правления Общероссийской общественной организации «Союз переводчиков России» поздравляем вас с 25-летием со дня основания Забайкальского регионального отделения СПР и его печатного органа – литературно-художественного журнала «Переводчик»!

Начиная свой путь в качестве журнала регионального отделения СПР Забайкальского края, сегодня «Переводчик» по праву вошёл в число лучших журналов страны, посвящённых проблемам теории и практики перевода. Каждый номер этого издания – яркое событие в жизни нашего переводческого сообщества.

Страницы журнала – это живая жизнь отечественного и зарубежного перевода, публикация новых переводов на русский язык выдающихся произведений зарубежной поэзии и прозы, рассказ средствами перевода о лучших произведениях, созданных на языках народов России, разговор об уникальной истории родного края, представление молодых талантливых коллег, размышления об актуальных направлениях переводоведения. Помощь, поддержку талантливой молодежи журнал считает одной из своих важнейших задач. Решению именно этой задачи

посвящены две интереснейшие рубрики журнала – «В студенческой лаборатории» и «В копилку переводчика».

ЗабРО СПР и журнал «Переводчик» – это и организация разнообразных межрегиональных и международных переводческих конкурсов и многих знаковых мероприятий.

У журнала широкая аудитория. Он открыт к разговору со всеми, кого интересуют проблемы перевода и переводоведения. У этого издания удивительно широкий круг авторов. На его страницах – весь мир, вся Россия!

В наши дни, когда из коммуникации, к сожалению, постепенно уходит понятие «интеллигентность», исчезают характерные когда-то для русской словесности чувство Слова и глубина выраженной этим Словом Мысли, именно журнал «Переводчик» остаётся одним из немногих оплотов истинного Слова, Мысли и Интеллигентности. Верность традициям, поиск нового, гордость за страну и её народ, интерес к языковому и культурному многообразию. Читая журнал «Переводчик», понимаешь, что профессия переводчика жива, востребована и будет жить, меняясь и преображаясь, пока жива многонациональная человеческая цивилизация, её языки и культуры.

Спасибо вам за ваш труд, за великий вклад в сохранение отечественной и мировой культуры, за верность Переводу, служение Слову и заботу о молодежи.

Желаем вам крепкого здоровья, благополучия, новых творческих открытий и свершений, успехов во всех начинаниях. Потенциал журнала бесконечен! У журнала впереди долгий созидательный путь! Надеемся, что в год своего двадцатипятилетия любимый всеми «Переводчик» порадует своих читателей новыми удивительными публикациями.

**Президент СПР, О. Ю. Иванова
Председатель Правления СПР, Н. А. Калевич**

Москва, 19 апреля 2025 г.

**Дорогие мои друзья, коллеги по творчеству,
создатели журнала «Переводчик»!**

От всего сердца поздравляю Ольгу Викторовну Стельмак и всех сотрудников журнала «Переводчик», несущего людям поэзию и прозу разных стран мира. Нашему журналу в этом году исполняется 25 лет, и столько же – Забайкальскому региональному отделению Союза переводчиков России. Это значит, что мы ещё безгранично молоды, полны сил и горением литературного творчества. В нас не погас ещё огонь

искусства, и мы готовы дарить читателям радость от встреч с переводами всех коллег планеты. Успехов вам, дорогие друзья! Новых вам литературных переводов!

Николай Переяслов, председатель Совета по художественному переводу Союза писателей России (г. Москва)

Я сотрудничаю с журналом «Переводчик» с 2017 года. В этот юбилейный год хочется поблагодарить всех создателей этого замечательного журнала и особенно Ольгу Викторовну Стельмак – главного редактора журнала и председателя Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России – за их самоотверженный труд. Благодаря этой вдохновенной и кропотливой работе журнал «Переводчик» стал, на мой взгляд, одним из самых профессиональных, содержательных, в хорошем смысле культурологических печатных органов России. Мне лично журнал предоставил широкие возможности впервые познакомить русского читателя с шедеврами португальской классики и современной поэзией Португалии!

***Ирина Фещенко-Скворцова,
переводчик, литературовед (Португалия, г. Бенавесте)***

Мой привет из Москвы в далёкий (по километрам), но душевно близкий Забайкальский край! Горячие поздравления Забайкальскому региональному отделению СПР и журналу «ПЕРЕВОДЧИК», нашему любимому, неподражаемому и уникальному изданию. «ПЕРЕВОДЧИК» – всегда долгожданный, ожидаемый, но всегда неожиданный. Академический (идеально выверенный и грамотный, как с точки зрения содержания, так и языка – и русского и иных... одновременно живой, даже и задорный, созданный энтузиастами своей профессии. И прежде всего Ольгой Викторовной, интеллектуальной, энергичной, творческой личностью... 25 лет – значительный отрезок человеческой жизни, с какого момента не отсчитывай. Это и четверть столетия и четвёртая часть 21 века... Порадуемся и задумаемся!

***Элеонора Панкратова,
переводчик, литературовед (г. Москва)***

Поэтический привет «Переводчику»

*Пик весны на грани лета –
Возраст юности, расцвета.
Не устанем повторять:
«Чудный возраст – 25!»
Чтоб читатель каждый знал:
«Переводчик» – наш журнал!
Сможет в бурях устоять
И талантами сиять.*

*Евгения Славороссова, переводчик,
заместитель главного редактора альманаха «Истоки» (г. Москва)*

К 25-летию журнала «Переводчик»

*Друзья, прекрасен наш союз!
Позвольте пушкинской строкой,
Возблагодарить стеченье муз,
Где четверть века наши настрой
Храним журналом «Переводчик»...*

*Виктор Балдоржиев, писатель, поэт-переводчик
(Забайкальский край)*

КАК МНОГО ПРОЙДЕНО ДОРОГ!

*Перевод – всегда передний край:
Ад кромешный и небесный рай!*

В 2025 году Забайкальскому региональному отделению и его печатному органу – литературно-художественному журналу «Переводчик» – исполняется 25 лет! Поздравляю всех действительных членов ЗабРО СПР и всех талантливых авторов нашего издания. В настоящее время вокруг «Переводчика» сплотился дружный коллектив единомышленников. Надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество, культурный обмен и взаимную радость духовного обогащения!

Ольга Стельмак, председатель Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России (г. Чита)

Поэзия

УИЛЬЯМ БРАЙТИ РЭНДС (1823 – 1882)

Уильям Б. Рэндс¹ – один из крупнейших британских детских писателей викторианской эпохи, поэт, историк, журналист и издатель. При жизни он неоднократно назывался в одном ряду с Льюисом Кэрроллом. В английской литературе Рэндс остаётся автором ряда хрестоматийных детских стихов, часто бытующих в англоязычном мире в виде детских песен.

У. Б. Рэндс родился в бедной семье свечных дел мастера. Из-за отсутствия денег его родители не смогли дать ему полное образование. Он самостоятельно научился читать по-английски в раннем возрасте. Затем освоил латынь и древнегреческий язык, а выйдя на работу в офис международной торговой фирмы, – также испанский и французский языки. Страстью к языкам отмечена вся его последующая жизнь: в последние годы жизни он изучал китайский язык.

В 1857 году он поступил в новостное агентство «Гурней и Компания», где его работа заключалась в репортажах из палаты общин. Он был свободен от работы, когда парламент не заседал, и в это время написал множество детских книг и журнальных статей. В 1875 году он оставил работу репортёра по состоянию здоровья. Вероятно, беспокоясь за свою основную работу, У. Б. Рэндс скрывался под псевдонимами: Мэтью Браун, Генри Хольбич, Т. Токер и др., или публиковал книги без указания автора. Это делало его имя известным лишь профессионалам, тогда как его книги пользовались большой популярностью.

В течение некоторого времени он был священником в одной из часовен Бристоля и в этот период написал несколько неоднократно переиздававшихся церковных гимнов. Среди его трудов также отмечают двухтомное исследование «Чосеровская Англия».

¹ <https://ru.ruwiki.ru/wiki/>

ЭБНЕР КЛЭР

Очень трудно в это верить, но поверь:
Годфри Гордон Густав Авен Эбнер Клэр
Никогда не закрывал входную дверь.

Ветер выл, гроза гремела, словно зверь.
Зубы, клацая, трещали, словно дрель.
Всё равно не закрывал входную дверь.

Сколько ветер наносил семье потерь!
Мама с папою терпели, но теперь
Сына ехать снаряжают в город Тверь.

И в отчаянье взмолился Эбнер Клэр:
«Не поеду я в Россию, в город Тверь.
Обещаю закрывать входную дверь».

«Готфри Гордон Густав Авен Эбнер Клэр,
Коли так, тебе не надо ехать в Тверь.
Как спокойно и уютно нам теперь,
Когда заперта на ключ входная дверь».

МИР НАОБОРОТ

Перевёртыш

Дружит бабочка с пчелой,
А сова с кем? С дикобразом.
В небе над морской водой
Все дома повисли разом.
Лютики едят коров.
Ринулся бегом от мышки
Самый храбрый из котов,
Задыхаясь в одышке.

Трижды десять будет шесть.
Значит: непременно
Наши леди все как есть
Станут джентльменами.

«Что за чудо! И откуда?» –
Удивляется народ.

Да это же совсем не чудо –
Просто мир наоборот.

Я видел сон
Престранный сон приснился мне.
И что ж увидел я во сне?

Все друг на друга так похожи,
Что чувствуют одно и то же.
И даже мудрено узнать,
Где тут ребёнок, а где мать.
Кругом одни и те же лица,
Одно и то же всем годится.
Одежду носят без разбору,
Ведь всем одно и то же впору.
Не надо строить, ни ломать,
Ни отдавать ничто, ни брать.
Не слышно смеха и ни плача,
Всем безразлична неудача.
Не слышно возгласа, ни вздоха,
Ни похвалы и ни упрёка.
И людям не к чему стремиться:
То ль умирать, то ли родиться.
Тут вдруг раздался бой часов –
Нет больше этих странных снов.
Свет солнца у оконной рамы.
Улыбка на устах у мамы.
Смотрю в окно я на прохожих –
Нет друг на друга двух похожих.
Шум улицы к нам в дом проник:
И смех, и плач, и детский крик.
На лицах радость и печаль,
Кто счастлив, а кого-то жаль.
Мир суматошен, многоцветен.
Прекрасно жить на белом свете!

СОН ДЕВОЧКИ, КОТОРАЯ ЖИВЁТ В СЕМИДУБЬЕ

Семь петушков на флюгерах, сияющих на солнце.
Семь золотистых бабочек, летящих над оконцем.
Семь красных роз на клумбе, пестреющей в саду.
Семь пчёлок в чудных лилиях, желтеющих в меду.

Семь разноцветных радуг, светящих в облаках.
Семь мам – мадонн изящных, с младенцами в руках.
Семь очень стройных лошадей, они бегут галопом.
Семь бутербродов с джемом, их лопать бы и лопать.
Семь пап изобретательных, с весёлою игрой,
И семь мальчишек маленьких, шагающих гурьбой.

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЛЫЛ НА СОЛНЦЕ

Мне говорят, пошёл ко дну
Корабль брата.
Нет, он не может утонуть
Никак, ребята.

Я видел, он стремился вверх.
На полпути
Поднялся на волнах, как стерх.
Куда идти?

Он долго волны рассекал,
ПричалиТЬ где бы.
И вот устроил свой привал
У края неба.

Выл ветер, гром загрохотал
Поближе к ночи.
Не видно корабля средь скал,
Слепились очи.

Вот гром утих. Закат так ал.
Открыл оконце.
Корабль на небе увидал,
Он плыл... на Солнце.

ЛУНА СЛЕДИТ ЗА НАМИ

Над лесами, над домами –
Высоко царит над нами
Очень круглая луна
И преследует меня.

Медленно парит над крышами
И стремится выше, выше.
Вот уже как горный пик,
Взор её весь мир проник.
Озирает всех людей.
Боже, спрячь меня скорей!
Закрываю я глаза,
Чтоб не видеть, как из-за
Гор, лесов ползёт она –
Очень страшная луна.

ФУРГОН КОРОБЕЙНИКА

Я – коробейником в фургоне.
Но конь его совсем не гонит.
Фургон ползёт туда-сюда...
Как знать, откуда и куда?

Я ж от домишко до домишко
Трясусь с женой и сынишкой.
Глядят на нас с печальным видом
В фургоне стулья-инвалиды.

В движенье по дороге тряской
Тарелки прыгают, как в пляске.
Тазов бесформенный отряд
Друг в друга бьются, как в набат.

Сквозь окна ливень рвётся рьяно,
Воды в фургоне уж как в ванной.
Но я сквозь грозы и туман
Веду фургон, как караван.

Затем возьму перо я смело –
И выйдет повесть иль новелла.
И вас не одолеет скука:
Я в роли капитана Кука.

ГРАНДИОЗНЫЙ ШУМ

Двадцать китов
Лишились хвостов.

Двадцать снарядов
Грохнули рядом.
Сороки-воровки
Без остановки
С утра до ночи
Стрекочут, стрекочут.
Тигров рычанье,
Птиц щебетанье
При погоде штормовой...
Треск...Шипенье... Волчий вой...
Слышатся со всех сторон
Громкий храп и резкий звон.
И под молотом паров
Зычный великанов рёв.

ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР!

Какая ширь, какой простор
Среди холмов, лесов и гор!
Весь мир прекрасен, величав –
Среди дерев, цветов и трав.

А ветер будто рвётся в бой,
Ведя беседу сам с собой.
Цветут пшеничные поля,
И расцветает вся земля.

Творю молитву я земле,
Но что-то тихо шепчет мне:
«Ты малозначимая точка,
Твой глас как шорох у листочка.

Но вечно в памяти храни
Две силы, что тебе даны:
Любить и думать... В наши дни
Нет ничего на белом свете
Значительней, чем силы эти».

ЧИСТИЛЯ КЛАРА (в сокращении)

От Аляски до Сахары
Лучше чистильщицы нет.
Всем знакомо имя Клары,
Песнь о ней сложил поэт.

Клара чистит и стирает
Сразу тысячу вещей.
Многоцветием сияют
Рукоятки от мечей.

Всех приветствуют портреты;
Знатных лордов полон зал.
И горит зеркальным светом
Каждый рыцарский кинжал.

Пётли, швы на платье тонком,
Как живые, возлюбя,
Платье чистит для ребёнка,
А затем и для себя.

Как на солнышке, сияет
Чистота картинных рам.
Завтра Клару ожидает
Новых множество программ.

Заблистают на картинах
Швы и петли у принцесс,
И исчезнет паутина,
Станет чистой ширь небес.
Станет чистой глубь небес.
Станет чистой даль небес.

x x ..x

Пенье крошки Кетти –
Трели и рулады
Высшей чистоты –
Взрослые и дети
Вечно слушать рады.
Вслушайся и ты.

Все рулады, трели
Кетти в самом деле
Распевает лишь на свой мотив,
Единственный на свете,
Он по-детски светел,
Нежен и красив.

КОТ КОТОВИЧ

Я Кот Котович из Котов,
Хитёр, и ловок, и толков.
Я стар, устал от всех утех,
И гладок, как прилизан, мех.
Пусть знает каждый человек:
Во мне застыл кошачий век.
Охочусь я, когда темно,
И мышь, и крыса спят давно.
Я вижу ночью лучше всех:
Во мне застыл кошачий век.

Перевод с английского Леонида Зимана

ЭВА ЛИПСКАЯ (род. в 1945 году)

От переводчика. Эва Липская – польская поэтесса, писательница, художница. Родилась в Кракове, где живёт по настоящее время. Высшее образование получила в Краковской академии художеств по специальности «Живопись и история искусств». Как поэтесса дебютировала в 1961 году на страницах еженедельника «Жиче литерацке», первый сборник «Стихи» выпустила в 1967 году, автор более тридцати поэтических книг, а также романа «Сефер».

В 1970–1980 гг. работала редактором в издательстве «Выдавництво литерацке» в отделе поэзии, в 1981–1983 гг. продолжила редакторскую деятельность в журнале «Письмо», одной из основательниц которого и выступала.

В 90-е годы в течение 10 лет работала в польском посольстве в Вене, исполняла обязанности первого секретаря, советника посольства, заместителя директора и директора Польского культурного центра.

Член польского и австрийского ПЕН-клуба, член и основатель Товарищества польских писателей. С 1968 по 2020 год была членом Союза польских писателей. Как свободный лектор преподает в Ягеллонском университете.

Лауреат многочисленных международных премий. Стихи Эвы Липской издавались в большинстве стран Европы. В 2017 году она посетила Москву, где были организованы авторский вечер в клубе «Дача на Покровке» и встреча с переводчиками и читателями в Польском культурном центре.

Предлагаю познакомиться с некоторыми из малоизвестных русскому читателю поэтических произведений Эвы Липской.

ДИКТАНТ

Под диктовку
только бы не наделать ошибок.
Народ –
только бы не написать «толпа, простонародье».
Знать,
когда закрывать или открывать рот.
Молчать,
Но с какой интонацией?
Изменяться,
но не по воле случая.
Остерегаться,
чтобы не написать «любовь» раздельно.
Догадаться,
после какой даты поставить точку.
В присутствии других
соблюдать минуту молчания.
Смотреть,
чтобы «жизнь» не написать сокращённо.
Помнить,
чтобы не совершить ошибку перед смертью
и умереть грамотно.

ПИСЬМО

Я как только умру, напиши мне письмо.
Длинное – как мир необъятный.
Напиши, как умираешь ещё при жизни. Как поэтам
Этим летом сборник стихов снизошёл напечатанный.

Как открываешь виды из окна.
Или застёгиваешь плащ на ветру.
И что реки в дождь ещё мокнут
Или сухими назад плывут.

И что тебя по-прежнему удивляет, что поэт Б
Пишет очень похоже на поэта А.
И что пан в красной рубашке болтать с тобой любит.
И что два плюс два... два будет.

Напиши, как ходишь теперь:
Осторожней? Чуть грустней? В берете?
Напиши, как умираешь ещё при жизни.
Ты ведь знаешь, что я жду письма на том свете.

А если смогу,
Отвечаю тебе и во сне передам.
Или приду. Очень бы хотела.
Но не знаю – позволит ли погода...

СКАЗКА

О, как нам много, много лет
Под той сосной. Под той сосной.
Постоянством повторов измучен свет
И чьей-то виной? Чьей виной?

Мы так в себя погружены, мы разлетаемся по швам.
Далеко за горизонт. Далеко за горизонт.
Наконец настало время глазам
Увидеть недоступного мира часть.

Открывается вдруг новый свет:
Ты меня разглядел, и привиделся ты здесь мне.
Ох, как мало нам лет, мало лет:
Как короткая сказка в долгом сне.

ОКОННЫЕ СТЁКЛЫШКИ

О, как трудно смотреть в оконные стёклышки.
В них женщины полусонные года свои маскируют.

А рядом проходят мрачные путники.
За ними пейзаж... и войска маршируют...

На пейзаже – стол. На столе – вино.
За столом – девчонка. Девчонке смешно.
В её смехе – грусть. Ну, всё как в кино
В оконных тех стёклышках. Девчонке смешно...

И как трудно смотреть. Женщины полусонные...
Любовь живёт в женщинах. У любви есть конец.
А под конец лишь стёклышки оконные
И печаль ... да путники... У любви есть конец.

У путников – поезд. Стучат в нём колёса.
В колёсах – вечность. А в вечности – страх.
А в страхе лишь тишина. А за ней – тишина...
У путников – поезд. В колёсах – игра...
О, как трудно смотреть, как войска маршируют...
В солдате – пуля. А в пуле – смерть.
А в смерти есть всё и ничто не существует.
А в смехе – грусть. У любви есть конец.
За столом – та девчонка. У девчонки – сердце.
А в том сердце – солдат. А в солдате – пуля,
Да и тело солдата скоро примет землю.
И заплачет девчонка.
Пройдут путники прочь.
А в оконные стёклышки засмотрелась лишь ночь.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ ШЕКСПИРА

Мне так знаком тот самый взгляд,
как три столетия назад: то было на рассвете рано,
твоё вплеталось колено
в мой новый праздничный наряд.

Любовь с годами не убудет.
Как камень был, так камнем будет.
Вода была и есть водой.
Любви зов вечный, неземной.

Всё те же мысли обо мне в твоей роятся голове.
так думал принц, с каким не раз

качалась я под древа кроной,
будучи дамой его придворной.

В любви с веками всё не ново,
Истёрто время, как подкова.
Как забывал меня – забудешь.
И как любил меня – полюбишь.

Мы времени назло живём.
Его мы стрелок – подопечны.
Тик-так. И современны мы.
То в глубь веков погружены.
Тик-так. Мы веселы. Грустны.
Мы все полны противоречья.

Тик-так. На сцене гаснет свет.
И никого на свете нет.
Тик-так. В сон любви вечной погружен
Принц современный. Иль из времён ушедших
сквозь будущее прошедший.
Сцена. Ночь полна полнолуния.
А в жизни ты ступаешь в одеянии Полония.

Перевод спольского Аллы Чучиной

РЕНАТ ХАРИС (род. в 1941 году)

Ренат Магсумович Харисов – поэт, лауреат Республиканской премии им. Мусы Джалиля (1972), Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая (1997), лауреат Государственной премии Российской Федерации (2005), премии им. А. Дельвига, международной премии Чувашии им. М. Сеспеля (2009), Большой премии им. Расула Гамзатова (2011). Он является автором более 60 сборников стихов, поэм и пьес, либретто музыкально-сценических произведений, в том числе либретто балета «Сказание о Йусуфе» Леонида Любовского, оперы «Любовь поэта», оперы «Сююмбике», балета «Золотая Орда» композитора Резеды Ахияровой, мюзикла «Золотая Казань», оперы «Чёрная палата», монооперы «Зеркало» композитора Эльмира Низамова, около 200 песен, романсов, каннат.

ТРЕТИЙ СОЮЗНИК РОССИИ

Поэма

*Посвящается коллективу завода «Позис»,
Республика Татарстан, город Зеленодольск.*

*У России только два союзника –
её армия и флот.*

Император Александр III.

Я образ героя ищу
для бьющейся в сердце поэмы.
С ним Родину я защищу,
нарушив все темы и схемы.
Стираются вновь времена,
уходят в безвестность державы,
лишь пыли горячей стена
хранит в себе отзвуки славы.
Наука идёт наобум,
наощупь в открытиях шарит,
и скоро искусственный ум
бессмертие миру подарит.
Ушли в девятнадцатый век
великие Лермонтов, Пушкин,
но их не забыл человек,
стихи для людей – не игрушки!
Шагнув на дуэльный барьер,
стрелялись Онегин, Печорин –
то был всем геройский пример,
что многими станет повторен!
А в веке ином мальчуган
поведал бойцам продотряда,
где в погребе – там, где бурьян, –
отец его зёрна припрятал.
За это – погиб пионер!
Все помнят глаза его, брови...
Но в каждой из школ СССР
был Павлик Морозов – героем!
А ныне везде виден страх,
во всём – дух беды и коварства,
и с чёрною смертью в руках
на бруствер встают государства...

Но есть ли сегодня – герой?
Никак нам нельзя без героя!
За Родину встать мы горой
готовы, не выйдя из строя.
Герой нам – точь-в-точь кавалер –
подарит горячих улыбок.
(С него хорошо брать пример,
чтоб жить на земле без ошибок.)

Так кто же герой наш? Кто смог
пропеть песни всех пятилеток?
Кто смог проложить сто дорог
и сто провести кругосветок?

На стройке путей для машин,
что мчат сквозь Казань до Китая,
есть много достойных мужчин,
что трудятся, не отыхая.

Нефтяников много средь них
и много парней, что своими
умами учёным сродни,
здесь вбили в бетон своё имя.

А дочки у нас каковы?
Всю жизнь бы на них любовался!
Одна среди них – замглавы,
другая – та кружится в вальсе.

О, сколько ж красивых девчат
поёт для рабочего класса!
Вы слышите, рифмы кричат:
«Мы любим шахтёров Донбасса!»

Мы любим порхающих рифм,
их шелест, их шёпот, их шорох.
Бой стихнет – и мы говорим,
о чувствах, горячих, как порох.
А вдруг в этот день повезёт
и слово солдата излечит?
Кого-то от смерти спасёт.
Кого-то навек искалечит...

Ну точно! В шахтёрский Донбасс
меня призывает дорога!
И, словно придя в первый класс,
внимаю я голосу Бога...
Сегодня здесь в клёкоте битв
возносятся гимны Отчизне.
Так пробуют силу молитв,
в расцвете не славы, так жизни.

Туда мчит солдата душа,
срываясь с полей и забоев,
и смотрит Донбасс, не дыша,
на новых российских героев.

Я стар в военкоры уже,
чтоб рыскать в лесу иль болоте,
но быть я могу на меже
меж боем и строчкой в блокноте.

Война тяжела мне для глаз,
боюсь встречи с гарью кошмарной.
Могу всё ж поехать в Донбасс,
но – с помощью... гуманитарной.

Холмы терриконов вдали
ты вряд ли с дороги рассмотришь,
а бомба коснётся земли –
и с ней ты уже не поспоришь!
Дома разметая в клочки,
она прилетит к нам без спроса,
лишь стёклами брызнут очки,
как в солнце сверкнувшие слёзы.
Живи! Бог богат на добро!
Он любит нас вместе с грехами...
Смени автомат на перо...
Стреляй днём и ночью –
стихами.

И в сердце лелея успех,
я крикнул: «Ответьте, святые!
Ну есть ли герои средь тех,
кто близит победу России?..»

Давно я уже не гусар,
и волос, как иней, стал белым.
С годами я сделался стар,
но разве я стал меньше смелым?
Я жизнь потерять не боюсь,
хоть та может стать вдруг короткой,
над вымыслом лишь посмеюсь,
считая её сумасбродкой.
Фатих Карим пал, как солдат,
отпетый снарядом со свистом.
Но стих его – как автомат! –
доныне строчит по фашистам.

Тоска о Фатихе во мгле
летит, как осенний лист жёлтый.
Пускай ни о ком на земле
не скажут:
«Как рано ушёл ты!...»

…Летели года и века,
ни бед не пугаясь, ни смерти,
и вдруг своего земляка
на улице как-то я встретил.
Он был ещё не седовлас,
но в нём мои строчки осели –
про грозный и славный Донбасс¹,
где гуси на озеро сели…

Он в Зеленодольске живёт,
и хоть далеко от нацистов,
но страстно сквозь дали он шлёт
«подарочек» свой для фашистов.
Не просто летают от нас
к хохлам бронебойные «гуси»,
порой «гусаков» им Донбасс
в подарочек шлёт от «бабуси».
Когда-то на Курской дуге
из дула Т-34
взлетали в дожде и пурге
снаряды с мечтою о мире.

¹ Имеется в виду поэма Рената Хариса «Летят гуси на Донбасс» в переводе с татарского языка на русский Николая Переяслова. См. «Переводчик» № 24, 2024. С. 31–40. (Прим. пер.).

А «тигры», что подняли шквал,
сгорали в огне, как калоши!
То им на дороге вставал
танк с именем славным «Алёши».
И каждый из тех «гусаков»
бил армию Гудериана¹,
чтоб помнили сотни веков
пугающий свист урагана...

Меня здесь земляк проведёт
по шумным цехам в личный офис,
я знал раньше этот завод
лишь по холодильникам «Позис».

Пройдём мы с ним все уголки
вдоль всех производственных линий,
завод, словно русло реки,
бурлит, как вода после ливня.
Московский начальник в клочки
людей разносил за снаряды.
Ворчал: «Это всё пустячки,
их нам и даром не надо!»

Услышав такие слова,
директор сказал, отвечая:
«Когда не нужны они вам,
то нам они надо, я знаю!»
И в этот застывший завод
директор вдохнул свою силу,
что взмыла до самых высот –
до туч в небе чистом и синем!
И Зеленодольский завод,
работая в славу Отчизне,
доныне Победу куёт –
для нас,
для детей
и для жизни...

¹ Хайнц Вильгельм Гудериан (1888–1954) – немецкий генерал-полковник времён Второй мировой войны, военачальник и нацистский государственный деятель, военный теоретик. Главный инспектор бронетанковых войск Вермахта (1943–1944), начальник Генерального штаба сухопутных войск (1944–1945). (Прим. пер.).

...И вот я пришёл на завод.
Сквозь вахту прошёл. Пропустили...
Стоит за станками народ.
Нигде нет ни грязи, ни пыли.

В карман убирая смартфон,
директор промолвил мне внятно:
«Что делать? У нас тут – закон!
А вдруг из Москвы позвонят мне?»

Взглянув на плакат у ворот,
я лозунг прочёл на нём дважды.
Там: «Армия наша и Флот –
вот двое союзников наших!»
И плюс ещё – Позис», – прочёл
я ниже короткую фразу.
Знать, каждый работник учёл
ту фразу в уме не по разу.

«Как армия, что без солдат,
как танки в бою без снарядов,
так всё лишь ржавеющий склад,
что в поле стоит без зарядов.
Военные наши суда
без пушек – всего лишь «корыта», –
сказал мне директор тогда,
слегка показав то, что скрыто.
«Простое нам имя дано, –
сказал мне директор серьёзно. –
Зовут его Позис. Оно
звучит и красиво, и грозно...»

...И вот мы идём по цехам:
директор завода с поэтом.
Я слушаю свист тут и там,
то птицы приветствуют лето!
А здесь, как по плацу солдат,
не думая вовсе о лете,

бежит за снарядом снаряд
по быстрой конвейерной ленте.
«Вот это и есть гусаки, –
директор с улыбкой кивает. –
Отсюда в края далеки
наш каждый гусак улетает».
За мир, за Россию, за нас
снаряды несутся, как ветер,
и каждый из них наш Донбасс
всё делает ближе
к Победе!»

Работницы, став дружно в ряд,
конвейер с утра запускают
и, трогая каждый снаряд,
их, словно детишек, ласкают.

А дней всего десять спустя
и радуя русские взгляды,
в густых облаках шелестя,
за Днепр понесутся снаряды.
Стремясь всюду правду искать,
спросил я там чью-то подругу:
«Ну надо ль так страстно ласкать
смертельно опасную штуку?
Смерть мчит через все берега.
Война для людей – не потеха...»
«Мы делаем их для врага! –
сказала подруга без смеха. –
Тот зверь, ненавидящий нас,
в безумии лает на солнце.
Но кто бросит камень в Донбасс –
навеки в Донце захлебнётся...»

И слаше, чем песнь соловья,
та женщина чётко и прямо,
воззрений на мир не тая,
свою распахнула нам правду.
А слушавший эти слова
директор смахнул с щеки слёзы:
«Ты в каждом словечке права,
и в них бьют стихи, а не проза! –

сказал он. – Ну что мне скрывать?
Вы лучшие люди народа.
Я руки готов целовать
у каждой из женщин завода.
Война нам давно не нова –
она звучит в нотах и трелях.
А мастер Альберт Бенуа¹ –
весь мир воплощал в акварелях.
Всё видеть глазами мог он
острей, чем в подзорные трубы.
А женщины – даже микрон
могли его видеть без лупы...» –
так вёл гендиректор рассказ
про жизнь Бенуа Николая,
который завод свой для нас
оставил, наш мир покидая.
Как в море по пене торпед,
так в небе по звуку снаряда
всегда можно вычислить след
полёта любого заряда.

И сын Бенуа свой прибор
создал, чтобы в армии нашей
мы видели, кто сквозь простор
летит стаей – нашей иль вражьей?..

...Я слушаю, а предо мной –
фигура поэта Дэрдменда².
Вот он – над любимой страной
парит в небесах, как легенда.
В отчаянье он не впадал
и, злобных не слушая писков,
спокойно Советам отдал
полста золотых своих приисков.
От власти не скрыл ничего:
от жадности не был он лютым,
голодным не прогнал никого –
всё отдал трудящимся людям.

¹ Альберт Николаевич Бенуа (1852–1936) – русский художник-акварелист. (Прим. пер.).

² Дэрдменд (1859–1921) – татарский поэт-классик, золотопромышленник, меценат, депутат Первой Государственной Думы Российской империи (1905). (Прим. пер.).

Ох, были у нас времена!
Как вспомню – становится страшно:
все были пьянее вина,
решали дела бесшабашно;
на Запад секреты страны,
как макулатуру, сдавали,
и, словно родные штаны,
 заводы врагам отдавали;
народы текли, как река,
туда, куда их пригласили,
но многим лишь путь «челнока»
оставлен был людям России;
и так – без кровавой войны –
едва не лишились страны...

...Но наш гендиректор тогда,
всё делая чётко и быстро,
мотался туда и сюда,
не слушая наших министров.
Живя на заводе все дни,
он не отходил от рабочих,
и с ним были рядом они
все трудные долгие ночи.
Рукой проводя по лицу,
он чуял, как сердце заныло.
(Он знал, как в атаке отцу
в бою полноги отхватило...)
Но в нём
и сегодняшним днём
живёт та отцовская рана,
что жжёт его давним огнём
и мучит его непрестанно.
Она как боёк, что сидит
внутри ждущей выстрела пушки,
чуть тронешь её – и взлетит
она выше леса макушки!
Но нас гендиректор зовёт
на труд всё быстрее и лучше,
и дух тот вселился в завод,
чтоб армию делать – могучей!..

Вот цех-ветеран. «Старички»
здесь трудятся в шуме и в гаме.
Отсюда в Донбасс «пустячки»
уйдут скоро биться с врагами.
В одном из цехов бригадир
сказал перед всею бригадой:
«Ну нам ли краснеть на весь мир?
Позора, друзья, нам не надо!»
Сказал как-то каждому вслух
директор не громко, но смело:
«Люби своё дело, мой друг,
а сделал – люби то, что сделал!»

«Я помню родной мой станок, –
директору молвил рабочий. –
Мне – семьдесят.
Вышел мой срок!
Но я до работы охочий».

И крепко они обнялись,
как братья с горячей заботой.
И молвил директор:
«Гордись
своей непростою работой!
От наших спаси «гусаков»
не сможет ни толща бетона,
ни кладка из грузных мешков,
ни прочих слоёв обороны.
Ну кто я?
Я просто солдат!
Отец мой был тоже солдатом,
и как-то фашистский снаряд
ему срезал ногу снарядом...» –
так вёл гендиректор рассказ
о жизни родного завода.
И плыли снаряды в Донбасс
во имя победы народа.
Над цехом всем виделся флаг,
сигналя о вере и силе,

и значит – в надёжных руках
держались герои России!

Сюда как-то раз приезжал
танкист (его танк звать – «Алёша»¹),
он руки работницам жал,
улыбки их светлые множа.
Взяв в руки блестящий снаряд,
он поцеловал его звонко,
сказав, что снаряд ему брат
и к сердцу прижал, как ребёнка.
«Дорога к Победе длинна, –
сказал он, – всем хватит награды.
Но больше Победа нужна,
а нашей Победе – снаряды!..»

...Не зная ни бед, ни обид,
директор живёт меж звонками.
Смартфон, словно чайник, кипит,
звонки говосят, как цунами.
Трезвонят Москва и Казань,
Калуга, Воронеж, Самара,
запрос присыпает Рязань –
нужна ли вам прочная тара?
Однажды, услышав звонок,
директор застыл, как по струнке,
как будто ему сам Пророк
сказал что-то важное в трубке.
И, не разрешив себе сесть
иль хоть бы на малость пригнулся,
кому-то ответил он: «Есть!» –
и, слыша ответ, – улыбнулся.

...А в цех холодильников мне
войти не хотелось – ни разу!

¹ Баксиков Расим Рашидович (*татарин*) – командир танковой роты, который заменил раненого водителя танка по имени «Алёша» – Ф. Евсеева (*якут*). Сев на его место, Баксиков с командиром танка А. Леваковым (*русский*) и стрелком А. Неустроевым (*якут*) в неравном бою уничтожил вражескую бронеколонну. Все четверо – Герои России. (Прим. пер.).

Ну кто же не знает в стране,
где держатся масло и мясо?..

Спасибо, земляк, что меня
ты ввёл в своё гордое дело.
Я здесь был чуть менее дня,
а сердце, как птица, запело!

Я видел конвейер, что мог
крутиться и не замедляться,
а лозунг: «...плюс Позис!» – помог
мне в мыслях своих разобраться.

Отечеству очень нужны
слова, что сказал император¹,
они стопроцентно верны,
и люди словам этим рады.

И каждый рабочий из нас,
и каждый завод весь отныне
к словам его щедро отдаст
свой труд в укрепленье Отчизне!

Ну кто нам сегодня – герой?
Эпоха крушит всё и рушит,
ломает торжественный строй
и крепкие дружбы утюжит.
Примеры непросто найти,
хотя они рядышком с нами.
Ищи их на ближнем пути –
на том, где полощется знамя.
В Донбассе грохочут бои
при ливнях, жаре и морозе.
Сегодня герои мои:
директор завода – и «Позис!»

.....

¹ Александр III (26 февраля [10 марта] 1845 года – 20 октября [1 ноября] 1894 года) – российский император с 1 марта 1881 года. (Прим. пер.).

...Я вскоре вернулся в свой дом,
снаряду махнув на прощанье.
Но жаль, на снаряде на том
я не написал пожеланье.

Так пусть над планетою всей
пылает, как жаркие зори,
наш флаг над Россией моей,
врагов перед миром
позоря!

19–30 сентября 2024 года

Перевод с татарского Николая Переяслова

МАЙКЛ ШИПЛИ (род. в 1964 году)

Майкл Шипли много лет, с начала 90-ых годов, жил и работал в России. Он полюбил жизнь в солнечном Забайкалье, вдали от суеты больших городов. Здесь в Чите он работал переводчиком и тесно сотрудничал с факультетом иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета. Вёл занятия со студентами старших курсов, участвовал в жюри на фонетических конкурсах и т. п. Приходил на встречи Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России.

В течение многих лет Майкл был представителем американской некоммерческой организации «Сибирские мосты», президентом которой является Томас Дикинсон, музыкант по образованию, который много раз бывал в Чите, привозил сюда своих родителей и друзей, подбирал преподавателей, носителей английского языка из Великобритании и США, для работы со студентами в педагогической вузе. Майкл Шипли координировал эту работу здесь на месте.

В свободное от работы время он занимался творчеством – писал духовную лирику. В настоящее время Майкл Шипли с семьёй вернулся на родину в США.

Мы уже знакомили наших читателей с образцами его поэтических произведений. Предлагаем ещё несколько новых переводов духовной лирики этого автора.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Садится солнце на закате,
А утром вновь ему сиять.
Так мы с тобою каждый день,
Как свет, рождаемся опять.

ПРОБУДИСЬ

Пробудись ото сна жизни
В другом мире,
Где бессонные очи духа
Излучают Божественный свет.

БОЖЬЯ ЛЮБОВЬ

Как умелец создаёт своё творение
И солнце посыпает свои лучи,
Так и Бог освещает наш слабый разум
И каждое наше деяние, достойное похвалы.

СВЕТ НЕБЕС

Мои слова, увы, лишь отблески истины.
Но если б свет небес озарил меня,
Тогда я смог бы поведать о Боге.

ВЕЧНОСТЬ

В своё время мы все оставим этот мир
И наши души, освободившись от бремени, устремятся ввысь.
Мы должны приготовиться к этому дню
Своим благочестивым служением, жизнью в молитве.
И тогда, освободившись, наши души будут вечно
Парить в небесах вместе с ангелами.

Каждый камень имеет свою первопричину.
Каждый листок, каждая капля воды
Имеют своё место во вселенной
И играют свою роль.

Каждый из нас имеет свою миссию и своё предназначение.

Ты и я, и все остальные
От сотворения мира
И до скончания веков –
Сверкающие атомы,
Жемчужины света,
Драгоценные сосуды счастья.

Наши души – бессмертны.
Наши мысли – материальны.
Наши слова и дела более реальны,
Чем воздух или вода.

Если бы мы заранее знали свою судьбу,
Мы бы парили, как ангелы,
Задолго до того, как нам суждено покинуть этот мир.

СЛИШКОМ МНОГО СЛОВ

Лучше помолчать.
Слова только мешают.
Наш дух – в вечном движении и труде.
Для этого язык ему не нужен.

Но иногда мы вынуждены говорить:
Обстоятельства принуждают нас.
Если так – говори как можно меньше.
Говори только правду.

Слишком много слов,
Как слишком много одежды.
Сначала мы видим в ней пользу,
Но потом она превращается в обузу.

ПРОВИДЕНИЕ

Иногда я открываю глаза,
И всё становится ещё темнее, чем раньше.
В моих снах больше смысла,
Чем в реальной жизни.

Я попытаюсь объяснить, что имею в виду.
Каждый – включая меня – путается ещё больше.

В таком случае лучше довериться судьбе.
Нет смысла идти ей наперекор.
Сделай глубокий вдох и плыви по жизни,
Как щепка плывёт по течению в потоке воды
В ожидании нового направления,
Нового пути.

Приготовься.
Не суди никого, даже себя самого.
Затем закрой глаза,
Почувствуй единение с космосом и рассмейся.
Когда ты их снова откроешь,
Ты будешь там.

Однажды мужчина написал страстное письмо своей возлюбленной,
Но оно было доставлено другой женщине.
Она открыла его и прочла всё до конца.
Внезапно её сердце загорелось любовью, она нашла его,
И они полюбили друг друга.

Меж тем та, которой оно предназначалось,
Долгое время не открывала почтовый ящик.
Не грусти о том, чего ты не получил.
Возможно, тебе без этого живётся гораздо лучше.

ХАСАМ

Человек постучался в двери мистического провидца.
– Кто там? – спросил голос.
– Это только я, Хасам, – ответил человек.
– Ты один?
– Да.
– Ты лжёшь. Ты принёс с собой тысячу ненужных мыслей и
представлений.
Я вижу их даже отсюда.
Отпусти их все и приходи снова.

Хасам ушёл. Он размышлял и молился две недели, а затем вернулся.
«Лучше, но ещё недостаточно», – и мистический провидец выставил

его за дверь.

Так продолжалось месяцами и даже годами.

Хасам не отступал.

В конце концов, он вернулся, совершенно свободный от всех ложных представлений.

Как только он поднял руку, чтобы постучать в дверь,

он услышал голос:

– Тебе не нужно входить – ты уже здесь.

ПОЛЁТ

Один человек приготовился к длительному путешествию.

В последний момент его слуга стал умолять хозяина взять его с собой.

«Кто позаботится о тебе? – спросил он. – Кто соберёт твои вещи и будет прислуживать тебе?»

«Мне никто не нужен», – ответил хозяин. – Я отправляюсь один».

Но слуга снова и снова пытался приводить доводы, какие только мог.

Человек торопился успеть на поезд, но их перебранка всё продолжалась.

В конце концов, хозяин уступил и позволил слуге собрать свои вещи.

В ожидании он слонялся по дому, и время тянулось, как вечность.

Одним словом, они опоздали на поезд и вынуждены были вернуться домой.

Не бери пример с такого человека. Не поддавайся мирским желаниям.

Слушай свой истинный внутренний голос, который говорит:

«Иди сейчас. Лети!»

Птицам не нужны причины, чтобы парить в небесах.

КОЗЁЛ

Однажды козёл ушёл с фермы и, заблудившись,

Забрёл в прекрасный розовый сад.

В полном восторге он потерял над собой всякий контроль

И обгладал все розовые бутоны в саду.

Утром садовник обнаружил одни только голые стебли.

Проклиная раздувшегося от переедания спящего козла, он приготовился прикончить его и отправить к своему Создателю.

Но жена принялась ругать его словами: «Ты всегда жалуешься, что никто не восхищается твоими розами. Вот тебе и награда».

Когда ты созываешь гостей на пирушку под открытым небом, никогда не знаешь заранее, кто пожалует на неё.

НЕ СОПРОТИВЛЯЙСЯ

Всё в мире – часть одного целого.
Одна истина включает в себя все вопросы.

Хватит делить и умножать.
Лучше вычитать, убирать всё, что не имеет значения.
Только тогда ты найдёшь целое.

Чашка воды вмещает в себя тысячу капель.
А каждая капля – ещё тысячу других.
Мы жонглируем зеркалами, но свет остаётся тем же самым.

Гравитация тянет нас к земле.
Истина тянет нас к центру.
Перестань сопротивляться.
Всё, кроме Этого, – иллюзорно.

ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ

Однажды ранним утром король со своей свитой приблизился к спящей деревне.

Никто, кроме одного пастуха, не вышел встретить его.

«Добро пожаловать, Ваше величество», – сказал пастух, низко кланяясь

своему королю.

«Как получилось, – спросил король, – что ты один из всех селян узнал о моём появлении?»

«Ваш приезд пробудил лесных птиц, сир!

Они рассказали об этом зверям, а те – моим овцам.

Моё стадо поведало об этом мне, и вот я здесь».

Хорошие новости распространяются быстро, но нужно знать, где слушать.

ОТКРОЙ СВОЁ СЕРДЦЕ

Открой окно в своё сердце
И впусти туда солнечный свет.

Затем открой все двери и сломай все стены,
Чтобы между тобой и солнцем не осталось никаких преград.
В этом суть окончания земного пути
И рождения духа.

Ты спрашиваешь: «А как насчёт моего прекрасного дома?
Где я буду жить?»

Спроси птицу: «Почему ты летаешь?»
И получишь ответ: «Потому что меня зовут небеса».

Перевод с английского Ольги Стельмак

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

КАМИЛУ ПЕСАНЬЯ (1867 – 1926)

ПОД ГОЛОС ВИОЛЫ ТЯГУЧИЙ...

Камилу Песанья – практически неизвестный в России поэт. Мне трудно назвать переводы его произведений на русский язык, сделанные другими переводчиками. Могу только сказать, что их было очень мало. Работая над антологией «Лузитанская душа»¹ я попыталась отобрать наименее известных русскоязычному читателю португальских поэтов или ещё не переведённые на русский язык стихи более известных. В число таких менее известных поэтов вошёл и Камилу Песанья.

Судьба его была необычной. Незаконный сын португальского аристократа, после окончания юридического факультета в Куимбре он работал заместителем королевского прокурора в Миранделе и быстро покинул эту должность, отказавшись мириться с коррупцией в местной судебной системе. Он попытался устроиться на работу учителем, клерком у нотариуса и, наконец, начал рассматривать возможность работы

¹ Лузитанская душа: Стихи португальских поэтов XV–XX веков /. Сост. и пер. с португ. Ирины Фещенко-Скворцовой. – М.: Водолей, 2017. 232 с.

за границей. В возрасте 27 лет Песанья уехал в тогдашнюю колонию Португалии – Макао, где и оставался до самой смерти. Преподавал на кафедре элементарной философии в лицее, затем были другие должности, в том числе окружного судьи. Его жизнь вдалеке от Португалии и почти в полном отрыве от её литературных кругов привела к тому, что о нём распространялись слухи, как это обычно бывает, не вполне соответствующие действительности. То, что он жил в гражданском браке с китаянкой, от которой у него был сын, и что он не скрывал своей привычки к употреблению опиума, довольно распространенной в том месте и в то время, способствовало созданию образа проклятого поэта. Достоверно известно, что поэт был посвящён в масонство в 1910 году в ложе Луиса де Камоэнса в Макао под символическим именем Анжéлику.

Стихи Песаньи, собранные его другом, Аной де Каштру Озóриу, были изданы в полном объёме только в 1920 г., когда поэт находился в Макао, за шесть лет до его кончины. Книга, которую она опубликовала, называлась «Клепсидра» и составлена была из того, что издательница смогла собрать в то время. Позже её сын, Жуау де Каштру Озóриу, разыскал в газетах, журналах или у третьих лиц другие произведения поэта, объединённые им в новый сборник под названием «Клепсидра и другие стихи», вышедший в 1969 году.

Несмотря на изоляцию и отсутствие у поэта стремления к публикации и к сохранению своих стихов, поэтические произведения Камилу Песаньи оказали значительное влияние на поколение португальских писателей начала XX столетия. Случилось так, что примерно с 1910 г. Песанья стал культовым поэтом для наиболее интеллектуальной части португальской богемы, где его стихи переходили из рук в руки в рукописях или копиях, сделанных во время декламации поэзии Песаньи его другом, Карлушем Амару. Остался один важный документ – это письмо Фернандо Пессоа, в нём он говорил о том впечатлении, которое осталось у него после чтения Камилу Песаньей своих стихов. Он сравнил это впечатление с экзальтацией, восторгом, охватывающим глубоко верующих людей при виде святыни. В конце письма он утверждал, что стихи Камилу Песаньи, которые он знал наизусть, представляли для него «неисчерпаемый источник эстетического вдохновения».

В другом документе, менее известном, речь идёт об отдельной краткой заметке гетеронима-маски Пессоа Áлвару де Кампуша: «Только трём португальским поэтам XIX и XX столетий может быть присвоено звание «Учитель», «Мастер». Это Антеру де Кентал, Сезариу Верде и Камилу Песаньи. Я соглашусь с тем, что другие могли бы их опередить в плане своих общих заслуг и признания; но я никогда не соглашусь, что кто-то другой смог бы превзойти любого из них в открытии новых путей, обнаружении новых ощущений и предчувствий, что в литератур-

ной области и означает «учительство»... Первый учили думать поэтически; он открыл для нас истину, что глупость вовсе не является неотъемлемым качеством поэта. Второй учили наблюдать поэтически... Третий научил нас прятать, приглушать свои чувства; он осветил для нас истину, что быть поэтом – не означает нести своё сердце в ладонях, открытым для читателя, но достаточно открыть ему мечты, сновидения своего сердца. Этих слов, почти ничего не значащих, однако достаточно, чтобы представить читателю творчество этого большого и оригинального поэта – Камилу Песаньи. Остальное, то, что содержит всё, – это сам поэт».

(11 ноября. 1934).

1.

Я свет узрел в потерянной стране
И наделён, увы, душой бессильной.
О, если бы скользить по жизни мне,
Червём таиться под плитой могильной...

2.

ВЕНЕРА

Посвящается Пиреш Авеланозу

I

Зеленые пряди, волны хризопраз,
Как волосы путает водоворот...
От запаха плоти – чувства вразброд!
В каких же уклонах мой разум угас!

И синий живот, точно символ распада,
Волна, набегая, его увлажнит,
И снова уходит, а запах пьянит,
Волна, ты хмельная менада.

Твои очертанья туманит вода...
Плывёшь, колыхаясь, откуда, куда?
И ноги за телом, как будто летят...

А волны дерутся над мёртвой ундиной,
Стремятся её расчленить, шелестят,
И тащат её по песку разом с тиной.

II

Скользящий парус на прозрачной массе,
Под ней – мелкий песок, дно морское...
Пейзаж меняется в своём непокое,
Нет конца разделяющей нас трассе!

Гальки фарфоровой белизна,
Ракушек розовых тихие зори
Отдыхают в холодном растворе,
Там, куда не достанет волна.

Взглядом измерь эту глубь беззвучий:
Столько смертей на этом погосте!
Прекрасная ложь, о, призрак летучий!

Ноготки размыты приливом, хрупки...
Колебанием выдернутые зубки...
Ракушки, галька, кусочки кости...

3.

Посвящено Айреи де Каишту и Алмейда

Вернувшись, я нашёл свои следы,
Следы шагов, их не слизало море,
Как свеж их блеск в моём угасшем взоре...
Оживших дней мгновенной череды...

Глаза мутны от непролитых слёз.
Безумные шаги, куда вас мчало
И путало, и вот оно – начало,
К прощаньям первым ветер вас принёс.

Так шли сквозь годы, месяцы, недели,
По кругу куры в птичнике без цели,
Пока их крылья смерть не размягчала...

К чему кружить путём нетерпеливым?
Ведь час придёт, и смоет вас приливом,
Как новый след и новое начало...

4.

ЖЕЛАНИЯ

Когда меня уносит страсть слепая
К посулам нежным крошечного рта,
Грудь поднимает шёлк, чуть развита,
В сплетенье тонких кружев утопая,

Желание, тебя не побороть,
Сожми её, ведомое соблазном,
Почти расплющив в том объятье властном
Белейшую, трепещущую плоть;

Так в сумраке тропического леса
Обнимет ствол блестящая эмаль:
Смертельная сжимается спираль
Змеи – гигантской мышцы Геркулеса...

Когда потом, усталостью объята,
Замрёт в блаженстве теплой летаргии,
И к ней придут видения благие,
Под пальмой, утомлённая наяда;

Хотел и я, устав от лихорадки,
От призраков больных, чьим был рабом,
Плыть в океан – во взоре голубом,
Среди одежд, их запахи так сладки...

Так пьяница китайский с лицом фавна
Во сне вдыхает неподвижный дым,
Который трубка, что по жизни с ним,
Распространяла в воздухе недавно...

5.

I.

Суровых снов в душе моей не счесть.
Я смутный страх предчувствую до срока –
Страх будущего, им томлюсь жестоко
И погружен в тоску о том, что есть.

В тоску по боли этой, без истока,
Что не прогонишь, точно злую весть,
Бледнея на закате, сердцу несть
Должна бы тень, но жгуче злое око!

Боль, дисгармония, вы в мире этом
И души полните безумным светом,
И с неба гоните ночную тьму.

Без боли этой сердце стоит мало,
Как если б солнце сразу угасало,
Ведь лишь рыданье жизнь даёт ему.

II

Мы встретились в дороге и, похоже,
Не знали мы, что ищем – что-нибудь!
День добрый, друг! Вдвоём короче путь,
Тропа прямее и денёк погожей.

Раскрылась даль, уколы терний множа...
Вот ты присел, я отдохнул чуть-чуть.
В таверну входим, чтоб вина хлебнуть,
И пили мы вино одно и то же.

Путь в гору, камни резали ступни
И жаром жгли, как будто головни,
И каждый боль свою почувял люто,

От боли каждый пласал... Но, горяч,
Обоих нас пьянил совместный плач,
Его вином поила нас минута.

III

Мы задержались на пути не зря:
Окрепло мужество, воскресла сила...
Вот наши посохи, взошло светило,
Уходим прочь, отвагою горя.

Вино, ты непорочней, чем заря,
Такого не встречали мы в дороге,

Наполним тыквы, пусть и дух, и ноги
Нам укрепит нектар, в пути бодря!..

Мы разошлись. Нет никого со мной,
Я так хочу: один в грозу и в зной,
Я сам преграды на пути разрушу!..

Мне надо больше пить и плакать всласть,
Изведать взлёты и безумья власть,
И верить, и мечтать – наполнить душу.

6.

СУМЕРЕЧНОЕ

Сышен в воздухе стон приглушённый,
Шёпот жалобный – страсть роковая...
Запах слышится, ослабевая
Будто брошен платок раздушённый.

Кустик жимолости увядающей,
В аромате её – привкус вялости,
Наслаждения и усталости,
Нервный, женственный, словно тающий.

В крике птичьем, таком одиноком,
Непонятные боли и муки...

А в ладонях моих – твои руки,
Взгляд – во взгляде твоём глубоком.

Ручки белые... Ожидание...
Глаз твоих, чуть печальных, моление...
Это сонной природы томление,
Сумерек смутное страдание.

7.

*...и плача начала обливать ноги его слезами
и отирать их волосами головы своей...*

Евангелие от Луки, 7:38

Магдалина, о, спутанные пряди,
Лилия в грязи, белейшего цвета...
Сердце моё, ты стёртая монета,
Брошенная кем-то на эспланаде.

В наготе грудей – чистота завета...
Отречение и тоска во взгляде,
Он ведь тоже был, как и эти пряди,
Кровь, позор и грязь... стёртая монета.

А в груди – моленье или глумленье?
Мирно умереть от тоски постельной...
Тяжесть мрамора, его искупленье.

Нагота грудей, горечь дум во взгляде...
Кровь, позор и грязь в тёмный час смертельный.
Магдалина, о, спутанные пряди!

8.

Всё, что осталось от грустной идиллии, –
Эта весна, что продлилась мгновение...
Утра, что вдаль ускользают, в забвение!
В монастыре, там, где белые лилии...

Скрылись гортензии и анемоны,
Бедный жасмин засыхает тоскливо.
В монастыре процветает крапива,
Змеи снуют и горланят вороны;

Змеи – по имени полузаметному...
Камню, где змеям жилище укромное,
Где аромату, едва ли приметному,

Сладко овеивать буквы неровные,
Или сиять на них блику рассветному...
Милая, светлая надпись надгробная.

9.

Был день бесполезной ностальгии.
Солнечный день, солнцем затоплен!
Сверкали, как лёд, шпаги нагие...
Солнечный день, солнцем затоплен!..

День радостей фальшивых, ромарии¹.
Георгин облетал с улыбкой усталой...
Домой шли толпы людские.
Георгин облетал с улыбкой усталой...

День, что помнится дольше, чем другие.
Так блистал он... Так блёкнул... Так блистал он!..
В нём рассеяны идеи благие...

Легкомысленнее день, чем другие!
В нём шуток менуэты мастерские...
Так блистал он... Так блёкнул... Так блистал он!..

10.

ФОНОГРАФ

Мертвец читает с пафосом нелепым.
Хохочет зал над старостью смешной.
Анахронизмом пахнет, стариной,
И пылью лет промчавшихся, и склепом.

Меняется регистр, вот баркарола:
Луна и лилий чаши у моста.
И пред Тобой, как нимб, моя мечта
Над хлябью, что её не поборола.

Опять сменился: облаком крылатым –
Трель из рожка! И фрезий ароматом,
Он смел и терпок! Расцвела заря...

¹ Ромария (romaria) – сельский праздник, паломничество. (Прим. пер).

Вот смолк. И нежная душа корнетов
Стихает, утренней росой искря.
Фиалки пахнут! Утро запахов и светов!

САН-ГАБРИЭЛ¹

К четвертому столетию с открытия Индии

I

Полный штиль. Паруса убрали,
А на мачтах флаги взгрустнули:
Колыхнулись – и к мачтам прильнули.
Чайки в воздухе обмирали.

Весла – прочь! Ритмы, что побеждали
Силу волн, онемели, уснули!
Нас надули ветра в их разгуле,
Что забросили в эти дали?

Сан-Габриэл, пути нам торя,
Архангел, благослови моря!
Пусть паруса нам наполнит зюйд-вест.

Попутные к нам позови ветра,
Веди к достижению Света, Добра.
Смотрите! Похоже на Южный Крест!

II

Мы поведём опять суда, каравеллы
В фосфоресцирующем растворе,
Килями расчерчивая море,
В мерцающиеочные пределы.

Их вогнутые паруса так белы,
Днём они сверкают на просторе,
Превращаясь в мягким лунном флёре
В призраки, беломраморные стелы.

¹Так назывался главный корабль, участвовавший в экспедиции Васко да Гамы в Индию в 1497–1499 гг. (Прим. пер.).

Сан-Габриэл, веди нас в дым сверкающий,
От горизонта море облекающий,
А ночь молочная полна силуэтов:

И в ней блестают души, как дозорные...
Влюблённые, судьбе своей покорные,
Души воинов, святых и поэтов.

12.

КИТАЙСКАЯ ВИОЛА

Посвящается Венсеславу де Морайи

Под голос виолы тягучий
Пустая беседа уснула,
И мнится подобием гула
Размеренность этих созвучий.

И сердце моё не вздохнуло
Под звук носовой и зыбучий,
Под голос виолы тягучий
Пустая беседа уснула.

Но что же бедой неминучей
В нём память былую раздуло
Под властью посыла-посула
Смятенья морокою жгучей?

Под голос виолы тягучий...

13.

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

Боль накатит нежданно,
Как море, идёт нежданно,
От белизны нежданно
Всё покрыто тенью.
Глаза – в плenу обмана
Не видят в плenу обмана,
Бегу я от обмана
К сладкому забвенью.

Безлюдный пейзаж заснежен,
Бескрайний, он белоснежен,
Блистающий белоснежен,
Из груди моей крик исторг!
И я в этом блеске подвешен,
Ни дум, ни мыслей, нездешен....
Парю в белизне, с нею смешан...
Какой бесконечный восторг!

И в световом потоке,
Залившем небо потопе,
В блистающем потоке
Идут издалека,
Наги и босоноги,
Жалки и одиноки,
Издали так одиноки
Там, в глубине зрачка.

Где песок и барханы,
Там, вдали, караваны,
Бесконечные караваны
На горизонте, вдали.
От боли людской точно пьяны,
От чрезмерных страданий пьяны...
От напрасных страданий пьяны!
Идут, лоб склонив до земли.

Согнулись, будто горбаты,
Измучены и горбаты,
Друг за другом бредут, горбаты,
Словно живые монстры;
Рабам ожидать расплаты,
Их тени легли на закаты,
Чёрным легли на закаты,
Жалки, ничтожны, тощи.

Дрожат от взмаха хлыста,
От страха при свисте хлыста,
И веки мои при свисте хлыста
Дрожат, но не от страха.
И стонут, боль их лютая,
Слабо, хоть боль их лютая,

Терпят, хоть боль их лята,
Качаясь от каждого взмаха.

Каждый, упав, встанет,
После удара встанет,
Вновь упадёт, встанет,
Их страх поднимает, доколь
Сознание их не канет,
В омут глубокий не канет,
Смерть их не одурманит,
Тогда отступает боль...

И там они безмятежны,
Лежат на спине безмятежны,
Свет, их целуй, безмятежный,
В свободный, спокойный лоб...
О, как небеса нежны,
Сады благодати нежны,
Ласковы и утешны,
Там души вольны от хвороб!

Боль – пейзаж белоснежен.
Пустынный пейзаж белоснежен,
Блистающий белоснежен –
Ослеп я в одно мгновенье.
И я в этом свете подвешен,
Ни дум, ни мыслей, нездешен....
Парю в белизне, с нею смешан
В сладком исчезновенье.

Будь ко мне милосердной,
Смерть, сестрой милосердной,
Поспеши ко мне милосердной,
Осуши этот лоб в поту...
Начинается хрип предсмертный...
Жду твоей заботы усердной,
В ней – начало мечты бессмертной...
Вот: всё красное и в цвету...

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

АНГЛИЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

От переводчика. «Детскими рифмами» англичане называют стихи, песенки, колыбельные и считалочки. Это фольклорные произведения. Но к ним могут относиться и авторские стихи или песни, столь популярные, что стали, по сути, народными, а их авторы забылись. Например, песня Энн и Джейн Тейлор «Звезда», один куплет которой превратился в известную любому англичанину колыбельную.

*Twinkle, twinkle, little star,
How I wonder what you are.
Up above the world so high,
Like a diamond in the sky.*

Перевод её открывает подборку. Английская народная детская поэзия очень необычна своим звучанием, а часто и смыслом. Ей свойственны оригинальная образность и ритмический строй, притягательность очаровательной бессмыслицы, игра слов и смыслов, гROTеск, фрагментарность и свобода фантазии. Сказочное и небывалое здесь часто предстаёт не в виде чуда, а в виде нелепости и абсурда. Истории без начала и конца, прозаичность и парадоксальность действительности, отсутствие логической связи между персонажами и событиями и насмешка над ними – это черты неповторимого английского юмора. Из него выросла знаменитая литература «нонсенса», прославленная именами Эдварда Лира и Льюиса Кэрролла.

ЗВЁЗДОЧКА

Здравствуй, звёздочка-звезда,
В небесах свети всегда,
В вышине сияй для нас,
Как сверкающий алмаз.

БЕТТИ БЛЮ

Потеряла Бетти Блю
Туфлю дорогую.
Бетти туфельку куплю
Я взамен другую.
Потому что Бетти Блю
Я без памяти люблю.

ЛОВКИЙ ВИЛЬЯМ

Вильям – ловкий рыболов,
Нёс в корзине свой улов.
Был он ловок чересчур –
Наловил корзиной кур.
Понапрасну дни неслись,
Только куры не неслись,
И от этих глупых птиц
Не дождался он яиц.

СТРАННЫЙ ПИТЕР

Питер, хоть не ходит прямо,
Не дурак и не упрямый.
Объяснить вам почему?
Потому он криво ходит,
Что себя он за нос водит –
Нос кривой виной всему.

СТАРАТЕЛЬНЫЙ ДЖОННИ

Папа ловит рыб в воде.
Жарит на сковороде
Мама их с картошкой.
Ну, а Джонни быстро ест
Их огромной ложкой.

СЧАСТЛИВЧИК ТОММИ

Жил счастливчик Томми
В развалюшке-доме.
Мог ловить он из дверей
В мутной луже пескарей.

РОБИН И РИЧАРД

Робин и Ричард в делах преуспели.
Спали они до полудня в постели.
Робин проснулся и глянул в окно.
«Ричард, – кричит, – солнце встало давно!»

В путь выходи да мешок не забудь.
А я на коне доберусь как-нибудь».

ДОБ И МОБ

Жил прекрасно дядя Доб
Со своей женою Моб,
Был он верен ей по гроб.
И мечтал он, чтобы
Жили кошка тёти Моб
С пском его, по кличке Боб,
Без вражды и злобы.

ПОРОСЁНОК

У Джеки в сарае живёт поросёнок,
Ничем не приметен, не толст и не тонок.
Но Джеки его не отдаст никому –
Ведь равного в хрюканье нету ему.

СЧИТАЛКА

Раз, два, три,
На Мэри посмотри.
Четыре, пять, шесть –
Устала вишни есть.

РАЗРЕШЕНИЕ

– Мама, я пойду купаться?
– Ладно, доченька, иди.
Вешай платье на орешник,
Но к воде не подходи!

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Если б мир был из бумаги,
А моря бы из чернил,
А леса из школьных ручек –
Что бы там я ел и пил?

СТАРУШКА ИЗ ДАНДИ

Жила в городишке старушка одна.
Малюсенький садик имела она.
Там фрукты едва ли
Когда вызревали.
Но дико росла там на фрукты цена.

ЧУДАК

Один старишок чудаком был немножко:
Он суп с аппетитом упивал вилкой,
Копал огород оловянною ложкой,
Вколачивал гвозди бутылкой.

В леса прилетели
Пичужки в апреле.
И ветки ломая,
Напрыгались в мае.
В канун полнолуния
Напелись в июне,
Июль просвистели –
И вновь улетели.

Перевод с английского Евгении Славоросовой

КИМ СИМОНСЕН (род. в 1970 году)

Ким Симонсен – крупный фарерский литературовед, культуролог, доктор наук, писатель, редактор и основатель фарерского литературного издательства «Eksil». Автор научных трудов о литературном процессе в странах Скандинавии и о фарерской национальной и культурной идентичности в современности и в исторической перспективе. Он автор нескольких книг стихов на фарерском языке. В разные годы его жизнь была связана с рядом университетов в Европе и за её пределами. В настоящее время живёт в Копенгагене. Поэма, первая часть которой пуб-

ликуется здесь, была номинирована на литературную премию Северного совета в 2023 году.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАПЛИ ОКЕАНСКОЙ ВОДЫ ПОХОЖ НА КРОВЬ В МОИХ ЖИЛАХ

ПЕРВОЕ УТРО НА ЗЕМЛЕ

Сегодня утром не стало моего отца,
всю жизнь проплававшего
по морям и океанам.

А сейчас волны бьют в берег,
как били прежде,
набегая: волна на волну.

Таким образом волны стремятся
обнять берег,
землю,
всё то,
что ложится
на всё.

Всё взморье усеяно медузами.
Вот в чём вопрос:
Они договорились
сегодня свести счёты с жизнью здесь,
среди колышущихся морских лилий, морских блюдечек да мидий?
Ведь есть же в них что-то такое призрачное, напоминающее
призраков, когда они неторопливо движутся в воде.
А сейчас их выносит на берег,
как фиолетовую желеобразную материальность.

Сегодня утром свет мерцает,
а горы внизу черны,
окаймлены снегом.
Сейчас здесь всё,
а тебя нет,
ты больше не в этом
мире.

Моя продрогшая рука касается
изгороди, мокрой от дождя.
Здесь пахнет землёй,
слышен шелест птичьих крыл.
Я думаю о насекомых,
дождевых червях,
вирусах,
о том, что у слова «темно»
и сам звук какой-то тёмный.
Я – вирус,
я – сорняк,
я заплесневел.
Я единственный,
кто знает,
что в конце концов
меня съест
не одно –
так другое,
подобно тле
или слизняку,
пожирающему растение.

Вся вода течёт из океана.
Вся вода уходит снова в океан.
Анаксимандр, первый философ,
говорил, что всё смертное
вновь возвращается
к тому элементу,
из которого вышло.

Замечаю кошачьи следы
и обнаруживаю в снегу
раненую малиновку,
она смотрит на меня крохотными глазками,
а сама истекает кровью;
я беру её на руку

и пытаюсь согреть;
и она знает,
и я знаю,
что уже всё.

Сегодня утром не стало отца.
День занимается,
через пару часов будет совсем светло.
Кромка гор одета снегом.
Вчера я подстрелил в горах зайца,
а он так и продолжал бежать,
и я снова выстрелил.
Когда я его нашёл,
у него было отстрелено полголовы.
А сейчас морской прибой салютует дню,
который крадётся на цыпочках.
И темнота, довлевшая над нами,
постепенно ослабляет хватку.

Вот море слизывает куски суши,
под конец волны источат всю землю,
пока последний утёс не рухнет в море.
Фьорд, прибой и влажный склон горы
под конец превратились
в смертную пастораль,
архаическую,
ведущую прямиком в Аид.
И теперь здесь поселилась Смерть:
вот её пристальный взгляд
из щавеля и сухотравья.

Много дней без перерыва лил дождь,
луга, море и небо слились воедино,
мы – состояние текучее, изменчивое,
вот на стволах умирающих дубов
прорастают жёлтые грибы,

пока солнце закатывается,
а с деревьев уже облетела кора.
Мне интересно внечеловеческое:
насекомые, вирусы,
воспаления,
всё, что течёт
и сочится среди
наших ноздреватых пор.

Съедаю сливу
её сок брызжет мне в рот.

Вот в чём вопрос:
Видели ли деревья меня,
пока я не увидел их
в моём детстве?
Заботились ли обо мне грибы,
раскинувшись под землёй, как телекоммуникационная сеть,
одновременно во все стороны,
где один провод говорит со всеми другими,
всеми травами и деревьями,
растущими здесь?
В это утро моя
телекоммуникационная сеть
простирается во все части света
и обратно – в этот посёлок,
на этом острове,
на этом берегу,
к этим кочкам с сухой травой,
где тростинки обвисли под тяжестью
мелких сверкающих сосулек,
а солнце светит на лёд,
и свет, отражаясь, слепит мне глаза.

Овидий в «Метаморфозах» сказал,
что органическая жизнь не длится вечно,

что природа – великая обновительница,
что в мире ничто не погибнет бесследно,
что всё превратится.

Карл Саган сказал,
увидев из космоса Землю:
*«Все когда-либо существовавшие люди
прожили свои жизни на ней».*

С утра я слышу пение незнакомых птиц, но самих их никак не найду.
Можно ли расширить понятие «дом» на все формы жизни:
инвазивные виды птиц, червей, жуков
и леопардовых улиток-неритин?
На залётных птиц,
осевших в наших краях?
Не есть ли вот эта прогулка среди этого вот
пейзажа
движение по ниточке
назад к чему-то иному –
лучшему миру, времени,
когда я ощущал: меня любят?

Смотря по тому,
где я нахожусь в пространстве,
или откуда я перемещаюсь в этом пейзаже,
между берегом и камнями на горном склоне
растут мелкие вечнозелёные цветы,
где темноголовые и чёрно-бурые овцы
стоят над изгородью, часто дыша,
а сквозь выпирающие рёбра
проглядывает смерть,
а их дыханье из ноздрей как серое облако.

Сегодня утром рассвело на пару минут раньше, чем вчера,
но, даже если зарыться в подушку,

не избавишься от ощущения,
что одиноко падаешь
сквозь небеса
в это утро.

На скале виднеется пороша,
снег – промежуточное звено
между влагой, травой и твёрдым веществом,
эта убогая химия снега
как это время,
как водоросли и сухие стебли,
а ещё – как этот день,
между кучками овечьего помёта
и мокрыми камнями,
здесь влага струится по окну,
а сам дом тих и пуст,
а за окном ждёт
базальт и замшелые валуны,
мох зелёный да жёлтый,
ни маков, ни роз не видать.
«Тебя больше нет», –
громко говорю я сам себе.

Сегодня отца не стало.
Вот в чём вопрос:
Можем ли мы рассказывать новые рассказы,
какие могут быть рассказы
о других рассказах?
Вот я рассказываю свой рассказ,
этот самый, про медуз,
про птицу, начавшую вить гнездо
по соседству,
о морском прибое и ночи.

Конец первой части

Перевод с фарерского Ольги Маркеловой

ПРОЗА

ДМИТРИЙ ПОПОВ

МЭРИ ХАНТЕР ОСТИН (1868 – 1934)

ПЕВЕЦ ПУСТЫНИ

Творчество Мэри Хантер Остин пока остаётся почти неизвестным российскому читателю. Однако это имя уже давно прочно заняло хоть и не самое высокое, но весьма почётное место в истории американской литературы. Возможно, это самый необычный и колоритный автор из тех, кто посвятил свой литературный и научно-публицистический труд Большому Североамериканскому Юго-Западу от Калифорнии до Нью-Мексико, включая прилегающее к нему пустынное нагорье Большого Бассейна, хоть и не столь яркое, но исполненное сурового очарования.

Она стремительно ворвалась в литературу своими необычными в жанровом и содержательном смысле книгами о природе, истории, культурных традициях и укладе жизни народов этих бескрайних просторов. Вдумчивый математик по образованию и вдохновенный литератор по призванию, любому из своих текстов она придавала, с одной стороны, глубоко продуманный и логически выверенный смысл, а с другой, на редкость живую и блестящую литературную форму. И потому, о чём бы она ни писала и к какому бы жанру ни обращалась, любое её произведение читается как увлекательный роман, блистающий наивысшим мастерством художественного слова. Пожалуй, это и позволяло ей быть уверенной в том, что каждый заинтересованный читатель прочтёт любую её книгу с неослабным вниманием и подлинным удовольствием.

Что касается творческой биографии, то Остин проявила себя в качестве весьма плодовитого и успешного писателя, поэта, драматурга и литературного критика, влившись в круг, к которому относились Джек Лондон, Синклер Льюис и Джон Рид. Кроме того, она проявила себя в качестве одной из первых феминисток, а также защитника прав индейцев и испано-американцев.

По утверждению Э. Сетона-Томпсона: «*Среди белых людей были такие, кто столь близко сходился с краснокожими, что они смогли заглянуть им глубоко в душу и многое записать или выразить в собственных словесных картинах, которые являются для нас ничем иным, как драгоценными откровениями*». В этот список он внёс Хартли Алексан-

дер, Лилиан Спенсер и Альфреда Вулера, но, в первую очередь, именно Мэри Остин.

В той части своего творчества, которая обращена к индейской тематике, Остин, подобно традиционному сказителю, не делает разницы между собственными авторскими произведениями и передачей народных преданий и песен. На упрёки педантов в «плагиате» она отвечала, что никогда и не стремилась стать исследователем мира индейцев, но ей посчастливилось самой стать одной из них.

Она назвала свой любимый Юго-Запад «землёй завершения странствий», где закончили свои скитания по лицу земли многие странники, от народов пуэбло, навахов и апачей до переселенцев из Испании и Мексики и, наконец, белых американцев. Она описала этот край, как в изрядной степени суровый, но обладающий какой-то особо непреодолимой притягательностью. И хотя судьба увела её в большое странствие по Западной Европе, после чего она на добрые полтора десятилетия осела в Нью-Йорке, где весьма успешно продолжила литературный труд, но память сердца всё же взяла своё и властно увлекла обратно в Нью-Мексико. Так что последние свои годы она провела в его столице – Санта-Фе.

Дом Мэри Остин в Индепенденсе (штат Калифорния) на юго-востоке Большого Бассейна, где она написала свою первую книгу, принёсшую ей успех и популярность, стал домом-музеем писательницы. А один из горных пиков Сьерра-Невады неподалёку от него назван её именем. Её последний дом в Санта-Фе внесён в «Национальный реестр исторических памятников».

ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ

Кто может по-настоящему знать женщину, даже свою собственную дочь, – говорит Раскатистый Гром из ютов Белореченцев, – кто может её узнать, кроме как на собственном опыте? Моя дочь росла в родительском доме, пока её грудь не созрела, и была для меня всем, что занимало мои мысли. Поэтому я выдал её замуж за Тайви из клана Ункомпагре¹, который был несколько старше, как и положено для столь нежной девушки, но был крепким и хорошо обеспеченным. Кроме того, я получил от него коня и ружьё, которые он преподнёс мне ради моей дочери. Разве не должен человек поступать по своему разумению в собственном

¹ Ункомпагре (на языке ютов букв. «камни, от которых краснеет вода»), как и Белореченцы (от Белой Реки, или Уайт-Ривер) – кланы и территориальные кочевые общины племени ютов. Ункомпагре, самый крупный из них, прежде носил прозвание Табегуаче, то есть «люди Солнечной Горы» (Сан-Маунтин). Сегодня название этого клана входит в целый ряд топонимов (гора, лес, река, плато, геологическая формация, и административный округ) в штате Колорадо. (Здесь и далее прим. перевода).

доме? Но лишь только услышав о браке, она стала брыкаться, как бычок. Даже жена моя возвысила голос против и тем опозорила меня перед этим Ункомпагре.

Это неправда, что я не любил свою дочь. Во мне говорила мудрость предков и желание, чтобы она была уважаема, а её дети наслаждались изобилием. Но я принял этого Ункомпагре за более серьёзного человека, чем оказалось на самом деле. Я думаю, что та еда, которую дают нашим сыновьям в правительственной школе, мягкая и безвкусная от хранения в жестяных банках, лишает их какой-то части мужского достоинства. В мою пору, как и во времена моего отца, если мужчина овладевал женщиной, то мог и побудить её следовать за ним по жизни. Но моя дочь, даже оказавшись под его одеялом, стала противиться ему, своему мужу. Она разбросала все вещи в том доме, который он построил для неё, и когда на следующий день он вернулся, то нашёл её у холодного очага с головой укрывшейся одеялом. Дважды она убегала от него в родительский дом, и дважды я возвращал её обратно, как и полагалось.

— Ради своей бабушки!¹ — возвзвал я тогда к Ункомпагре. — Сделай же ей ребёнка.

Ведь известно, что даже если женщина остаётся жесткосердной, отдаваясь мужчине, то уж точномягчает, давая грудь младенцу.

Я не видел в этом браке ничего предосудительного, ведь зять мой не пил и не играл, и, даже когда моя дочь сбежала в наш дом, она носила подаренную им прекрасную шаль. Она сидела, прислонившись головой к стене, сцепив руки на коленях, и смех её был похож на звон молодого дождя. Мне несколько раз приходило в голову, что Ункомпагре следовало бы её высечь. Я спросил:

— Ты что, уже совсем побелел²?

И что ему оставалось делать, кроме как упрекать меня самого в том, что я воспитал её, не попробовав даже розги? Но что я мог поделать с женой, которая вот-вот оглушит меня своими стенаниями? В конце концов меня уговарили обратиться в Совет общины за разрешением на развод, которое и было дано, когда я убедил всех, что девушка, испробовав этого Ункомпагре, не хочет иметь его в мужьях.

Вернулся ли в мой дом мир? Лишь на несколько дней. Дочь, как мокрая ворона, сидела у очага и огрызалась на меня как больная собака. К тому же она исхудала, и жена решила, что Ункомпагре наложил на неё заклятие. Я отдал три мешка кукурузы знахарю из наших Белореченцев, чтобы он снял тот заговор, но из этого ничего не вышло. Тогда я стал следить за Ункомпагре. И решил, что если моя дочь умрёт или бу-

¹ Традиционный для ютов призыв; то же, что более привычное для нас «во имя всего святого».

² Ты что уже совсем побелел? — то есть, уподобился белому человеку.

дет при смерти, то я непременно должен убить его. Я узнал, что он закрыл дом, в котором она жила, вместе с обстановкой, и много времени проводит в горах со своими лошадьми. Всё это я рассказал жене, которая не переставала меня попрекать.

Тем временем, когда дочь всё ещё была в своей чёрной хвори, Хадатси, ковбой, сказал мне, что Ункомпагре снова женился или по крайней мере собирается, поскольку тем утром, проезжая мимо его дома, он заметил там женщину.

— Радуйся, — сказал я дочери, — ведь когда жених приведёт невесту в свой дом, ему будет уже не до заклинаний.

А она вдруг и говорит:

— И что, она поселится в том доме, который он построил для меня?

И всю ночь я слышал, как то заклятие терзало её, пока она лежала на кровати в дрожи и конвульсиях. А утром, когда я уже работал в загоне для клеймения, прибежала жена. Сила того заговора оказалась такой могучей, что наша дочь вообще сбежала из дома!

До темна мы ходили по домам друзей, но никто её даже не видел. Ту ночь жена проплакала, завернувшись в одеяло, а я чистил и смазывал ружьё. Снаружи стучала магия барабанов, ведь когда в пределах селения бродит чёрное колдовство, кто знает, куда оно ударит? Все разговоры между жёнами нашего посёлка шли только об этом. Лишь забрезжил рассвет, мы встали, а с нами и наши друзья, и все вместе направились к дому Ункомпагре. По дороге мы позвали нескольких уважаемых мужчин из его рода, чтобы они были свидетелями того, что всё будет сделано по обычай. Его дом темнел на фоне восхода, а над ним вставала тонкая струйка дыма. Мы остановились, не подходя слишком близко, — ведь кто знал, какие чары творятся внутри. Наконец дверь открылась, и из неё вышла... моя дочь. Она выглядела сильной и здоровой, и все украшения были на ней.

— Уходи! — воскликнул я. — Уходи от этого творца злых чар, чтобы я дал ему испробовать ту магию, которую приготовил! — И потряс своим ружьём.

Тогда заговорила она, и её услышали как все наши, так и старейшины Ункомпагре:

— Уходи сам, старый дурак, — заявила она, — вместе со своими глупостями о заклятиях и чужих женщинах! Это была всего лишь его сестра, пришедшая вытряхнуть пыль из моих одеял. Иди домой вместе со всеми. И никогда больше не являйся сюда создавать беды между мной и моим мужем!

Эхья! Женщины... женщины!... — вздохнул Раскатистый Гром. — Только родив мне внука, она простила меня!

ТВОРЦЫ ПЕСЕН

Разговор продолжался уже почти час, без всякого повода для меня что-либо вставить со своей стороны, что было весьма утомительно.

— Дело в том, — подытожил профессор, и остальные члены компании с ним согласились, — что единственное место, где можно услышать Вагнера в должном исполнении, это Байройт.

Сосны за окном закачались от этого заявления, а за его стеклом на нас надвинулся мрачный морской туман. Вдруг раздался треск пылающего полена.

Алая вспышка вырвалась на свободу и превратилась в трёхдюймовый сгусток пламени. Туман мгновенно подхватил его в виде огненного отблеска снаружи и превратил в пустынный костёр, взметнувшийся меж половин распавшегося надвое полена. В темноте на его фоне, благодаря какому-то высшему преломлению сознания, я разглядела мечтательное лицо своего друга — знахаря Тиннемахи.

До меня донеслось, как профессор добавил, что в наши дни настоящие песенные танцы можно увидеть только в земле шошонов¹, и из бархатного мрака пустыни ему отозвался Кёрн-Ривер Джим.

— Но в прежние времена, — сказал он, — прямо здесь, в Сагараните, жила чисера², которая могла напеть ветер с запада, а за ним и дожди. Она могла напеть и сам дождь, заканчивая вместе с ним. И, заслушав её, устоять было невозможно, как на ветру, и все вставали на ноги и танцевали то, что она пела.

— В земле шошонов, — сказал Тиннемаха, — я помню человека, который мог заставить сердце выскакивать из твоей из груди. Он сделал по-гримушку из бараньего рога с ручкой из стебля мескаля³ и плясал ей в такт. Он научил меня танцевать некоторые из своих песен за мешок табуса⁴, но я никогда не мог сравниться с ним, потому что лучшим в его исполнении было то, что он делал это каждый раз по-новому.

Профессор тем временем говорил, что в силу особой интеллектуальности Вагнера французы вряд ли когда-нибудь смогут его верно интерпретировать, но я продолжала слушать Тиннемаху, ведь, помимо то-

¹ Шошоны — большая группа племён юто-ацтекской семьи; близкородственны ютам, пайютам и ко-манчам; расселялись в центральной и северной частях Большого Бассейна; основное занятие — охота и собирательство.

² Чисера — знахарка.

³ Мескаль — растение из семейства агавовых, произрастающее в горных песчаных районах юга США и Мексики. Обладает толстыми и широкими листьями, что позволяло индейцам заготавливать их на долгое хранение в печёном виде. В наше время в Мексике служит сырьём для изготовления одноимённого крепкого спиртного напитка.

⁴ Табус — корнеплод, возделывавшийся индейцами Большого Бассейна на ирригационных полях; традиционный продукт питания.

го, что это был во многом тот же самый разговор, он был гораздо интереснее.

— Сейчас в школах, — говорил он, — наших детей учат песням белых людей, но они не трогают вас за душу, как наши старые песни. Они слишком многословны.

Он перешёл со своей родной речи на отрывистый английский, на котором, по его мнению, и должна была звучать любая критика в адрес белых людей.

— Эти люди слишком много поют ртом, — сказал он, — а шошоны поют здесь, — и он провёл рукой по всему торсу ладонью внутрь, тем самым выразительным индейским жестом, охватывающим область солнечного сплетения, место Внутреннего Человека, который поёт и котому подпеваю, — здесь, — его рука движется наружу, слегка перебирая струны души. — Он танцует, он молится в песне. И молитва его не в словах. А в том, что он думает, когда поёт.

— Прошлой ночью, — сказал Кёрн-Ривер Джим, — мне приснилось, что я пою. А когда проснулся, то заплакал, поскольку моя песня ушла от меня.

— Это была песня Койота, — сказал Тиннемаха.

И мы замолчали, пока пламя плескалось и мерцало, размышая о том человеке, у которого, когда люди собирались вместе, не было песни, а он очень хотел иметь её и скорбел об этом. Однажды он купил песню у Койота за корзину корней тулे¹ и пел её среди своих соплеменников той ночью, пока земля под ним не истолклась в пыль, а сам он не погрузился в глубокий транс, который приходит за крайним экстазом. А ночью Койот пришёл и забрал песню обратно.

Я вспомнила столь же старую сказку о саксонском певце и подумала, что, будь то бог-зверь или бог-человек, этот миф открыл мне столько, сколько я могла уяснить, о самом источнике всех песен, проникающих в наше сознание, готовое принять их, тихо, как пепел костра.

— Но все ли ваши песни, — поинтересовалась я, — звучат изнутри вас?

— У каждого человека есть своя песня, — отзвались они, — которую он выпевает из себя, и никто не смеет её петь без его позволения. Но иногда, когда это уж очень хорошая песня, он завещает её своему другу, и народ пользуется ею. А в иных случаях песня человека настолько личная, что никто не может по-настоящему понять её, и тогда она умирает вместе с ним.

— А когда человек создаёт песню?

¹ Тростник, растущий по берегам рек Большого Бассейна; его корни и семена — традиционный продукт питания для индейцев, а сам он использовался индейцами для изготовления корзин, верёвок, сандалий и одежды.

– Как я могу сказать? – спросил Тиннемаха. – Это происходит, когда в нём восходит Внутренний Человек. Это может произойти, когда он сразил свою первую охотничью добычу или дал женщине понять, что он мужчина, когда у него родится сын или будет убит его первый враг. Кто может предугадать этот великий момент?

– Я знал одного, – добавил Кёрн-Ривер Джим, – кто завёл песню, когда опьянял. Три дня он пас скот в верховьях Тунавай в песчаную бурю, почти не ел и не спал. А когда всё закончилось, бригадир дал ему столько виски, сколько душе угодно, и когда он изрядно набрался, то завёл песню. – Глаза Джима блеснули. – То была хорошая песня.

Я вспомнила, что слышала её, самую отвратительную из всех известных мне индейских мелодий, и подумала, что чувствовала бы себя точно так же, если бы сильно напилась, но Джим считал её уморительной.

Тогда мы заговорили о песнях, которые не являются личными, а дошли до людей с давних времён: колыбельные, любовные, песни для начала и конца дальнего пути.

Тиннемаха встал и затянул одну из песен победы:

*Xa... a... a,
Xa... a... a!*

Резкий, горловой звук, словно его Внутренний Человек проснулся и стал поглощать то, что ему по нраву:

Xa... a... a!

И знахарь, раскачиваясь, запел:

*Прилетайте, канюки!
Пир готов!
Ха ... ах! –*

пока я не услышала взмахи их широких крыльев между обнажёнными мертвецами и чистым небом.

– Мой отец узнал эту песню, когда был молодым и мы сражались с мохаве¹. Мы перебили их лучших бойцов и забрали у них оружие, потому что у них были длинные стрелы, которые запутывались в кустар-

¹ Мохаве – юмаязычное племя бассейна реки Колорадо. В научно-культурную сферу Америки вошли благодаря добруму десятку трудов психоаналитика и этнолога Жоржа Деверё, изучавшему чрезвычайно развитые у этого народа традиции сновидчества.

нике, и они не могли стрелять так же быстро, как наши люди своими короткими стрелами.

Мертвецы начали пухнуть, и один из наших стал танцевать среди них и завёл песню.

Тогда один за другим остальные стали подхватывать, и всю дорогу домой они танцевали её, пока женщины не услышали, как они возвращаются по своим тропам. Так эта песня перешла ко всем шошонам.

— А вы всегда танцуете, когда поёте?

— А как же иначе? — с лёгким изумлением отозвался Тиннемаха.

— Сначала, — сказал он, — идёт песня, но потом обязательно и танец с музыкой.

Xa... ax... a!

Мускулы его груди взбугрились под тонкой хлопчатобумажной рубашкой. Горловые слоги вырывались из него, словно повинуясь ритму танца.

— А потом, — заключил он, — являются слова. Иногда они слишком древние и уже забытые, и тогда люди придумывают новые, но это не делает новой саму песню. Песня остаётся за ними.

Во мне вспыхнуло осознание того, как можно объяснить аккомпанемент бессмысленных слов, которыми сопровождалась большая часть их племенных церемоний, раздувавшихся по мере развития действа в ровные песенные потоки с одним-двумя предложениями, как пенная рябь на гребне каждой из них, — песня за песней, выпевающая сама себя из всей их памяти и познаний.

— Спой мне снова ту песню, которую ты танцевал мне в начале цветения дикого миндаля, — попросила я, отбивая руками её ритм.

Трава на горе, —

запел Кёрн-Ривер Джим. — Это очень старая песня пайотов¹.

— А дальше? — спросила я.

*O, как долго
Снег лежит на горах.
Вниз сошли и олени и овцы,
Пройдя над Вабаном.
Давно уж едим мы лишь семена
Да сушёное мясо летней добычи.*

¹ Пайюты — большая группа племён юто-ацтекской языковой семьи; традиционный регион расселения — западная часть Большого Бассейна; основные занятия — охота и собирательство.

*Мы устали от наших хижин
Туманы спустились шатром,
И укрыли всю гору.
И вдруг засияло солнце,
Туманы рассеялись,
На горе показалась трава!*

– Поэтому, – сказал Джим, – мы устроим танец и отправимся на луг искать табуны и молодые побеги тule.

– А ещё, – сказал он, – я помню песню, которую мне напела женщина из посёлка на Кёрн-Ривер. Я забрёл туда поздно вечером и был застигнут большим дождём. Её викиап¹ стоял на другом берегу реки, а сама она хлопотала вокруг своего костра, где пекла лепёшки. Я окликнул её, но из-за заметно поднявшейся реки даже не пытался войти в неё, однако заметил, что женщина была одна, ни один мужчина не пришёл к ней. Когда совсем стемнело, она подбросила в костёр хвороста, и его пламя взметнулось, выхватив из тьмы прямые высокие сосны и реку между нами, подобную толстой, торопливо скользящей змее. А потом она затянула песню, и я услышал её над водой. Тогда я вошёл в реку, как был, а она вытащила меня полумёртвого на другой берег. Но я ни о чём не жалел из-за её песни.

– И что же это за песня?

*Пламя пылает,
Взметается вверх,
Но никто не согреет им. –*

продекламировал Джим. – Хотя это было очень давно, я никогда его не забывал.

Я не стала расспрашивать его о том, что стояло за этой песней...

Однажды, когда я嘗試ала уговорить Поко Билла исполнить песню любви, он отказался, объяснив это так:

– Белые люди не любят таких слов. Для пайотов это нормальная песня, но для белого человека это дурно.

Позже, когда одна женщина перевела мне эту песню, я поняла, как неизмеримо мы отстали от индейцев, не имея слов, с помощью которых можно было бы передать самые животрепещущие вопросы, кроме таких, как «это дурно».

¹ Викиап – традиционный куполообразный шалаш апачей; так же принято называть аналогичные жилища племён Калифорнии и Большого Бассейна.

– И всё же, – не унималась я, – не понимаю, почему вы непременно должны танцевать. У нас тоже есть много песен, но мы под них не танцуем.

Из дискуссии того вечера, как и из той беседы, что шла у меня в голове, до меня наконец дошло, что, когда белый человек поёт лучше и прекраснее всего, он тоже приближается к танцу настолько, насколько это совместимо с предельным дыханием: ноги бесчисленных хоров мелькали в моей памяти, но я не понимала, как объяснить это знахарю. В тот вечер я услышала замечательную историю о том, как некая канатриса размахивала руками и раскачивала своим великолепным торсом в партии Лючии, но не прозвучало ни единого слова о том почему.

Как-то в начале октября я видела, как олены бычки взрыхляют копытами землю в глубоких оврагах, перебирая ногами и вскидывая ветвистые лбы в медленном величественном ритме. А однажды в Буэна-Виста, где овраг ступенчатым обрывом переходит в огромную камышовую лагуну, давно осушённую до возделываемых полей, там, в тёплом утреннем тумане, я увидела, как пеликаны опускаются к своим подругам, странно распускают крылья, отступают и приближаются – высокие водоплавающие птицы, с белопёрым размахом крыльев, похожие на вытянутые руки и парящие драпировки, которые вечно развеваются по красной глине этрусской вазы. Я видела эти и другие чудеса, которые, при всём уважении к мистеру Дарвину, я не вполне принимаю как стремление мира к деторождению.

Это хорошая теория, но она не объясняет ни танца «Трава на горе», ни того, почему тенор считает необходимым заявить о своей непоколебимой оппозиции басу, вытянув обе руки к его вздывающейся груди.

Во всяком случае, было интересно узнать, что сказал бы об этом знахарь. А сказал он очень даже в точку:

– Мы всегда танцуем. Это кратчайший путь к Другу Души.

Я так или иначе уже слышала об этом Друге от всех индейцев, кого только знала, под разными именами: Великий Дух, Тайна, Сила, Правда, Бог или Святой Дух. Он не имеет ничего общего с их обычными духами или сверхъестественными существами, у него нет ни внешности, ни истории. Это высший разум, возможно, та плоскость сознания, которой каются в великих кризисах и по которой от разума к разуму передаётся огонь. Через него происходят исцеления и приходят вести от умерших.

– В танце, – сказал знахарь, – Внутренний Человек возвышается, поднимается, дотягивается до Друга; а затем приходит песня, и становится возможным многое небывалое.

– Что же это?

Тиннемаха задумался.

– Ты знаешь Махалу Джо?

– Который был приговорён надеть женское платье за то, что однажды бежал с поля боя?

– Он едва подрос, и это был его первый бой, – оправдательно произнёс знахарь. – Но предстать перед мужчинами в женском обличье не легко, и Джо не раз говорил мне, что, если бы он не танцевал, пока Друг не узнал в нём мужчину, он не смог бы остаться им. Именно он, – продолжал Джим, – вытравил страх из наших умов во время великой болезни.

Это была эпидемия пневмонии, которая несколько лет назад опустошила посёлки, и тогда, по древнему закону пайютов, поскольку его танцы не смогли остановить развитие болезни, Тиннемаха лишился жизни.

– Это потому, – пояснил он, – что в голове самого Махалы Джо уже не осталось страха. Так же верно и то, что, если много танцевать самому, сила растёт. Был ещё Карсон Чарли. Его отца застрелил некто из племени уошо¹ в очень старой ссоре. Чарли должен был уничтожить этого убийцу, но он ходил в школу в Карсоне, где ему показали путь Иисуса, и он стал мягкосердечным. Тогда я отвёл его в холмы, ведь его отец был моим другом, а это неправильно, когда сын толстеет, пока убийца его отца на свободе. Три дня мы вместе танцевали и пели, и Чарли пришлось нелегко, так как он уже долго ходил в школу; но я всё же научил его нашим древним танцам. Три дня я боролся за него, постился, и в конце концов он обрёл Друга.

– И...? – спросила я

На лице Тиннемахи мелькнула улыбка.

– И он больше не был слишком мягкосердечным.

Он подхватил мою мысль и продолжил её, не ограничиваясь личными примерами.

– Так и есть, – сказал он, – через танец сила является для исцеления человеческих душ.

А что же с телами? Но на самом деле у него не было слов для разделения человеческой природы на физическую и духовную, что является прививкой теологии к ненаучному наблюдению за жизнью.

На самом деле он считал, что если Внутренний Человек неуязвим для оружия или болезни, каковым его делает Благая Сила, таким же будет и Внешний. Я видела, как шошонский танцор-целитель лечил этим методом воспаление лёгких, а методист-евангелист приводил души к исцелению пением гимнов с отбиванием ритма по кафедре, и нахожу эти процессы довольно схожими, но до сих пор мне ещё не приходило в го-

¹ Уошо (вашо) – небольшое языково изолированное племя на крайнем западе Большого Бассейна; традиционная территория – вокруг озера Тахо на границе Калифорнии и Невады; основное занятие – охота и собирательство.

лову пытаться оценивать литературу и искусство на той же основе. О Данте! О Бах! Да это же кратчайший путь к Другу Души!

Я рассказала Тиннемахе, что у нас есть песни и другие довольно распространённые вещи, позволяющие подняться в плоскость силы, но мы не смогли, за исключением очень редких случаев, справиться с этой задачей с помощью танца.

— Это потому, — пояснил Знахарь, — что вы не танцуете для себя.

Далее он рассказал, что однажды, будучи в Рино по делу о пограничном споре с уошо, он видел танцующих женщин в театре и совершенно точно описал эффект, который это произвело на него. Но когда человек танцевал для себя самого и Друга Души, всё было иначе. Он считал, что это разумно: Внутренний Человек настолько сросся с телом, что, когда он начинает двигаться правильно, тело откликается первым, а когда в своём свободном движении дух восходит ввысь, тогда приходят песни, видения и исцеления.

— Потому, — продолжал он, — лучше умереть в бою. Ведь если человек умирает до того, как его съест болезнь, он сможет гораздо лучше спеть свою песню...

Конечно, мне потребовалось гораздо больше пояснений, и не за один раз, чтобы понять то, что смерть для индейца это вовсе не катастрофа в нашем современном понимании, а скорее инцидент, которому подвержены все, даже их боги и великие существа. Но сейчас мне не нужно было больше ничего объяснять, чтобы увидеть во всех обрядах умирания, песнях смерти, боевых кличах, последних помазаниях лозу духа, карабкающуюся к Другу и укоренённую в стремительном Иордане. Я без сомнения знала, куда мне следует отправиться, если я умру, сразу же после прочтения:

«Однажды я был с Гераклом и Кадмом,
Когда в лесах Крита они добыли медведя».

Благая магия! Передо мной раскрылся целый мир создателей песен — нарисованных, напечатанных и любых других — не для того, чтобы проповедовать или просто радовать, а для того, чтобы проложить ближний путь к тому настроению силы, в котором можно коснуться Друга. Но, по словам Тиннемахи, сначала нужно было самому достичь Его, вознести на самом краю в Великое Мгновение и протянуть руку помощи вниз, спотыкающимся людям.

Огонь взметнулся и угас; две части заднего полена сгорели так далеко друг от друга, что если бы вы не видели, как над ними трудится живое пламя, то не смогли бы сказать, что они принадлежат друг другу — не больше, чем те две беседы, моя со Знахарем и общая в комнате, которая к тому времени свелась к обмену времён и мест в духе того, когда вы в последний раз слушали Мелбу или где вы видели портрет матери Уи-

стлера, который многие уважаемые люди решительно ведут, воображая, что говорят об искусстве.

Когда компания поднялась, чтобы начать расходиться, я встала вместе со всеми, и кому-то пришло в голову поинтересоваться, почему я молчу уже целый час.

— Я думала, что хотела бы написать вот такую песню... — и раскинула руки ладонями вверх, выпятив грудь и слегка подавшись вперёд, обращаясь к шести Сторонам Света, как врачающий душу знахарь, и компания, особенно её младшая часть, посмотрела на меня с сочувствием. Они понимали, что я не виновата в том, что в то время у меня не было возможности посетить Метрополитен-Мьюзиум или Ковент-Гарден, и, разумеется, хотели быть милыми. Я видела, как профессор, явно в интересах гостеприимства, сдержал желание дать мне личное наставление. Но они до сих пор не знают, что я не имела бы ничего против.

СЕРДЕЧНЫЙ ДРУГ

Прекрасна белая звезда сумерек
И небо ясней
На исходе дня;
Но она прекрасней,
И она дороже,
Она, мой сердечный друг!
Прекрасна белая звезда сумерек
И Луна, блуждающая в небесах;
Но она прекрасней,
И она дороже,
Она, мой сердечный друг!

ПЕСНЯ НОВОРОЖДЁННОМУ

*Исполняется тем,
кто первый принимает младенца*

Новорождённый, на голую почву
Нагим уложу его с мамой-землёй,
Чтоб узнал он её;
И чувством благим к ней проникся,
Дарующей пищу.
Новорождённого нежно беру,
Навевая добрые мысли.
Бога домашнего молим,

Чтоб рос он до зрелости полной,
Шёл счастливо, достойно, красиво
По жизни тропе до преклонных седин.
С мыслями блага о маме-земле,
Что дарует плоды бытия.
Новорождённый. На голую почву
Уложим его.

ПЛАЧ МУЖЧИНЫ ПО СЫНУ

Сын, сын мой!
На гору взойду
Возжечь там огонь
У ног духа сына
И оплачу его;
Скажу:
Сын мой,
Что жизнь мне моя,
Когда ты ушёл!
Сын, сын мой,
В глубокой земле
Мы мягко тебя уложили
В одежде вождя,
В воинском платье,
Чтоб там, в стране духов,
Деянья твои оставались с тобой!¹
Маис, конечно же, снова взойдёт!
Но я..., здесь я – стебель,
Обронённый в жатве.
Сын, сын мой!
Что жизнь мне моя,
Когда ты ушёл!

Перевод с английского Дмитрия Попова

¹ В традиции племён Великих Равнин парадно-военный костюм мужчины символически и в виде пиктографических рисунков отражал все его подвиги и достижения.

ИЗАБЕЛЛА (КРЕЙГ) НОКС (1831 – 1903)

Иса Нокс (урождённая Крейг) – шотландский поэт, прозаик, редактор и писатель. Изабелла Крейг Нокс является автором двух серий рассказов, в основе которых лежат притчи (*Tales On the Parables*), которые были опубликованы в 1872–1877 гг.

СТЯЖАТЕЛЬ

(продолжение)

Глава III

Наконец подошёл день свадьбы Маргарет,¹ и горечь – ни смерти, но жизни, – казалось, охватила её. Да, жизнь была горькой, и девушка узнала самое худшее, что было в ней. Так она думала. На самом деле она ещё ничего не знала об этом. Жизнь представляла перед ней за закрытым занавесом, как и перед большинством из нас. Так происходит до момента высшего страдания или счастья, когда этот занавес перед нами полностью открывается. Смерть не является смертью, пока не увидишь её глазом, не услышишь её, чтобы уступить место чему-то неизвестному – удивительному духу.

Маргарет Берtram ничего не знала о характере Гидеона Грея и его прошлой жизни, как мы с вами это знаем. Если бы она знала, то даже перед алтарём она могла бы разорвать эту связь и остаться свободной. Более того, она не знала, она не понимала, не пыталась понять те отношения зависимости, в которые собиралась вступить – близость, жертвенность, ужас всей этой профанации, страдания, которые будут длиться до смертного часа одного или другого.

Но её мать, разве она не имела понятия о том, что происходило? Жестокая, эгоистичная, корыстолюбивая женщина. Но не будем слишком строги к ней. Она только знала, как судьба дочери, которую она ей уготовила, скажется на ней самой, а не на других. Она не ведала, как душа её дочери вознесётся ввысь, в агонии, и в состоянии безумия будет наблюдать за жизнью матери в довольстве, как живёт корова на лугу или свинья в своей стайке.

Маргарет не принимала участия в нехитрых приготовлениях к свадьбе. Всем занимались её мать с дочерью Элис. Гидеон Грей сделал своей не имеющей ни гроша в кармане невесте подарок – свадебное

¹ См. начало рассказа «Стяжатель» в журнале «Переводчик» № 24, 2024. С. 55–74. Другие рассказы И. К. Нокс в журнале «Переводчик» № 17, 2017, № 18, 2018, № 22, 2022, № 23, 2023. (Прим. пер.).

платье из белого атласа и целый набор тяжёлых золотых украшений. Браслеты походили на пару наручников. В то утро, когда она попыталась их надеть, их ледяное прикосновение к её пылающей коже заставило девушку вздрогнуть. Подружками невесты были её сёстры. Они одевали её к венцу: сначала надели свадебное платье из холодного блестящего атласа, затем тяжёлые золотые украшения, потом набросили на неё прозрачную вуаль и прикрепили к волосам померанцевые цветы¹.

Общество готовилось сначала отправиться в церковь, а из церкви – на церемонию свадебного завтрака на вилле в поместье Баундери, где жених и невеста должны были остаться дома наедине. Чуть позднее пара планировала совершить прогулку на морское побережье вместе с Элис.

Что касается общества, направлявшегося в церковь в то утро, то ничего примечательного в двух простых экипажах, запряжённых белыми лошадьми, не было замечено. Небольшая толпа, собравшаяся у ворот церкви, чтобы пронаблюдать их выход, не увидела ничего предосудительного – всё вызывало восторг. Первыми из экипажа вышли крепкий, привлекательный на вид жених и его шафер. Трудно было угадать, кто из них кто. После вышла дама, мать невесты, в своём шёлковом сиреневом платье и белокурая златовласая подружка невесты с прикреплёнными к волосам незабудками, которые, как говорили, очень шли к её глазам. Затем ещё одна подружка и, наконец, появилась невеста – бледная, в мерцающем атласном платье, в сверкающих золотых украшениях, таинственно покрытая вуалью, с холодными белыми цветами в руках. Всё было совершенно так, как и должно было быть вплоть до огромного букета белых цветов, в тон с бледным цветом лица невесты. Люди, которые собрались в церкви не заметили ничего не соответствующего происходящему событию. Жених был человеком среднего возраста, он прекрасно выглядел, его волосы ещё не коснулась седина, лицо было гладким и здоровым. Невеста не впадала в истерику, подружки невесты тоже не плакали. Ни у кого из присутствующих участников торжества на глазах не было слёз. Это единственное, чего зеваки не увидели. Только однажды послышался сдавленный всхлип Мэй, который услышал только один человек. Это произошло тогда, когда по ритуалу невеста выпустила из рук букет, который она крепко держала, как будто цветы служили ей поддержкой и её рука, холодная и дрожащая, на мгновение коснулась руки сестры.

Как уже упоминалось, у участников торжества не было слёз, только на одном прелестном лице читалось сострадание гораздо более глубокое, чем слёзы. На свадьбе присутствовала ещё одна пара. Это были

¹ Померанцевый цветок, или флёрдоранж – традиционная часть свадебного букета и подвенечного убора невесты. (Прим. пер.).

друзья мистера Грея. Джентльмен, в обязанность которого вменялось забрать невесту, был председателем совета опекунов, директором большой кампании, членом приходского управления и проч. и проч.; дама – была женой джентльмена, и это всё. Джентльмен ужасно важничал. От его веса содрогалась вся его чрезмерно массивная плоть, а когда он двигался, то даже земля дрожала под его ногами. Его умственная деятельность, была столь же исполнена важности, как и его тело, хотя по своей медлительности его неповоротливый ум напоминал движения черепахи. Однако все доверяли его суждениям, и он выглядел победителем в жизненной гонке за место под солнцем. Его жена была очень миниатюрной, стройной, со слабым румянцем на милом почтенном лице и благоговейным светом в её прекрасных немолодых глазах. Её совершенно седые волосы на лбу и щеках почти по-детски завивались кольцами. Но в ней не было ничего детского. На ней лежала печать интеллекта, в каждой черточке угадывалась сакрализация печали.

Тем не менее, эта огромная туша плоти рядом с ней держала её всю их совместную жизнь за существование низшего класса. Он принадлежал к истинно азиатской школе, и едва ли верил в существование у женщины души. Для её хозяина она была ничто. Она жила только для того, чтобы удовлетворять его потребности, для его удовольствия, и уже это было высшей честью для неё. Она не восставала против его принципов. Она приняла правила игры и была в доме в качестве ребёнка, служанки; но у неё были чувства, которые у него не хватало проницательности заметить, у неё были мысли, которые он был не в силах постичь.

Он не знал её; но печаль была в том, что она знала его. И хотя она подчинялась, но не могла заставить своё сердце любить, а душу почитать его.

Но как два столь не совместимых человека могли оказаться вместе? Вот в чём чудо. Они поженились молодыми, и, повзрослев, стали теми, кем стали. Из привлекательного, но довольно скучного и тщеславного молодого человека, он превратился в напыщенного, грубого, бесчувственного старика. Из хорошенъкой, скромной, застенчивой девушки, она превратилась в то, чем стала сейчас – полуангелом, полусвятой.

Она была камеристкой; но редкая дама обладала столь совершенными качествами настоящей леди. Её вежливость была, с одной стороны, природной, а с другой – выработана привычкой. Её безупречное самообладание диктовалось скорее благородством натуры, чем гордостью. Только одному Богу было известно её мягкое сердечие, которое даже в самые горькие моменты жизни никогда не бунтовало. Она была многодетной матерью, но в то же время осталась бездетной. Каждая из её ушедших в мир иной малюток наполняла её сердце любовью, превра-

щало его в сокровищницу, из которой она черпала неиссякаемую нежность по отношению к детям других матерей. Она вздрогнула, когда впервые увидела Маргарет в тот день, и её сердце затрепетало. Она содрогнулась, потому что хорошо знала Гидеона Грея. Знала его на протяжении всей его жизни и поразилась, как могла эта девушка, лицо которой было отмечено печатью благородства, связать свою судьбу с ним? Она страшилась за неё и искала утешение в молитве, возможно, единственная душа под этими священными сводами, которая возносилась к престолу Господа.

Миссис Мартин и её муж прибыли в своём собственном одноконном двухместном экипаже, в котором они ехали за остальными на свадебное торжество. Порядок следования, как это часто бывает, был слегка изменен. Мистер Грей ехал со своей невестой. Мистер Тилли, шафер жениха, сопровождал Элис, Мэй была подле матери, и в таком составе они заняли экипажи.

Элис вынуждена была опускать ресницы, окаймляющие её прекрасные глаза, под слишком пылким взглядом мистера Тилли. Но она не выказывала никакого неудовольствия, не пыталась отпрянуть назад, когда он наклонялся к ней гораздо ближе, чем следовало, чтобы его было хорошо слышно, поскольку их экипаж неистово громыхал по дороге. Мэй, не сдерживаясь, плакала и получила от матери серьёзное внушение за её покрасневшие и опухшие глаза. Мистер Грей думал, что его жена вот-вот упадёт в обморок. Он зашторил окна экипажа, но не произнёс при этом ни единого слова. Когда экипаж, не проехав и десяти минут, наконец остановился, он вздохнул с облегчением.

Он никогда не чувствовал себя непринуждённо в обществе Маргарет с того самого момента, когда она дала слово стать его женой. Она сказала, что не любит его, но он, человек, который загубил свою первую любовь, а потом всю свою жизнь прожил практически с её тенью, потерял всякую веру в любовь, совершенно не верил в неё так же, как и в высокие чувства. Они не существовали для него, как цвет не существует для слепых. Он сказал ей, что не ждёт он неё любви и что она скоро и сама перестанет верить во всю эту романтическую чушь и будет для него хорошей женой.

Мистер Грей немного пожаловался миссис Берtram на её холодность и безучастность, но эта леди позаботилась о том, чтобы они оставались наедине как можно реже. Что касается её холодности, то, по её мнению, это была просто девичья скромность, серьёзность её нового положения и необходимость неизбежного расставания с сёстрами и родительским домом.

За завтраком Маргарет сидела как неподвижная коронованная статуя, покрытая вуалью. Но даже мистер Грей, а ещё меньше его дру-

зья не знали её. Они не знали, насколько счастливой и радостной она может быть, что её речь может литься, как чистая река, а улыбки сверкать, как солнечный луч на её поверхности.

Мистер Грей всё ещё испытывал неопределённый дискомфорт, который ускользнул от его гостей, кроме, разве что миссис Мартин.

Она чувствовала это и прилагала все свои усилия, чтобы отвлечь гостей непринуждённым светским разговором.

Когда завтрак завершился, они отправились в сад, который сверкал великолепием всех своих летних красок. Миссис Мартин взяла за руку Маргарет, шутливо заявив, что муж ещё успеет насладиться её обществом немного погодя. Элис составила компанию мистеру Тилли, остальные группы пошли следом.

Мистер Грей окружил свой роскошный сад стеной. Молодые фруктовые деревья были ещё зелёными на фоне богатого ярко-красного окружающего ландшафта на заднем плане. Широкие гравийные дорожки по обеим сторонам окаймлялись цветами на вошедших в моду пересекающихся ромбовидных клумбах, эффект был чрезвычайно приятным для глаз. Самый нижний уровень сада был увенчан высокими вязами, там располагалась площадка наподобие террасы, с которой на поросшую травой лошину спускались каменные ступени.

Элис и мистер Тилли отправились вниз по этим ступеням. Миссис Мартин и Маргарет, продвигаясь вперёд, на какое-то время потеряли их из виду. Когда они увидели их снова, то успели украдкой взглянуть друг другу в лицо.

Потом миссис Мартин улыбнулась и, повернувшись к Маргарет, слегка подаваясь назад, сказала:

— Думаю, вот, что должно произойти. Вы вышли замуж и то же сделают ваши сёстры.

Что-то похожее на стон сорвалось с губ невесты. Миссис Мартин взглянула в это застывшее молодое лицо с нежным состраданием.

— Он определил для нас границы, которые мы не можем преодолеть, — прошептал немолодой голос. — Только вверх, к Нему. Когда у нас вместо постели только голая земля, а вместо подушки — камень, Он спускает вниз лестницы ангелов, и мы сможем создать храм божий.

В то время как она произносила это, глаза Маргарет устремились на неё. Потом она взяла изящную руку своей спутницы и поднесла к губам. Крупная слеза упала на большой бриллиант, огранённый в виде розочки, который мистер Мартин надел на палец жены как знак своего преуспевания.

Вскоре после того, как гости разъехались, мистер и миссис Грей остались наедине друг с другом.

Мистер Грей вошёл, потирая руки, наконец-то он у себя дома, но

его не покидало чувство невыразимого дискомфорта, которое он испытал ещё утром. И, бесцельно побродив по комнате, напрасно стараясь избавиться от этого гнетущего чувства, он вышел в сад, поговорить с садовником по поводу своих насаждений, сказав Маргарет, что коль скоро она уже у себя дома, то может переодеться.

Он позвонил в колокольчик и важно приказал горничной проводить хозяйку в её комнату и помочь ей с переодеванием.

Ничего удивительного, поскольку ожидание невесты было любопытным занятием, горничная проводила миссис наверх в симпатичную уборную и помогла ей снять свадебный наряд. Маргарет поблагодарила её и отпустила со словами, что она сама завершит переодевание, и та поспешила вниз поделиться впечатлениями со своей товаркой – кухаркой. Они были чрезвычайно благоприятными.

– Но она выглядит такой печальной, – добавила горничная. – Как будто в их любви нет взаимности, вместо того, чтобы чувствовать себя замужней и счастливой.

– Есть люди, которых ничего не радует, – ответила кухарка, которая была старше горничной и более склонна к нигилистическому взгляду на человеческую природу в целом и природу барынь в особенности.

Дома! Маргарет стояла перед раскрытым гардеробом, и слова эхом отдавались в её сердце и мозгу, как шаги в пустом помещении. Машинально она взяла платье, которое надевала накануне в предыдущий день. Оно висело вместе с другими её скучными нарядами, привезёнными сестрой из дома. Маргарет надела его, а когда взглянула в большое зеркало – увидела себя в чёрном. «Я не могу позволить себе это, во всяком случае, в это утро», – сказала она себе тихо и снова переоделась.

Маргарет выбрала самое яркое из того, что имела, сказав себе, что она должна выглядеть нарядно и что её печаль не должна оскорблять человека, за которого она вышла замуж. Она надела светло-серое шёлковое платье, по правде говоря, единственное приличное из того, что у неё было, прикрепила ленту с бантом вишнёвого цвета к волосам и снова спустилась в гостиную.

Там сидела она в полном молчании. Маргарет обратила внимание на то, что она никогда не была в комнате, в которой царило такое безмолвие. Часы, что стояли на каминной полке, отмеряли минуты совершенно бесшумно. Все окружающие её незнакомые предметы были странными. Комната была голой, как будто только что в ней побывал обивщик мебели. На стенах не было картин, не было книг, хотя одна всё-таки лежала на столе. Здесь не было мелких, интересных и полезных безделушек или украшений, которые в общем отражали бы вкусы хозяина и не только. Не было того, что обычно можно найти в каждом

доме.

Она взяла в руки книгу. Книга оказалась по ботанике, с большим количеством великолепных цветных иллюстраций. Маргарет в течение часа рассматривала её. Мистер Грей снова вошёл в дом, и они перешли в столовую – выпили чаю и закусили тем, что приказал подать хозяин. Маргарет разливала чай, мистер Грей выпил чаю и очень основательно подкрепился. Они ещё немного побыли вместе дома, благо принятие пищи не предполагало долгих разговоров.

После обеда мистер Грей попросил жену немного помузицировать, и они снова вернулись в гостиную. Маргарет села за фортепьяно и открыла новый инструмент, но нот не было.

– Да, их нет, – сказал он, – но завтра ты сможешь это исправить. А сейчас, не могла бы ты сыграть что-нибудь по памяти?

– Немного, – ответила она и начала играть прекрасные песенные мелодии без слов.

– А. может быть, ты что-нибудь споёшь?

– Немного, духовные песни.

Мистер Грей хотел бы послушать что бы то ни было. Маргарет послушно ответила на его просьбу и начала петь сольные партии из Генделя. Это музенирование продолжалось почти до темноты, пока мистер Грей не позвонил в колокольчик и не распорядился, чтобы зажгли свет. Вошла служанка и зажгла газ, а затем остановилась поодаль послушать. Мистер Грей попросил Маргарет продолжить пение, и она подчинилась:

– О, найди утешение в Боге, терпеливо жди, и он даст твоему сердцу то, чего оно жаждет, – голос звучал так печально, как будто мелодия была соткана из тысячи вздохов. Слова и музыка в исполнении Маргарет, которая делала это довольно часто, звучали очень гармонично, но никогда ещё смысл не доходил до её сознания столь полно.

Мистер Грей был в восторге. Он похвалил её игру, он похвалил её пение. И то и другое было очень мило, но не сказал ничего более.

– Их немного, но мне приятно, что вам это понравилось, – ответила она.

Ободрённый её словами – первое высказывание, которое она произнесла за весь день, он подошёл к ней, попросил больше не играть и сесть рядом с ним.

Казалось, всё налаживалось в этом странном союзе, лишённом любви. Гидеон Грей почувствовал себя достаточно непринуждённо, чтобы наладить более доверительные отношения со своей новой женой. Он рассказал ей о своих богатствах, похвалился своими успехами, достигнутыми хитростью и обманом.

Не осознавая, какое отвращение он вызывал, он бахвалился вещами, которые Маргарет казались сродни подлости.

— Я не представляю, что мне делать с моими деньгами, — сказал он. — А у меня их гораздо больше, чем требуется, поэтому я решил отныне наслаждаться досугом — есть, пить и веселиться.

Возможно, он не знал, что процитировал Священное Писание. Он, конечно, не знал контекста, в котором употреблялись эти слова. Но Маргарет знала, и почувствовала, как её пронзил ужас. Он собирался обнять её, но она встала и быстро отошла от него.

— Как это понимать? — сердито спросил он, читая на её лице нескрываемое отвращение.

Она отшатнулась от него инстинктивно, как будто неожиданно натолкнулась на невидимую преграду, руки её упали вдоль тела, она разразилась слезами.

— Успокойся, и чтобы больше никаких таких глупостей, — сказал он властным тоном. — Как ты думаешь, зачем я на тебе женился?

— Простите меня, — вскричала она, — Простите меня. Я не должна была выходить за вас замуж.

Испытывая глубокую душевную муку, она чувствовала угрызения совести за боль, которую она причиняла ему.

— Простить тебя, — он презрительно усмехнулся. Вся низость и холдная жестокость его натуры выплынули наружу.

— Что я должен понять, кроме того, что ты, недостойная, вошла в дом честного человека?

Маргарет смотрела непонимающе, она прислонилась к стене, в то время как её супруг в ярости остановился перед ней. Он сказал, что её продали ему за большие деньги и фактически его обманули, что он может выгнать её на улицу и ещё много чего наговорил, что просто нельзя привести на бумаге.

Она стояла, прижавшись к стене, учащённо дыша, как зверь в ужасе перед своим смертельным врагом, но его речь пробудила в ней её собственную чистоту и достоинство.

— Я не сделала ничего предосудительного, — сказала она, за исключением того, что вышла замуж за вас, и я немедленно уйду из этого дома.

Говоря это, она сделала шаг по направлению к нему. Её вид и манеры внушили ему благоговейный страх. На её лице была невыразимая печаль, но не ярость или стыд. Он не мог понять её. Он всё ещё жаждал её — больше всего на свете он вожделенно мечтал обладать ею. Она была сама чистота. Но, откуда этот ужас, эта боль, если она считает, что не сделала ничего плохого, что она хотела найти? Что не так в том, что она вышла за него замуж, даже если не по любви? Разве это было не закон-

ное бракосочетание? Всё по закону и с точки зрения религиозного обряда – торжество было проведено в церкви. Нравственное чувство у него отсутствовало. Он реагировал на мольбы не больше, чем мёртвый на прикосновение смертного. Он не мог пожаловаться на нарушение закона – человеческого или божественного, который был соблюден, так как боялся нарушить закон из-за угрозы наказания – за убийство, прелюбодеяние, воровство – он держался подальше от таких правонарушений. Но что касается виновности в смерти, нечистоплотности, нечестивости духа – он вообще не обращал на это внимания.

Какой у неё был мотив для такого поведения? Он подождал, а затем сказал:

– Ты никуда не уйдёшь. Ты останешься здесь и будешь вести себя как положено. Я не могу выглядеть посмешищем в собственном доме перед моими же слугами. Ты останешься.

Там же, в углу комнаты, где он оставил её, Маргарет села, страдая в безмолвном изумлении. Единственный мужчина, которого она близко знала – её отец – был для неё, его дочери, образцом нежного отношения и ко всем другим женщинам тоже. Он вёл себя по отношению к ним по-рыцарски. Единственное, чего он не позволял делать миссис Берtram, так это осуждать недостатки пола, будь то большие или маленькие. Поэтому Маргарет была более неосведомлённой о зле, существующем в мире, чем большинство девушек её возраста. Каким открытием явился характер человека, за которого она вышла замуж? Её взволнованное воображение находило в нём мало человеческого. Она, казалось, была отдана во власть дьявола в смертном обличье. Потом пришло горькое осознание, что она сама навлекла на себя всё это, что она сама стала виновницей своего унижения. Почему она твёрдо не отказалась от замужества вместо того, чтобы сделать так, как она сделала? Она думала, что пошла на это под давлением необходимости. Сейчас она не видела такой необходимости. Она с трудом могла найти причину для такого самопожертвования. Разве он не сказал ей, что всё это напрасно, что он не даст ни единого пенни, чтобы помочь её семье, которая, по его мнению, объединилась, чтобы обмануть его, и что он накажет их за это?

Ужас её положения с каждым мгновением становился всё более невыносимым. Она поднялась, как будто хотела взлететь, и в тот же миг услышала звук задвигающейся щеколды. Хозяин дома закрыл её на ночь.

Глава IV

Мистер Грей не запрещал матери и сёстрам жены приходить в их дом – это могло бы вызвать скандал, а скандалы повергали мистера Грея

в ещё больший ужас, чем грех. Но Маргарет было приказано никогда не принимать их наедине, а исключительно в присутствии своего господина и никогда не выказывать по отношению к ним даже малейшие знаки гостеприимства. Они могли прийти к ней голодными, но она не смела предложить им еду. Она не представляла, насколько они нуждались. Элис была смертельно бледна, а мать выглядела совсем измученной и постаревшей. Маргарет знала, что голод рябится не только в отрепья, но он может притаиться и под аккуратным платьем с кружевным воротничком. Кредитная система страны вовсе не совершенна, поэтому даже люди, которые выглядят респектабельно, могут желать иметь что-то, что им не по карману.

Мистер Грей встретился с миссис Бертрам и несдержанно упрекнул её за то, что она ввела его в заблуждение относительно привязанности к нему её дочери.

— Но вам от этого не будет никакой выгоды, — сказал он, как отрезал, побелев от ярости. — И если вы будете помогать ей или подстрекать её к чему-либо против моей воли, для вас же будет только хуже.

Его ярость на самом деле становилась демонической. Она была пыткой, причиняющей боль. Маргарет ранила его тщеславие. И эта рана постепенно отравляла его организм, потому что, даже не признавая это, он чувствовал, что был неправ. Иногда в её присутствии, как в зеркале, он перехватывал взгляд, красноречиво говорящий о его собственной низости.

Это было зрелище, которое заставило бы ангелов заплакать при виде по-королевски прекрасной девушки, которая становилась всё более величественной под грузом короны свалившихся на неё печалей. Она была почти как бессловесное животное, которым помыкает человек, взявший на себя обязательства любить и лелеять её. Он приказывал ей обедать, он приказывал её одеваться, гулять, принимать его гостей, как если бы он приказывал рабыне. Люди, которых он приводил в дом, были низкого пошиба по сравнению с теми, кого она видела до сих пор. Он приглашал их посмотреть на его красивый дом, оценить его красавицу-жену, чтобы они могли увидеть всё это великолепие и понять, что это не простое бахвальство.

Маргарет вынуждена была сидеть и смотреть на то, как они едят и пьют бренди, пока они не становились похожи на шайку, околдованную Цирцеей. К счастью, они не оккупировали гостиную, а обедали в столовой, пили и курили там до позднего вечера. Мистер Грей презирал их, считая их сборищем глупцов, так как они не были его товарищами. Он вёл с ними бизнес, но они были далеки от процветания.

И что, Маргарет сидела и сносила все оскорблении и тиранию безразлично? Нет, бывали времена, когда она ощущала это особенно

мучительно. Она никогда не переставала страдать. По складу своего характера она не была отважной. Мало, кто из людей, одарённых богатым воображением, таковыми являются. Она содрогалась от оскорблений и тирании всё больше и больше. Она чувствовала, что окружена кошмаром с ужасом ожидая, не ведая, что будет дальше. Если бы она могла летать, куда бы она полетела? Мать примет её, но он найдёт её дома и вернёт обратно.

Гидеон Грей не был изобретательным, в противном случае он причинил бы ей ещё больше страданий. А он хотел это сделать. И он придумал ещё одно оскорбление. Когда он уходил, то запирал её в доме. Он делал это. Маргарет от этого едва не сошла с ума.

У неё в руках осталась прядь своих прекрасных волос, которую она вырвала в порыве неистовой муки. Между ней и безумием не было ничего, кроме этого тонкого локона. Она услышала, как ключ повернулся в замке комнаты её заточения, и, хотя это был ключ в двери элегантной гостиной, а не тюремной камеры, это лишило её самообладания после стольких душевных страданий. Гидеон Грей мог испытывать удовлетворение, слыша её безумный плач прежде, чем он отошёл от двери. Она забилась в угол, её дух пребывал в состоянии полной неприкаянности, дрейфуя на скалах отчаяния. Надежда, якорь души, покинула её. Вера в добро, человеческое или божественное, оставила её. Но именно вера в неведомое спасала её. Это была мысль о её отце. «О, он, должно быть, видит меня», — думала она, поднимаясь и снова обретая своё здравомыслие.

Она поднялась, обретя силу и чистоту, став более спокойной и благородной. Её добрый и нежный отец приходил к ней как откровение небесного Отца, к которому в этот час она взывала коленопреклонённо с детским смирением и как ребёнок, который оставляет свои шалости, она пришла в себя и утёрла слёзы, прежде чем стать на колени.

После этого она почувствовала себя очень утомлённой, прилегла на кушетку и вскоре бы уснула, если бы не громкий стук в дверь и появление кого-то, кто быстро поспешил по лестнице наверх. Ключ снова повернулся в замке, и в комнату буквально ворвалась её сестра Мэй.

Когда Гидеон Грей уходил из дома, он вызвал горничную и приказал девушке не беспокоить хозяйку вечером. В тот момент она была наверху и слышала, как повернулся ключ, а когда она проходила мимо двери, то услышала плач.

— Я вся задрожала, — сказала она. Я зашла к кухарке и сказала, что больше не могу выносить это, а она ответила, что беспокоиться глупо, поскольку у всех леди и джентльменов бывают свои небольшие размолвки. Но я сказала, что это больше похоже на унижение, чем на небольшую размолвку.

Это было сказано Мэй по дороге от миссис Мани.

— Я надела свой капор, — продолжала девушка, — так как я знала, что вы работаете гувернанткой у миссис Мани. Я сама была у неё няней, поэтому мне кажется, мисс, что я больше знаю о вас, и я подумала, что смогу сходить за вами. Мне всё равно, если я лишусь здесь места.

— Благодарю, благодарю тебя, — ответила Мэй поспешно. Несчастья развили в ней гораздо больше сочувствия, чем она обыкновенно имела. Скрывая свое волнение, насколько это было возможно, после сообщения девушки о том, что её сестра нуждается в ней и что «всё плохо», она пошла к миссис Мортли и умоляла отпустить её сбегать на часок-другой в поместье Баундери-лодж. Миссис Мортли, поскольку дети были уже наверху и собирались спать, неохотно согласилась и, таким образом, Мэй пришла, получив по дороге более полную информацию о реальном состоянии дел.

Она ворвалась в комнату и подбежала к сестре.

— Как он посмел так поступить! — закричала она, неистово обнимая сестру. — И как ты со всем этим миришься?

— Тише, Мэй, — попросила Маргарет. — Как ты оказалась здесь?

— Твоя горничная пришла ко мне, — ответила Мэй. — Она не могла вынести, как ты рыдаешь здесь взаперти.

Маргарет содрогнулась. Воспоминание о муке, через которую она прошла, почти накрыло её с головой.

— Я рада, что ты пришла и в то же время сожалею, — сказала она. — Я не выдержу в другой раз, чтобы ни случилось. Сейчас расскажи мне, как вы живёте и потом уходи, — добавила она. — В самом деле, ты должна, — повторила она, увидев нетерпеливый жест Мэй.

— Я собираюсь остаться столько, сколько смогу, — ответила Мэй легкомысленно.

— Но мистер Грей может прийти в любую минуту, — настаивала сестра.

— Ну, — ответила Мэй. — Он не съест меня, а только выпроводит за дверь, когда вернётся. Я так привыкла к дурному обращению, что мне это безразлично.

— Но ради меня, — умоляла Маргарет.

— Я не могла поверить, что он превратился в такого негодяя, — продолжала Мэй, не обращая внимания на её слова.

— Возможно, он не стал бы им, если бы я жестоко не обидела его, — ответила Маргарет тоном глубокого сожаления.

— Каким образом?

— Просто показывая ему, что я не любила и не могла полюбить его, — ответила Маргарет.

— Глупости. Это, должно быть, в нём всегда было, — резко прогово-

ворила Мэй.

– Никто из нас не знает, что таится внутри нас самих, – возразила Маргарет. – Я только слишком поздно поняла, что совершила смертельный грех.

– Ты! – воскликнула Мэй.

– Да, выйдя замуж за этого человека. Только подумай о фальши и непорядочности, к которым это привело. Это всё равно, что убийство. Это не поддаётся лечению и убивает и в моём, и в его сердце все добрые чувства. Будучи нелюбимыми, мы становимся недостойными любви. Я знаю, что раньше никогда не страдала от чувств, внушающих ужас, как это случилось сегодня вечером – ярость и презрение по отношению к нему и к себе почти довели меня до помешательства, и те же самые чувства разрывают его на части.

Когда она выпалила всё это на одном дыхании, Мэй Бертрам пришла в ужас, глядя на выражение лица своей сестры. Это открыло ей всю глубину мучений и невзгод, о которых она и не ведала.

– Думаю, что я бы от него ушла, – сказала она.

– Если только он мне позволит уйти, – ответила Маргарет. – Но давай больше не будем говорить об этом. Как там дома?

– Знаешь, Элли выходит замуж на Рождество, – ответила Мэй.

– Не может быть! – воскликнула Маргарет.

– За мистера Тилли, – продолжала говорить Мэй.

– О, Мэй, она не может любить его. Скажи ей, умоляй её отказаться, пока ещё не поздно.

– Она не ты, Мэдж, – беззаботно ответила Мэй. – Я люблю Элли, и если бы я думала, что она будет несчастлива, то я на коленях умоляла бы её и пыталась бы спасти. Но это не так, она надеется быть счастливой, став женой богатого человека. И мистер Тилли не так плох, когда ты узнаешь его.

– Тебе он не нравится, – сказала Маргарет.

– Нет, но он не подлец. Он собирается определить маме годовой доход в сто фунтов.

– Но он грубый, наглый человек, – сказала Маргарет. – Он будет тиранически относиться к тебе.

– Для начала у них будет три тысячи годового дохода, – продолжала Мэй.

Сестры разговаривали почти весь вечер. Мэй задержалась настолько, насколько отважилась, потом ушла, оставив Маргарет ждать возвращения мужа. Наконец он вернулся, очень поздно, но к ней даже не заглянул. На его вопрос, был ли кто-нибудь у них дома, горничная отважно ответила:

– Да, сэр, приходила сестра хозяйки, и я проводила её наверх.

Девушка ожидала, что её рассчитывают, но внезапный гнев хозяина её сильно перепугал. Она не могла и представить, чтобы человек с таким холёным лицом мог прийти в такую ярость.

Он оставил её трясущейся от страха, но к жене не пошёл. Она слышала шум и тоже трепетала от ужаса. Однако он оставил её в покое.

Маргарет провела бессонную ночь, но и мистер Грей тоже. Он поднялся рано утром и вышел в сад, но цветы потеряли для него свою свежесть и фрукты напрасно спели на деревьях.

Мистер Грей вернулся в дом, и опять не подошёл к жене. Он не мог видеть выражение боли на её лице. Какое-то время он сторонился её, пока не решил, как действовать дальше. После этого его отношение к Маргарет претерпело изменение. Он сказал ей, что с этого момента она свободна и может ходить, куда пожелает. Он не разрешил ей уйти из дома совсем, поскольку знал, что такое действие даст ей законное право освободиться от него, но в душе он желал, чтобы она ушла. Его дом, еда, все прекрасные вещи, которыми он мечтал наслаждаться, в её присутствии потеряли всякий вкус.

Наутро после описанной выше сцены, он рассчитал горничную, которая слишком горячо проявила свое сочувствие к хозяйке, выплатив, за вычетом пансиона, жалованье, которое она потребовала, и заколебался по поводу найма новой служанки на её место. У него было чувство, что это положит начало семейным неприятностям. Он всерьёз подумывал, не оставить ли ему свою большую виллу и не переселиться ли снова в съёмное жильё, которое во благо Маргарет будет самым дешёвым и лишённым всякого комфорта. При этом он будет отствовать, сколько ему заблагорассудится. Нет! Люди решат, что он пошёл ко дну, и такая мысль может стать прелюдией к настоящему краху. У него всегда было предчувствие, что его богатства могут бесследно испариться. Эта идея была отвергнута. Затем пришло решение искушать её безграничной свободой: «Дать её достаточно длинную верёвку», – думал он. – И она сама повесится на ней». Но когда он сказал ей, что она свободна – абсолютно свободна – вольна ходить, куда пожелает, и делать то, что ей захочется, и что он отныне не будет вмешиваться и ограничивать её свободу, Маргарет испытала замешательство, а затем разразилась слезами благодарности.

– Мы совершили огромную ошибку, – сказала она. – Такую ошибку, которую невозможно исправить, но, если захотите, я буду в вашем доме для вас дочерью, служанкой и со временем, возможно, мы придём к добруму согласию и будем счастливы.

Он отвернулся, бормоча, что не нуждается в её услугах. И поскольку он не мог поверить в благородство, из этого следовало, что он должен был верить только лжи. «Вздор», его любимое словечко, сорва-

лось с его губ, когда он уходил.

Новое решение принесло проблеск надежды для Маргарет. В ней побеждало сильное желание жить. Перед ней открывалась возможность бороться за жизнь, не за жизнь плоти, но за более возвышенную жизнь ума и души. Она начала думать о том, что должна уйти от мужа во что бы то ни стало. Он может дать ей свободу. Он больше не будет запирать её. Эта фаза мелочной тирании осталась позади – его злобная месть, кажется, иссякла. Но её лучшие чувства, её благородные порывы, возможно, если они когда-либо снова появятся, не найдут выхода, как у того несчастного узника, который возвращается снова в свою тюрьму вместо того чтобы встретить непривычный глазу дневной свет и выйти наружу в большой и свободный мир с глазами, руками и ногами, привыкшими к темноте и цепям. Но что ей делать? К кому пойти? У неё не было своих денег, ни единого фартинга. Её собственные украшения были самыми безыскусными, золотые – принадлежали мистеру Грею, она ничего не могла взять с собой. Если ей снимать жильё, за него нужно платить, но каким образом? Никто не примет её на работу в качестве гувернантки – нет, даже самой простой служанки – без письменной рекомендации. Пока она раздумывала об этом, мистер Грей вернулся домой, ещё более раздражённый и угрюмый, чем она видела его накануне. Он практически приказал ей скрыться с глаз, казалось, что он готовился заставить её пройти через последнее подлое унижение. Наконец она решилась. Будь, что будет, она уйдёт от него и сделает это без промедления.

Со дня своей свадьбы Маргарет обратила внимание на миссис Мартин. Однажды та написала, что её муж заболел и что она не может оставить его, чтобы нанести визит миссис Грей, как она давно того желала. Позднее извещение о смерти мистера Мартина дошло до Баундери-лодж. Хозяин дома засунул солидную чёрно-белую визитную карточку за часы в столовой. Ему было наплевать на это напоминание о смерти.

Но сейчас, в её крайней нужде, Маргарет решила навестить миссис Мартин и спросить у неё совета. Она увидела, что та больна, слишком больна, чтобы подняться с кушетки, медленно приходя в себя после смерти мужа, неотлучно ухаживая за ним до самого конца. Миссис Мартин была при нём постоянно, день и ночь, даже, когда слуги не могли больше выносить омерзительную разлагающуюся человеческую плоть. Она старалась не только облегчить его страдания, но повести к высоким пределам эту косную, ограниченную, цепляющуюся за земное душу. Миссис Мартин протянула Маргарет свою изящную величавую руку со словами:

– Хорошо, что вы пришли ко мне. Я бы навестила вас давным-давно, но я была не в состоянии сделать это с тех пор, как его не

стало.

— Я не достойна этого, — ответила Маргарет, целуя протянутую ей руку и опускаясь на колени перед ней.

— Не говорите так, дорогая. Вам есть, что сказать мне.

Маргарет рассказала, что произошло.

Миссис Мартин терпеливо дослушала её до конца и ответила:

— Я не могу судить вас, дорогая. Никто из нас не может судить других. Если, как вы сказали, жизнь с Гидеоном Греем превращает вас саму в безнравственную личность, то, возможно, лучше уйти от него. Это очень грустно, потому что, какой бы путь вы ни выбрали, всё равно будете страдать, только лучше страдать, сделав правильный выбор, чем ошибочный. Брак это священный союз. Вы даёте клятвы перед Богом не для того, чтобы их легко нарушить по причине того, что многие относятся к этому легкомысленно. Кроме того, существует долг перед вашим мужем. Ничто не может изменить это, и вы должны думать об этом даже прежде, чем о своей собственной душе, моя дорогая. Господь позаботится об этом. Я не одобряю тех, — мягко и словоохотливо продолжала она, — кто живёт, пытаясь спасти свои души. Думаю, что это должно быть оставлено Творцу, тому, кто создал их. Но мы не должны добровольно их губить. Вы хотите свободы. Ах! Это то, чего я желала всю свою замужнюю жизнь. Я, например, много, много раз страстно желала отдать деньги, которые были потрачены на меня, тем, кто нуждался. Я не хотела, чтобы покупались дорогая одежда, драгоценности, прекрасная мебель, столовое серебро — не хотела иметь их, не обращала на них внимания, но я не могла поступать так, как хотела. Я не могла тратить деньги по своему усмотрению. Теперь я свободна, — продолжала она после паузы, — но я чувствую, что моё сердце и силы слабеют, а я сделала совсем немного богоугодных дел на этом свете. Но то немногое, что он позволил мне сделать, удивительно, как много на протяжении всей долгой жизни человек может принести пользы и помочь, и служить поддержкой, не выходя за пределы собственного домовладения. Со мной было по-другому. Да, потому что я любила его, благодарение Богу, в начале нашей с ним совместной жизни, и я любила его в конце, когда никто другой не хотел даже приближаться к нему, и он держал мою руку, засыпая и просыпаясь в последние дни до самой своей кончины. Он мог бы быть одним из моих детей, ушедших в мир иной, так близко он прижался ко мне в поиске утешения.

Её голос прервался, она немного поплакала и Маргарет вместе с ней.

— Нет, я не могу советовать вам отказаться от своих обязанностей, дорогая, — продолжала она. — Но сейчас я свободна, богата и одинока, и если вам нужен кров — приходите ко мне. Я постараюсь облегчить вашу

участь насколько возможно, поскольку, если вы сделаете то, что планируете, ваш жизненный путь будет трудным и тяжким. Думая совершить благое дело, на самом деле вы совершите зло.

Маргарет не могла вообразить себе жизнь без стремления делать добро, и под добром она понимала не то, что она будет отдавать нуждающимся деньги и вещи, что часто заменяет благотворительность, но то, что есть милосердие, чистые помыслы и забота, сочувствие и любовь, надежда и вера, кротость и доброта.

— Да, вы наделаете бед. Ваше собственное бегство от исполнения долга будет препятствием на пути, если вы устремитесь вести за собой других и сподвигать их к исполнению их долга. Ваше благое дело будет говорить о зле, ваше милосердие будет испытывать потребность в твёрдом убеждении. Строгость с вашей стороны не встретит поддержки.

— Я не могу чувствовать так же, как вы, — сказала Маргарет. — Я с каждым днём ненавижу себя всё больше и больше. Я чувствую себя так, как никогда прежде, как будто я могу лишиться рассудка.

— Я не вправе советовать вам, — прозвучал мягкий голос. — В моём собственном опыте не было ничего подобного, чтобы помочь вам, но я приму вас, если решите искать у меня кров. Здесь вы будете в безопасности. И если вы когда-нибудь пожелаете, думаю, ваш муж не откажется принять вас обратно.

Было уже поздно, когда Маргарет вернулась в Баундери-лодж, гораздо позднее, чем она ожидала. Хозяин дома ужинал, скатерть по его приказу убрали. Это было за некоторое время до того, как Маргарет вошла в столовую сообщить о своём приходе. Она собиралась переодеться. Взять некоторые необходимые вещи из тех, что принадлежали ей и вернуться к миссис Мартин в тот же вечер, оставив ключи и записку на туалетном столике. Она простилась с миссис Мартин, договорившись, что вернётся.

Вся трепеща, она вошла в комнату, где сидел за столом её муж. Но на пороге её сковал ужас при воспоминании о том вечере, когда они обнаружили бывшую миссис Грей, сидящую в кресле мёртвой в гостиной её матери. Он сидел там точно так же, как и она — мертвенно-бледный, безмолвно уставившийся в одну точку. Она вскрикнула, но он не пошевелился и не промолвил ни слова. Она не отважилась прикоснуться к нему нелюбящими руками. Она кричала, стоя в дверях, пока не прибежали слуги. Одна из них, тоже дрожа, осталась с Маргарет, пока вторая не привела доктора, что жил поблизости.

— Пациент, — сказал он, — получил апоплексический удар и находится без сознания.

По указанию доктора, его переместили на кровать, а затем, глядя вопросительно на Маргарет, тот предложил нанять сиделку.

Огромная волна жалости переполнила сердце Маргарет. Мысль о её собственном бегстве, о котором она только что приняла решение и ужасная беспомощность, одиночество нелюбимого ею человека побудили ее к действию.

— Скажите мне, что нужно делать, — сказала она, подходя к постели, куда его уложили. — Я буду ухаживать за ним. Я его жена.

После утренней сцены мистер Грей оставил Маргарет и пошёл в гостиную. Он довёл себя до состояния ярости, а пребывание в ярости было для него опасно. Его нервы сдали. Неожиданно ему пригрезилось наваждение, которое обдало его смертельным страхом. Он увидел покойную миссис Грей, сидящую именно так, как она сидела, когда он обнаружил её мёртвой, уставившейся на него своим ужасным взглядом, только у неё на губах застыла насмешливая улыбка, как будто она говорила: «Ты, глупец. Сегодня вечером твоя душа покинет тебя».

Он поспешил проконсультироваться с доктором, который его навестил в то время, когда Маргарет была у миссис Мартин, и признался в своём малодушном страхе, во всём, что он почувствовал и о чём подумал.

Доктор посоветовал ему успокоиться и постараться избегать всяких волнений. Он пообещал ему снова зайти позднее в тот же день.

Когда он снова пришёл, то с первого взгляда понял, что человеческая помощь уже тщетна. До рассвета следующего дня душа Гидеона Грея отлетела на день Страшного суда.

Перевод с английского Ольги Стельмак

БИРГИР СИГЮРДССОН (1937 – 2019)

Биргир Сигюрдссон (Birgir Sigurðsson) – крупный исландский прозаик и драматург. В юности издал несколько книг стихов; с 1970-х гг. начал писать пьесы, которые были поставлены при жизни автора в театрах Исландии, а также других скандинавских и европейских странах. Автор романов «Обрыв» (Hengiflugið, 1993) и «Свет в воде» (Ljósið í vatninu, 2000), нескольких сборников рассказов. «День надежды» (1987) – самая известная его пьеса¹. В 1988 г. исландским телевидением был снят фильм, основанный на ней. Перевод публикуется с разрешения наследников автора.

¹ См. начало пьесы «День надежды» в журнале «Переводчик» № 23, 2023. (Прим. пер.).

ДЕНЬ НАДЕЖДЫ

*Памяти моей сестры,
Сигрид Фрейи Сигурдардоттир*

День суда и воздаянья
в прах повергнет мирозданье. (пер. Эллиса, 1911)

Действующие лица

Лаура
Хёрд, её сын
Рейнир, её сын
Альда, её дочь
Гвюдни
Гюннар

(окончание)

Гвюдни: Я не знала, что ты собираешься в Штурманское училище.

Рейнир: Я тебе не всё рассказываю.

Гвюдни: Это уж точно. (*Рейнир выливает краску из банки, в которой мешал, в ту банку, которую принёс с собой, потом вытирает ту банку, из которой вылил краску, и закрывает её крышкой*).

Молчание.

Ты собираешься в Штурманское училище?

Короткая пауза.

Рейнир: Нет.

Гвюдни: Зачем тогда ты это сказал?

Рейнир: Забавы ради.

Гвюдни: Это не забавно.

Рейнир: Для моей забавы, не для твоей.

Короткая пауза.

Гвюдни: Это плохой поступок.

Рейнир: Очевидно. (*Выходит через балконную дверь, неся свою банку с краской. Входит Лаура справа. Проходит в комнату в глубине сцены. Он застывает снаружи, берёт с балкона кисть, тянется за лестницей, исчезает вверх по ней с банкой и кистью в руках. Входит Лаура с простыней и покрывалом, – откладывает их в сторону. Снимает со стола в гостиной скатерть, кладёт покрывало на стол, а простыню – на него; на Гвюдни она не смотрит*).

Молчание.

Гвюдни: Я сегодня утром Гюннара мельком видела.

Лаура (*не смотря на неё*): Ах, да.

Короткая пауза.

Гвюдни: Сперва я увидела, как он промелькнул на углу в начале улицы. А когда я вышла из магазина, он уже был угла в её конце. (*Лаура вынимает из шкафа утюг*).

Лаура (*бросая на неё короткий взгляд*): Зачем ты мне это рассказываешь?

Гвюдни: Просто, по-моему, будет правильно, если ты это узнаешь.

Лаура: До его передвижений мне нет дела. (*Включает утюг в розетку, заходит в свою комнату и возвращается с бельём, которое собирается выгладить*).

Молчание.

Гвюдни: У него есть ключ. Мне бы совсем не хотелось, чтоб он пришёл сюда.

Лаура: Даже если придёт – вряд ли он будет к тебе приставать. Он хоть раз так поступал?

Гвюдни: Мне совсем не хочется, чтоб он приходил.

Лаура (*холодно*): А почему ты ждёшь, что он придёт?

Гвюдни: Он может прийти. Особенно, если пьян.

Лаура (*холодно*): Он ушёл месяц назад. За это время он наверняка не раз напивался. Если не был пьян всё время. И до сих пор ведь не приходил.

Гвюдни: Ему может взбрести на ум. А у него есть ключ.

Лаура: Тогда смени замок.

Гвюдни: Я об этом подумаю.

Лаура: Да ради бога. Это же твой дом.

Короткая пауза.

Гвюдни: А ты, наверно, хочешь, чтоб он вернулся?

Лаура: Если б это было так, то замена замка не была бы помехой.

Короткая пауза.

Гвюдни: Ты хочешь, чтоб он вернулся?

Лаура (*холодно*): Почему ты считаешь, что я такая неопытная?

Гвюдни: По-моему, ты совсем не неопытная.

Лаура: Нет. Ты даже считаешь меня неопытной настолько, что боишься, как бы я снова его не впустила. Конечно, ты бы никогда не запала на тако-

го человека. Ты ведь выше этого. Просвещённая женщина с мягкими белыми руками, обьездившая все страны мира. Тебе никогда бы не пришёлся по сердцу такой грубый, неотёсанный, непросвещённый мужчина. А мне пришёлся. Более того – я его любила. Больше верила в его достоинства, чем в недостатки. К тому же, я женщина. Из плоти и крови. А ты когда-нибудь ею была?

Гвюдни: Да.

Лаура: Но не такой грубой, как я. Не непросвещённой, как я. Воплощение нечуткости, как выразился мой старший сын. Я не слушаю музыку, больше не читаю книг. И я уже давным-давно пресытилась умными разговорами. Они мне противны. Вот такая я непросвещённая. И всё же я никому не позволю меня унизить. Вообще никак. Поэтому он сюда не вернётся, даже если очень захочет. Итак, я не настолько достойна презрения, как ты думаешь.

Гвюдни: Я никогда не считала, что ты достойна презрения. Я тебя люблю и переживаю за тебя.

Лаура: Твоя жалость мне не нужна. Я рискнула и проиграла. Я хотела спасти этого человека. Бросила на это все силы. Но попытка не удалась. Если кто-то считает, что это достойно презрения – что тут поделаешь? Я знала, что из-за него Хёрд обернётся против меня. Но я не знала, что так поступит и Рейнир. И я должна признать: мне это больно.

Гвюдни: Он обернулся против тебя не из-за Гюннара.

Лаура (быстро): А почему?

Гвюдни: Он молод, и у него трудности с самим собой.

Лаура (жёстко): Нет у него никаких трудностей с самим собой. Ему это не свойственно. В нём нет слабости. Не существует. Вот в Альде и Хёрде она есть. А в нём нет. Он весь цельный. Никогда не сдаётся. Всегда стоит как скала. Он никогда меня не подводил. С ним никогда не было никаких сложностей. И не будет. Он против меня обернулся из-за Гюннара. Вот и всё. Если, конечно, не ты его против меня настраивашь.

Гвюдни: А тебе так кажется?

Лаура: Когда я вхожу во время вашего разговора, вы замолкаете. Как будто мне нельзя слышать, о чём вы говорите. Наверно, обо мне и Гюннаре? И ты уже совсем перестала разговаривать со мной. Это началось, когда Гюннар ушёл, и становится всё более и более заметным. Сегодня утром ты не смогла посмотреть мне в глаза. Ты презираешь меня за то, что я не видела его насквозь, не заметила, какой он лживый. Признайся в этом! Но тебе не удастся... (В дверном замке снаружи поворачивается ключ. Она умолкает, гладит. Тот, кто открывает, возится с дверью: у него возникли затруднения. Затем дверь открывается: Хёрд распахивает её ногой. Он пьян, на нём белая рубашка, уже измятая, одна пола выбивается из брюк, рукава закатаны. У него борода. Он держит в одной руке пиджак, папку и ополовиненную бутылку белого вина, а в другой – хрустальный бокал. Он стоит, качается и смотрит на них).

Лаура (холодно): Закрой дверь. (Он не обращает на неё внимания. Она

быстро подходит к двери и закрывает, продолжает гладить. Он бросает пиджак и папку на диван-кровать, ставит бутылку на край кухонного стола, поднимает бокал, смотрит на Гвюдни, ударяет пальцем по бокалу, от чего тот издаёт звон).

Хёрд (к Гвюдни): Хрусталь. Ручной работы. Чехословацкий. Настоящий хрусталь.

Лаура: Где ты был? (*Он не смотрит на неё – наливает в бокал, подходит к Гвюдни, взяв и бутылку*).

Хёрд: Ну-ка. Выпей-ка из этого бокала. Прекрасного хрусталия. (*Она не собирается брать бокал*). Это отборное вино. (*Поворачивает к ней бутылку*). Тебе знакома эта марка?

Гвюдни (безучастно): Да.

Хёрд: Конечно. Ты же знаешь все вина в мире. И весь хрусталь в мире. А это бокал Доуры. Она тоже всё знает. Она всего Стейна Стейнарра наизусть помнит. Хотя нет. Ничего она не знает. Ни черта. (*Опрокидывает содержимое бокала себе в рот*).

Короткая пауза.

Гвюдни: Давай, я приберегу твой бокал, дружочек?

Хёрд: Она говорит, что я стихи пишу как Стейн Стейнарр. Нет, лучше. В этом она сглутила. Но её так приятно слушать. Она красивая. И всё, что она говорит, звучит красиво. (*Щёлкает по бокалу*). Как из хрустального бокала. Пустого. Но она полна картин, скульптур, винных погребов и книг: она сплошная красота, а красивее всего – она сама. (*Наполняет бокал, подаёт Гвюдни*). Пей. Отведай Доурина хрусталия.

Гвюдни: Нет, спасибо.

Хёрд: Больше предлагать не буду. Кто не хочет, когда предлагаю, не получит, когда захочет. А матери моей я не предлагаю. Если моя мать попьёт из такого бокала, он больше не будет звенеть: хрусталь плебеев не любит.

Лаура (ледяным тоном): Я спросила, где ты был.

Хёрд: Раз уж тебе велели спросить, то я лежал в садах Рубежа Веков и пил Доурино белое вино.

Лаура: Но не мог же ты лежать в садах Рубежа Веков трое суток?

Хёрд: Да. Трое суток.

Лаура: Я хотела объявить тебя в розыск.

Хёрд: Ты бы это никогда не сделала. Не через трое суток. Через три месяца. Три года. (*Кричит*). Три вечности!

Гвюдни: Может, тебе прилечь, дружочек?

Хёрд (*Лауре*): Ты бы больше всего хотела, чтоб я три световых года пропадал в космосе. (*Опрокидывает в себя содержимое бокала*). Чёрт, какое тут всё некрасивое. Безвкусное. Сырое. Только взгляните – какая супернечтукость! Шторы дурацкие. Мебель дохлая. Чашки щербатые, тарелки поцарапанные. Бокалов для вина нет. Вообще. Как будто ты прямо в кастрюлю с кашей свалился.

Гвюдни: А не пойти бы тебе, дружочек, не прилечь?

Хёрд: А я уже ложился. Больше ложиться не собираюсь. Больше не собираюсь ни о чём мечтать. Буду без души. Я лежал в садах Рубежа Веков, смотрел, как прилетают и улетают самолёты, и решил, что буду без души. В одном из этих самолётов была Доура. Она же стюардесса. А ты не знала? А потом я заплакал. Пласал и плакал и чокался этим шикарным хрусталём с Ничто. Гвюдни, дорогая, а у тебя такой хрусталь есть?

Гвюдни: Больше нет.

Хёрд: Конечно, нет. Ты ведь больше не богатая. А Доура богатая. Она считает, что любить такого бедняка, как я, — шикарно. Оригинально. Она читала мои стихи своему отцу. Он настолько богатый, что ему пришлось сказать, что я стану большим поэтом. Наверняка — великим классиком. А потом он прочёл несколько собственных стихов, и лицо у него стало как у Дисы из Долинной хижины¹. Ух, я бы его так и придушил! Но не стал из-за Доуры. Она — единственный человек, который ко мне хорошо относится, кроме моей сестры. Она всю ночь гладила меня по щеке. Я люблю её, понимаешь? Понимаешь? Понимаешь, что я её люблю?

Гвюдни: Да. Понимаю.

Хёрд (резко поворачивается к матери): А ты понимаешь? (*Она гладит, не обращая на него внимания*). Понимаешь, я тебя спрашиваю?

Лаура (холодно, не глядя на него): Я никакую Доуру не знаю.

Хёрд: И не узнаешь. А она тебя знает. Я ей всё-всё про тебя рассказал. Ты это понимаешь?

Лаура: Наверно, в этом рассказе было много красивого.

Хёрд: Нет, в нём было много гадкого. По-настоящему гадкого. Но рассказал я красиво, ведь я поэт. А поэты — они для того, чтобы рассказывать гадкие вещи красиво. Если б ты только знала, до чего же было красиво, когда она подвела нас со своим отцом к бару у них в гостиной! Ты это можешь вообразить? Да брось ты гладилку эту дурацкую и вообрази себе! (*Она продолжает гладить, не обращая на него внимания*). А если б на моём месте был Рейнир ты бы себе вообразила! (*К Гвюдни*): А ты себе можешь представить? Ты же когда-то жила на вилле. Ты же такое видела. Ну, представляешь?

Гвюдни: Да, представляю.

Хёрд: Она повела нас по гостиной, и я был так счастлив, что сдружился с таким красивым домом, что даже забыл, что мои стихи оплевали. Он как будто был выстроен для меня и наполнен всем тем, чем я мечтал быть окружённым. И я был так счастлив находиться под всеми этими золотыми рамками, что мне показалось: наконец-то у меня где-то на земле есть свой дом. И я простил её отцу от всего сердца, что он лез ко мне со своими стихами. (*Наливает в бокал. Лаура прекратила гладить, но не убирает руку с утюга. Обеженичины смотрят на Хёрда*).

Короткая пауза.

¹ Героиня песни на слова Скафти Сигтурссона, скромная неиспорченная сельская девушка. (Прим. пер.).

И всё-таки... И всё-таки я как будто чувствовал какой-то странный запах. Погребальный. Как будто я вошёл в церковь, чтобы присутствовать на похоронах. А может быть, на собственных похоронах? Мне вдруг захотелось броситься вон из дверей. Прочь из этого дома. Но я не мог — из-за Доуры. Ведь она любит меня, а я — её.

Короткая пауза.

(*Другим тоном*): А Рейнир бы так поступил. Он бы там всё поломал, покрушил, надавал им по их улыбающимся рожам и выскочил вон. Ведь он такой хладнокровный, такой смелый. Тварь несчастная. (*Отпивает из бокала*). Вы его любите. Вы обе его любите. (*Плюхается на диван посреди сцены, ставит бутылку и бокал на стол*). Любите его! (*Альда подходит к окну своей комнаты*).

Гвюдни (*Лауре*): Мне к врачу пора. (*Лаура снова принимается гладить*). Я ненадолго.

Лаура (*холодно*): Можешь задерживаться, сколько захочешь. Я на работу не ухожу. Я в отпуске.

Гвюдни: Да? А я и не знала.

Лаура: Сейчас узнала. (*Гвюдни выходит и запирает за собой входную дверь. Лаура гладит. Хёрд сидит на диване, повесив голову, будто спит. Его волосы свешиваются на лоб. На лестнице показываются ноги Рейнира. Они перемещаются вверх или вниз на одну-две ступеньки сообразно его работе. Лаура прекращает гладить и смотрит на Хёрда*).

Молчание.

Альда (*в окне, таким же далёким голосом, как и прежде*): Звёзды — гонцы, спешившие к людям. Но из-за людской злобы они заледенели на небосводе. Когда-нибудь кто-нибудь должен растопить этот лёд своим сердцем.

Хёрд (*не поднимая головы*): Они оплевали мои стихи.

Лаура (*без враждебности*): Ты не хочешь пойти к себе и попытаться уснуть?

Молчание.

Хёрд: Почему ты меня не любишь, мама?

Лаура: Опять ты начинаешь? Я за все эти годы от этого уже подустала.

Хёрд (*поднимая голову*): Почему ты любишь только одного из своих детей?

Лаура: Я никогда не делала между вами различия.

Хёрд: Да. Это правда. У нас у всех всегда было одинаковое количество носков, одинаково уродливая одежда, одинаковые порции одной и той же овсянки. А вот твоя любовь доставалась только одному из нас. (*Входит Альда. Останавливается возле кресла-качалки, как и прежде, смотрит вперёд, но*

уже не таким далёким взглядом, как раньше. Она не понимает, что они рядом).

Лаура: Прекрати такие разговоры. Ни к чему так со мной разговаривать.

Хёрд: Да, ни к чему. Всё бессмысленно. И это, и всё остальное. И вскоре атомная бомба всех нас сотрёт в порошок. (*Замечает Альду, смотрит на неё почти с ненавистью*). Ну, вот обязательно ей было приходить! (*Лаура таращит на него глаза: она не привыкла, чтоб он таким тоном говорил об Альде*).

Лаура: Если твоя Доура – такая чудесная, как ты говоришь, она бы тебя так не напоила.

Хёрд: А она меня и не напоила. Я сам напился. Я хотел совсем спиться. А знаешь, почему? (*Она гладит, не обращает на него внимания*).

Короткая пауза.

Знаешь почему?

Короткая пауза.

Знаешь почему?

Короткая пауза.

(*Кричит*). Знаешь почему?

Лаура (резко): Нет. Не знаю, почему. И мне уже надоела эта пьяная болтовня. (*Альда садится, раскачивается*).

Хёрд: А я тебе и не скажу.

Лаура: Иди к себе.

Хёрд: Сама иди к себе.

Молчание.

И амёба ушла. Одноклеточное. Инфузория. Свалила и оставила тебя одну в ваших выделениях. (*Она резко отставляет утюг и подходит к дивану*).

Лаура: Ступай к себе. Живо.

Хёрд (шипит): Я знаю, почему он так быстро ушёл. Я знаю. А ты – нет.

Лаура: Встань!

Хёрд (с чёрной ненавистью): Он меня поцеловал. (*Она резко хватает его*).

Лаура (шипит): А ну, иди к себе. (*Он вырывается и не уходит с дивана*).

Хёрд (*с лютой ненавистью*): Он сказал, что я как баба, и засунул мне в глотку свой мерзкий язычишко.

Лаура (*шипит*): Врёшь!

Хёрд (*с плачем в голосе*): Сучка проклятая! Это ты его привела! А я до сих пор чувствую у себя в глотке слону из его пасти. Уж я рот полоскал-полоскал... мерзость проклятая. Он меня бабой обозвал. Доура знает, что я не баба. Её спроси, зараза ты такая!

Лаура (*кричит*): Враньё! Ты, наверно, врёшь! Враньё это! (*Вцепляется в него и трясёт*). Ты это себе напридумывал! Придумал! Признайся в этом! Признайся!

Хёрд: Этот проклятый язык вечно у меня во рту. Сколько ни полощу ядрёной содой – а избавиться всё не могу. (*Она отпускает его, глядит на него*).

Лаура: Этого не может быть. Быть того не может. Это невозможно.

Хёрд (*чуть не плача*): Я никому не мог об этом рассказать. Даже Доруре. Я впервые был с ней в тот вечер. Мне пришлось. (*Она пристальноглядит на него, быстро обнимает его*).

Лаура: Мальчик мой. Мальчик мой милый. Как бы я хотела, чтоб этого не было! Как бы хотела! Всё бы за это отдала!

Хёрд (*вырываясь – злобно*): Пусти меня. Не тронь меня! Ты вся просто замарана им!

Короткая пауза.

Лаура: Я тебе никогда не прощу того, что это случилось!

Хёрд: Тебе и не нужно. Тебе не позволено это себе прощать.

Короткая пауза.

Лаура: Он это сделал, чтоб унизить тебя! Потому что ты был против него.

Хёрд (*шипит*): Не упоминай о нём. Никогда! Если хочешь остаться в живых.

Короткая пауза.

Лаура: Я всё бы отдала – лишь бы этого не было.

Хёрд (*шипит*): Соберись!

Короткая пауза.

Лаура: Ты из-за этого так сильно пьёшь?

Хёрд (*шипит*): Я тебе сказал: больше об этом не упоминай! Никогда! Слышишь?

Молчание.

Альда (*далёким голосом, но не таким, как раньше*): Сейчас она стояла у дерева, прекраснейшего из всех деревьев. Оно было словно утешение, которое говорило, что красота, несмотря ни на что, по-прежнему существует. И она стала разговаривать с жизнью: «Ты дала мне много и сказала, чего всё стоит, но лишь одно я ценю больше всего». Тут жизни захотелось узнать, какое из её великих богатств самое дорогое. «Жизнь-красавица, — сказала она. — Если б мне не было дано понимание, я была бы таким же великим молчанием, как смерть». (*Заимствовано из «Смеха минувшего» Сигрид Фрейи Сигурдардоттир, журнал «Жизнь и искусство», май 1950, адаптировано для пьесы*).

Короткая пауза.

(Хёрд пристально смотрит на неё почти с ненавистью, вскакивает с дивана).

Хёрд: Это она. А не я. Она — поэт. Она сумасшедшая на всю голову — а из неё так и прёт поэзия. Без препятствий. Ей стоит только рот открыть — и вот оно! Если б она была здорова — она бы так не могла. Быть не в себе — явно лучше. (*Альда не понимает, что он рядом, поворачивается и медленно идёт по сцене, останавливается только примерно в двух метрах от окна в глубине сцены, стоит неподвижно спиной к зрителям*).

Хёрд (Лауре): Почему ты и меня не сделала сумасшедшими?

Лаура (резко): Прекрати так говорить!

Хёрд (с отчаянным неистовством): Тогда бы они захотели издать мои стихи. А они хотели её стихи. Просто с ума по ним сходили. И сказки её — тоже. А из моего — ничего. Ни единого стихотворения. Больше месяца тянули с ответом. Я так низко пал. Так ужасно низко! А они и говорить не хотели о моих стихах. Только об её. (*С ненавистью*). Я напился. Я трое суток пил.

Лаура (недоверчиво): Они хотят издать то, что она сочинила?

Хёрд (резко): Там для издания мало набралось. Они хотят ещё больше её вещей.

Лаура: Но они хотят это издать?

Альда: Когда солнце услышало, как он поёт, оно снова захотело светить...

Хёрд (перебивая — злобно): Вот опять она начала...

Альда: И оно взошло к нему на небо, и все в стране закричали: «День добрый! День добрый!»

Хёрд (злобно): Ненавижу это. Ненавижу, с какой лёгкостью это лезет из неё, как ни в чём не бывало. Это отвратительно. Недопустимо. Ненавижу её (*с отчаянием*). Нет! Я не хотел этого говорить. Боже мой! Мне нельзя! Я же её люблю! Я должен её любить.

Лаура (решительно): Ты всегда её любил. Просто тебе плохо от того, что тебе кажется, будто её предпочитают тебе.

Хёрд: Я всего себя вложил в эти стихи. Меня больше уже не осталось. Я конченый человек. Они со мной разговаривали так, будто я не поэт.

Лаура: Ты поэт. Я в этом уверена.

Хёрд (злобно): Я знаю, что я поэт. Тебе не надо мне об этом говорить. Уж кому-кому, но не тебе. (*Альда медленно поворачивается; кажется, она рассматривает картину на куске стены. Хёрд наливает в бокал*).

Лаура: По-моему, тебе уже хватит. (*Он не обращает внимания – залпом выпивает из бокала*).

Хёрд (изменив тон, вперёд): Я знаю, что я поэт. В этом моя роль в жизни. Мне это суждено. Я это с самого рождения знал.

Короткая пауза.

Иногда мне кажется, что я не живу на земле, а послан сюда, чтобы служить определённому предназначению. Как будто я заключил договор с жизнью до того, как пришёл на землю, и мне надо исполнить его своим писательством. Как будто у меня с жизнью особая связь. И я чувствую, что никто другой не может сделать то, что должен сделать я. (*Альда проходит к картине на куске стены, останавливается возле неё, некоторое время стоит неподвижно, затем медленно протягивает руку и поправляет картину на стене, затем медленно подходит к окну и поворачивается спиной к зрителям. Лаура и Хёрд не обращают на неё внимания*).

Лаура (нейтрально, вперёд): Что-то большое. Не похожее на всё то, что делают другие.

Хёрд (как будто не слыша): А когда я смотрю на людей, меня переполняет отвращение: как будто у них в жизни нет никакого дела, никакого предназначения, и им всё равно: просто дышат, чем-то там занимаются, гоняются за своими желаниями, чуть-чуть смеются, плачут, заводят детей, а под конец падают замертво.

Лаура (ледяным тоном): Ты как твой отец. У него был особый договор с высшими силами. Он был не как другие. У него было предназначение.

Хёрд (шипит): Ты его ненавидела!

Лаура (быстро): Сколько тебе было лет, когда он умер?

Хёрд: Какое это имеет отношение к делу?

Лаура: Тебе было семь лет. А Альде сколько было?

Хёрд (кричит): Зачем ты спрашиваешь?

Лаура: Ей было одиннадцать лет.

Хёрд (шипит): И что с того?

Лаура: Когда он умер, тебе было семь, а ей – одиннадцать. И вы знаете о нём всё. Ты всё знаешь про него и всё про меня.

Хёрд (неистово): Ты ненавидела его, потому что он был художник от бога. Твоя плебейская душа чувствовала свою ничтожность вблизи него. Ты пыталась убить его в Альде и во мне. Ты ей спокойно подумать не давала, даже побить рассеянной. Ты сразу подлетала и заставляла её что-нибудь делать: прибираться, мыть посуду, вязать. Посыпала её к тем или другим бабам сидеть с их детьми. Когда ей больше всего хотелось побывать в своей комнате и порисовать.

Лаура (резко): Я пыталась её спасти.

Хёрд: Уничтожить её. И мне из-за тебя даже книжку было нельзя спокойно открыть! Ты только одного Рейнира оставляла в покое. Потому что он только и знал, что суетиться и копошиться. Такой же волдырь бесчувственный, как и ты! Это ты её сделала сумасшедшей.

Лаура (с ледяной твёрдостью): Если кто-то и сделал её сумасшедшей, так это твой папаша. Наполнил её фантазиями, так что она стала так же далека от действительности, как и он сам.

Хёрд (шипит): Какой, к чёрту, действительности? Запомни уже своей глупой башкой, что художественная реальность более реальна, чем сама действительность.

Лаура: Твой отец был просто спец по части того, что-то из себя представлять в собственных фантазиях, а больше нигде. Лишь незадолго до смерти он осознал, какой же он неудачник.

Хёрд: Всё ты врёшь! Он всю жизнь болел. Именно поэтому он и не успел продвинуться так далеко, как мог бы. И не был он неудачником. Он был непонятым.

Лаура (с ледяной насмешкой): Непонятым гением?

Хёрд (кричит): Да!

Лаура (резко): Как ты думаешь, почему он уничтожил свои картины? Да потому что они были плохие!

Хёрд (кричит): Они были уникальные, они намного опередили своё время. Ни на кого не похожие.

Лаура: А кто это говорит?

Хёрд (шипит): Многие, кто знал его и видел его картины. Те, кто его понимал.

Лаура: Никто не хотел видеть его картины.

Хёрд: Нам вообще нельзя было говорить о нём. Ты пыталась замалчивать его в нас. Становилась ледяной и суровой, стоило кому-то упомянуть о нём. Нам приходилось перешёптываться о нём тайком, словно он был преступником. Ты его так ненавидела, что даже на его похороны не пришла. Ненавидела-ненавидела – и продолжаешь ненавидеть во мне и Альде, и тем больше любишь этого бесчувственного, своего младшего сына, за то, что он такой же, как ты!

Лаура (с невероятной злобой): Да. Я его ненавидела. Но до того я его долго любила. Слишком долго. Я его любила. Безмерно. Не было ничего, что бы я для него не сделала. Я в него всю свою жизнь вложила. И душу, и тело. Всё-всё. Я работала, пахала, чтоб попытаться его защитить, спасти его от туберкулёза, дать ему рисовать. Молчи! Заткнись! Сейчас я буду говорить. Я целых пятнадцать лет молчала. Пятнадцать долгих лет. Позволяла тебе меня хаять.

Хёрд: Ты должна...

Лаура: Помалкивай в тряпочку. Он разговаривал с ней так, словно она – божественное откровение. Создал для неё мир грёз, чтоб она в нём жила. Она была сверхчувствительной. Слишком чувствительной, чтоб находиться с

обычными людьми. Не выносила реальности. Стоило ей увидеть что-нибудь гадкое – и она тотчас ломалась. Как будто невинность у неё с возрастом не выветривалась. Ей вечно что-то причиняло боль. Одно сплошное больное место. На неё прямо дышать было нельзя! Я никогда ничего не могла сказать о нём. Особенно, когда он умер. Не решалась. Потому что она его боготворила, а ты был всего лишь её эхом. Ты молчи! Молчи в тряпочку! Я думала она не переживёт его смерти. Она как будто стала сходить с ума. Уже тогда. В одиннадцать лет. Оно сидело в ней с самого рождения, это безумие. Я видела его в её глазах. Уже в колыбели.

Хёрд (*кричит*): Я это слушать не стану!

Лаура: А ты уже слушаешь. Он меня предал. Он всех нас предал. А больше всего он предал её. Свою дочь, над которой он возымел такую власть, что она видела и слышала только его. Ей он изменил. Я попродаивала всё, кроме самого необходимого. У меня едва хватало, чтоб прокормить вас. Я здесь в столице никого не знала. Мне не к кому было обратиться. И вот он пришёл, его полмесяца назад выписали из лечебницы без моего ведома. От него не было ни слуху ни духу. Он пришёл и сказал, что познакомился с англичанкой и собирается ехать с ней в Англию. Хотел быть свободным. Я стояла среди комнаты в доме, где была лютая стужа, у меня от него трое маленьких детей – а он заявляет, что хочет от нас избавиться, чтоб уехать с иностранкой и продолжить писать картины, которые никто не хочет видеть.

Хёрд (*пристально смотрит на неё*): Это не может... Не может...

Лаура: Только никуда он не поехал. Он серьёзно заболел. Пришёл домой, уничтожил свои картины и умер у той девушки. Вот и вся его заграница. Эта англичанка в объявлении о похоронах написала, что он был её женихом. Поэтому меня на похоронах не было. Он ей не говорил, что у него жена и трое детей. Сказал только, что болен туберкулёзом.

Молчание.

(он пристально смотрит на неё, резко вскакивает со стула).

Хёрд: Всё ты врёшь!

Лаура (*ледяным тоном*): Сходи в Центральную библиотеку, отыщи это объявление о похоронах в газете «Моргюнбладид». И ты увидишь, кто его дал. (*Альда распахивает окно, они не обращают на это внимания. Рейнир быстро спускается по лестнице и пристально смотрит в окно Альды. Она неподвижна. Затем он смотрит на них, тянется к балкону*).

Короткая пауза.

Для него ничего не было важным – только собственная гениальность в рисовании тех картин, которые он потом сам же и уничтожил.

Короткая пауза.

Хёрд (*замкнуто – печально*): Понимаю. Понимаю его. Понимаю его лучше, чем когда-либо прежде.

Лаура (*жестоко*): Да. Его ты понимаешь. Ты – как он. Твои стихи никто видеть не хочет. Как и его картины никто видеть не хотел.

Хёрд (*готовится ударить её*): Тварь мерзкая!

Лаура: Бей! (*Он опускает руку. Входит Рейнир*).

Рейнир: Тут какой-то кипеж?

Молчание.

Короче: в журнале «Язык и культура», кажется, появился мой рассказ. Так мне сказали. Правда, сдаётся мне, он запросто может принадлежать и кому-то другому. Например, моему полному тёзке. Как знать. Надо будет получше разведать. Это всё очень необычно. (*Хёрду*). Если ты только не начал пользоваться моим именем как псевдонимом: рассказ твой, имя моё, фифти-фифти? (*Лаура пристально смотрит на него. Хёрд слишком подавлен, чтоб как следует воспринять его слова*).

Альда (*быстро и чётко*): Солнце. На улице солнце. Солнце светит. (*Они все быстро поворачиваются к ней и во все глаза глядят на неё*).

Резко темнеет.

IV действие

Явление первое

Следующий день. Время подошло к полудню. Музыка, возможно, виолончель, первые строки «Помнишь, сидели мы вместе...» удаляются, замирают. Балконные двери стоят нараспашку. В окна светит солнце. Пока свет медленно усиливается – неистовое пение дроздов. Решёток нет ни на кухонном окне, ни на балконной двери, ни на окне в комнате Альды. Рейнир отвинчивает последний прут на окне гостиной. Лаура стоит у окна в комнате Альды; она собирается вешать новые занавески. Они светлого цвета, красивые, летние, совсем не похожие на прежние. Она задёргивает их на пробу, затем снова раздвигает. Одета она светлее, веселее, чем в третьем действии. Её лицо сияет. Она заходит в гостиную. Рейнир выдёргивает прут решётки из окна.

Рейнир: Ну, вот и всё. Этот последний.

Лаура: Хорошо.

Рейнир: Но подоконники надо починить: зашпаклевать дырки от прутьев.

Лаура (*непринуждённо*): Ты это когда-нибудь для меня сделаешь.

Рейнир: Мне прутья в чулан отнести?

Лаура: Выкини их в мусорный бак.

Короткая пауза.

Рейнир: А не лучше ли их приберечь? Для верности?

Лаура: Выброси их.

Рейнир: Как скажешь.

Лаура: Я у неё всё перебрала. Всё вымыла, вычистила. Я ей куплю новый диван. И комод. Красивый комод. Не знаю, как, но куплю. И я повешу на все окна новые занавески. Более того: я даже материю на платье купила. На летнее платье. У меня уже много лет не было летнего платья.

Короткая пауза.

Я хочу, чтоб ты перебрался жить вниз, как только съедет Хёрд. Сегодня же вечером.

Короткая пауза.

Рейнир: Я послезавтра в рейс ухожу.

Лаура: Но не вечно же ты будешь в море. Ты будешь время от времени сходить на сушу, а осенью у тебя начнутся занятия в училище.

Короткая пауза.

Я хочу, чтоб ты жил внизу. С нами: со мной и Альдой. А ты, наверно, не хочешь?

Рейнир: Почему, хочу. Только...

Лаура (*перебивает*): Мне кажется, ты был от меня далеко-далеко слишком долго. И я хочу, чтоб ты ощущил, когда Альде станет лучше.

Рейнир: Но я в море выходить собрался.

Лаура (*резко*): Может, ты больше хочешь остаться у Гвюдни?

Рейнир: Нет-нет. Просто мне кажется, что, наверно, не надо...

Лаура (*перебивает*): Я тебе свою комнату отдам. Она такого же размера, как комната, в которой ты живёшь сейчас. А я переберусь в Хёрдову комнату.

Короткая пауза.

Рейнир: Спасибо тебе.

Лаура: За то короткое время, пока ты не ушёл в рейс, может многое случиться. Она может излечиться, стать почти здоровой. Как в прошлый раз. Тогда она полностью выздоровела за неделю. Ей становится лучше. Никто не знает почему. Они же говорили, что у неё это хроническое. Неизлечимое. А тут ей вдруг стало лучше. Это чудо. Просто чудо, и всё тут. И я знаю, что она больше не заболеет. Я это чувствую.

Короткая пауза.

Рейнир: А вдруг ей не станет лучше?

Лаура: Станет. Ты же сам слышал, что она вчера сказала. Она сказала: «Солнце. На улице солнце». Она вдруг стала замечать окружающее. И у неё уже целый месяц не было приступов. Она больше не поёт по ночам. Она спит. А сегодня утром она сама поела.

Рейнир: Сама поела?

Лаура: Да. Гвюдни вышла на кухню за молоком. Когда Гвюдни вернулась, она уже ела яйцо.

Короткая пауза.

Рейнир: А она понимала, что Гвюдни рядом?

Лаура: Нет. Но это ещё предстоит. Я чувствую. Это вот-вот придёт.

Рейнир: Она что-нибудь сказала?

Лаура: Нет. Но я с утра оставила балконную дверь открытой, и она вышла на балкон. И мне показалось, что она прислушивается.

Рейнир: Она птиц слушала.

Лаура: Да, она слушала, как поют дрозды. Я уверена.

Рейнир: Они как будто взбесились: всё утро пели и пели. (*Собирает прутья, лежащие на полу*). С ума сходят от весеннего гона. Прямо им невтерёж поскорее яйца отложить. Всмятку.

Короткая пауза.

Лаура: Если она выздоровеет – настанет бесконечно глубокое и большое счастье. Невыразимое счастье. Это полностью изменит мою жизнь. Нашу жизнь.

Короткая пауза.

Рейнир: Да.

Короткая пауза.

Лаура (бодро): А как твоё судно называется?

Рейнир (держа в охапке прутья, ошарашенно): Какое ещё судно?

Лаура: На котором тебе место дали.

Рейнир: Ах, это. Да, конечно. Оно называется «Волдырь бесчувственный».

Лаура: Не придиуривайся.

Рейнир: «Орлан». Оно называется «Орлан».

Лаура: А где оно причаливает?

Рейнир: В Вифлееме. Напротив Иерусалима.

Лаура: Обязательно тебе так всё скажать?

Рейнир: Да.

Лаура: Это будет... (*Входит Хёрд. Он очень хорошо одет: в дорогом летнем пальто, опрятно причёсан, полностью соответствует самой новой и добротной моде. В руке он держит маленькую сумочку хорошего качества. Он оборачивается, чтоб запереть дверь. Они смотрят на него*).

Лаура: Не надо запирать.

Рейнир: Тут сомнений нет. Ты стал прямо как журнал мод. А ведь ещё вчера ты был одним из нас. А трусы на тебе тоже новые? А какого они цвета? (*Хёрд не обращает на него внимания, входит в помещение. Его манеры более уравновешены, чем прежде; он словно принял решение, которое не подлежит отмене. Вид у него спокойный, холодный*).

Хёрд (холодно, спокойно): Я пришёл забрать свои рукописи. А книги я заберу позже.

Рейнир: Как сказал Сократ, по одёжке встречают. (*Хёрд замечает прутья, которые держит Рейнир*).

Рейнир: Я их собираюсь в мусорный бак отнести. (*Хёрд таращит на них глаза*).

Короткая пауза.

Лаура: Ей становится лучше.

Короткая пауза.

Хёрд: Ей лучше?

Лаура: Ты сам слышал, что она вчера сказала.

Рейнир: Всё указывает на то, что ей лучше.

Хёрд: И как? Она ещё что-то говорила?

Лаура: Нет. Но она начала самостоятельно есть, и прекратила петь по ночам.

Короткая пауза.

Хёрд: Вас она узнаёт?

Лаура: Ещё нет. (*Он хочет пройти в комнату Альды*). Гвюдни пошла с ней на прогулку. (*Он останавливается, оборачивается*).

Короткая пауза.

Хёрд: Я приду навестить её.

Лаура (холодно): Небось, дважды за три года?

Хёрд (ледяным тоном): Я устрою, чтоб она съехала отсюда, как только ей станет лучше.

Лаура: Куда съехала?

Хёрд: Ко мне.

Рейнир: К Ханнесу из Стекляшки.

Лаура (резко): Когда ей станет лучше? А почему не до того? Почему не сразу? (*Хёрд смотрит на неё глазами, полными ненависти*).

Рейнир: Хороший вопрос.

Лаура: А если ей не станет лучше? Она так и останется у меня? Ты ведь это имел в виду?

Хёрд: Я...

Лаура (перебивает): Она к тебе не переедет. К Доуре твоей. К Ханнесу из Стекляшки или куда-то ещё. Ни сейчас, ни потом. Она останется у меня.

Хёрд (шипит): Ты снова сведёшь её с ума.

Лаура: Я...

Рейнир (перебивает): Вспомнил! Это пальто «Рок Хадсон». Настоящее! (*Хёрд разворачивается и направляется вправо*).

Лаура (холодно): Я твою одежду сложила.

Хёрд (шипит): Вышвырни её. (*Выходит направо*).

Рейнир (*Лауре*): Не могла бы ты открыть мне? (*Она открывает входную дверь. Он выносит прутья. Она наливает себе кофе из термоса и пьёт, затем решительно отставляет чашку, быстро идёт в свою комнату, выносит оттуда материю на платье и выкройки, кладёт на стол в гостиной, прикладывает выкройки к ткани. Входит Рейнир. В руках у него номер журнала «Язык и культура», он кладёт его, раскрытый, страницами вниз на край кухонного стола слева от куска стены. Лаура не видит этого. Он наливает себе стакан кофе, садится на табуретку, ждёт. Входит Хёрд справа, с сумкой*).

Хёрд (*Лауре – холодно*): Я хочу забрать картину.

Лаура (поворачиваясь к нему): Картину?

Хёрд: Папину.

Лаура: Она достанется Альде.

Хёрд: Её хочу я.

Рейнир (встаёт): Я. Почему не я? Почему не „lille mig“¹?

Хёрд (шипит): Потому что ты всего лишь сын своей матери.

Лаура: Эта картина достанется Альде и никому другому. (*Гудит автомобиль, звук у гудка солидный*).

Рейнир: Это Доура сигналит. Она ждёт в своём «Бьюике». Я пытался с ней поздороваться. Даже ветровое стекло много раз целовал. А она не хочет меня видеть. Позакрывалась на все замки и засовы. Перетрусила. У неё нервы не в порядке?

Хёрд (кричит): Ты её напугал, сволочь ты эдакая? Что ты сделал?

Рейнир: Слегка покачал её «Бьюик». Ветровое стекло поцеловал. (*Попытает воздушный поцелуй*).

Хёрд: Свинья.

Лаура: По-моему, пора бы тебе собираться. Раз девушка ждёт.

Хёрд (шипит): Я хочу забрать картину. (*Собирается взять картину*).

Лаура (преграждая ему путь): Ты её не получишь!

Рейнир: А правда, что свёкор тебе исхлопотал должность в газете

¹ «Маленький я» (датск.). (Прим. пер.).

«Моргюнбладид»¹?

Хёрд (шипит): Тебя это не касается.

Рейнир: Когда твоя книга выйдет, рецензия будет очень хорошей. В этой газете хорошо пишут о своих поэтах – и вообще, поэты-консерваторы друг о друге.

Хёрд: На что ты, чёрт возьми, намекаешь?

Рейнир: Все друг друга облизывают: Поэт А вылизывает поэта Б, а тот в ответ – поэта А. Поэт Ц облизывает А и Б. Б облизывает А и Ц. А облизывает БЦ. А, Б, Ц, Д – и так до Х. Х – это Хёрд, и он облизывает всю эту шатиубратию.

Лаура (Рейниру, резко): Всё, хватит. Прекращай такие разговоры.

Хёрд (сдерживая гнев): Как бы мне хотелось тебя отлупить. Придушить. (*Кричит*). Не выйдет моя книга! Её отклонили! Но она выйдет позже. Должна выйти. И мне не важно, что о ней напишут. Вообще всё равно! Я ни от кого не завису! И ни к кому не подлизываюсь! И меня никто не облизывает! Чтоб ты знал!

Рейнир: Да что ты говоришь? Её отклонили? Они в гениальных стихах не разбираются? Разве у вас не будет полкниги твоя, полкниги Альдина – фифти-фифти?

Лаура: То, что сочинила Альда, не отклонили.

Хёрд (шипит): Там было слишком мало для издания.

Рейнир: Так что продолжим оттуда, откуда отвлеклись вчера. Раз уж мы начали беседу о творчестве. Я выяснил, что этот рассказ в журнале «Язык и культура», о котором я упоминал вчера, написал вовсе не мой тёзка. Его написал я сам. Для меня это, конечно, не стало неожиданностью, потому что я сам его им и принёс. (*Хватает журнал – быстро подходит к Хёрду и тычет журналом ему в лицо, резко*): Смотри! (*Быстро подходит к Лауре, резко*): И ты! Читай! Читай перед сном, в тишине и покое. И тогда ты сделаешь открытие, что я, нижеподписавшийся, твой младший сын, точная копия тебя, твоей родни, ты сама – твоя плоть и кровь в мужской обличье, – это не то, что ты думала-надеялась-желала-хотела-жаждала, а совсем наоборот. (*С хлопаньем бросает журнал на стол*). Вот, прошу! Я его тебе дам почитать. Надеюсь, ты не забыла алфавит, хоть ты и перестала читать из-за моего отца.

Хёрд (ошарашено, ошеломлённо): Не пойму... Этот... Этот рассказ... Это твой?

Рейнир (сухово): Да, мой. Да-да. У творчества миллион лиц. И одно из них вот такое (*указывает на себя*). Я.

Хёрд: Не может быть...

Рейнир (сухово): Может. И может, и есть. Уложи это себе в голову. Волдырь бесчувственный! (*Неистово*). Я тебя стихами завалю. Утоплю тебя в плевках, слякоти, походах по тёлкам и мордобое! Я буду выкипячивать и вываривать разлагающиеся трупы и живых существ, чертей и ангелов в дерьме и красоте, и поте и крови! На земле, как и на небе. Это будут райские стихи в

¹ Крупнейший печатный орган в Исландии, имеющий консервативную окраску. До 2010-х гг. у этой газеты было литературное приложение, в котором, в частности, печатались и стихи. (Прим. пер.).

клоаке, облака с привкусом земли, вздохи в камнях. И если бог играет в прятки где-то во всей этой великолепной жуткой жрачке, я его отыщу! Потому что я люблю существовать. Без меры! Безумно, всю эту фигню! И ничего не ненавижу кроме проповеди пустоты: твоего духовного содержания, этого самопоклонения с обратным знаком. Эту духовную инвалидность: мозг повреждён, сердце покалечено. Это замаскированное самосожаление! И впридачу дрожение на атомную бомбу! (*Они смотрят на него, застыг. Он хохочет*).

Хёрд (шипит): Это ты всё нарочно подстроил. Нарочно, зараза такая! В тебе ничего такого нет! Нет, и всё!

Лаура (пустым голосом): Я так и знала.

Рейнир (резко): Ничего ты не знала.

Лаура (пустым голосом): Я так и знала. Я уже давно знала. Я знала, что она тебя сбьёт с толку. Все эти книги да пластинки. Я знала, что не надо разрешать ей пускать тебя к себе жить. Я знала.

Рейнир (сурохо): Ты этого не знала. Ничего ты не знала. Как и он. Вы оба ничего не знаете. Вы не знаете, что сейчас перед вами стою я. Я сам. Весь. Впервые – с головы до пят. Я сам здесь (*ударяет себя в грудь*) и вот здесь (*хватает журнал*) и, во всём, что я сделаю после этого. Я был как раза внутри самого себя. Всегда таился. Писал и писал. Но я ждал этого часа. Предвкушал его. И вот он пробил. Час радости. Час возмездия. Сласти, сигареты и сигары в одном флаконе. Ты не хочешь меня поздравить? Ты же сам ничего не опубликовал.

Хёрд: Мне не нужно тебя ни с чем поздравлять. Один рассказ – это ничего. Все когда-нибудь писали рассказы, и у некоторых даже хватало глупости их опубликовать. В этом журнале всегда бывает что-нибудь совсем дрянное: заигрывания с простым народом, коммунистические бредни.

Лаура (Хёрду): Зачем ты так? Зачем?

Хёрд: Потому что он младший братишка. Потому что он в душе вот-вот погибнет. От зависти. У нашей горы мускулов комплекс неполноценности. Он пытается заниматься творчеством, быть похожим на брата и сестру. Смешно. Жалко. Я знаю всех крупных поэтов в городе, общаюсь с ними. Они меня знают. Ценят меня. Знают, что я поэт. Над тобой весь город смеяться будет. Жалеть тебя. Все узнают, что ты пытаешься стать поэтом как старший брат!

Рейнир (шипит): Пусть смеются.

Лаура (Рейниру): Он же этого хочет. Не понимаешь, что ли? (*Автомобильный гудок, настойчивее, чем прежде*).

Рейнир: «Бьюик» сигналит. Бьюикская жизнь зовёт. Торопись. Ступай доуриться. Торопись проскользнуть консерваторам вниз по пищеводу! Пусть они тебя съедят, переварят и выскрут первым же заходом!

Хёрд: Как бы ты ни пытались – всё равно я на два года старше и всегда буду на два года впереди тебя. А в творчестве – на двести лет впереди.

Рейнир (шипит): Я тебя этим творчеством завалю.

Хёрд: Ты просто смешон. (*Лауре*). Я ещё не сказал последнего слова о папиной картине. А больше я с тобой разговаривать не буду. Никогда.

(Быстро выходит).

Короткая пауза.

Лаура: Так вот чего он хочет. Именно этого. Сейчас он взял верх. Наконец-таки.

Рейнир (*холодно и спокойно*): Я не ухожу в рейс. И в Штурманское училище тоже не пойду. Я туда никогда и не собирался. Я послезавтра уеду в Хортнафьорд. Буду там всё лето писать.

Лаура (*резко*): Конечно же, на даче у Гвюдни?

Рейнир: Да.

Лаура (*резко*): Она помогла тебе провести меня.

Рейнир: Она и не знала, что я пишу, пока я сам ей вчера вечером не сказал.

Лаура (*в отчаянии*): Не делай этого. Ради бога. Не надо! Рейнир! Тебе нельзя! Ты себя погубишь! Ты пытаешься победить своего брата. Тебе это не удастся. Таким образом – не выйдет. Ты проиграешь. Как ты не поймёшь? Я знаю деятелей искусства. Ты не такой. Ты ни капельки не похож на отца. Ты весь пошёл в мой род: мой мальчик. Я это обещала. Я обещала, что ты никогда не будешь как он. Хотя бы ты – не будешь. И ты никогда не был на него похож. Ни в чём. Ты – мой ребёнок. А они – как он. А ты – нет. Ты будешь со мной. Понимаешь? Со мной. Я не могу смотреть, как ты себя губишь.

Рейнир (*спокойно – холодно*): Я справлюсь. Как ты и сама знаешь, я всегдаправлялся. Может быть, у садовой калитки стоит кто-нибудь с бритвой, чтоб меня порезать; ты ведь помнишь: пути к бегству нет. Двери заперты. Любимой мамы нет. Но в этот раз я сам запираю у себя за спиной дверь. Я сам твёрдо стою. И не сдамся. Ты ведь меня этому хотела научить? *(Быстро выходит).*

Лаура (*зовёт в отчаянии*): Рейнир! *(Она сломлена; плетётся к дивану посреди сцены, садится).*

Молчание.

(Входят Альда и Гвюдни. Альда впереди. Она медленно подходит к креслу-качалке, садится, качается, с далёким выражением лица. Гвюдни стоит у дверей, бледная, как полотно, делает несколько шагов к Лауре. Останавливается).

Гвюдни (*беззвучно*): Альда...

Лаура (*молниеносно вскакивает с дивана*): Это ты. Ты всё здесь испортила. Ты втянула его в это. Сбила его с толку, разбередила его музыкой и книгами, умымыми разговорами. Вбила ему в голову невесть что. Так что он стал о себе воображать. Настроила его против меня. Ты забрала власть над ним и Альдой. Присосалась к нам, как спрут. Чтоб перетянуть их к себе. Ей без конца всё покупала, сделалась незаменимой.

Гвюдни: Я...

Лаура (*шипит*): Вон! Вон отсюда! Ты его погубила. Отравила наши с ним отношения. Отвадила его от меня. Моего мальчика. У меня ничего не осталось. Ничего. Всё ушло. Ушло.

Гвюдни: Мне нужно поговорить...

Лаура: Ни слова. Ни единого слова. Вон. Дверь там. Убирайся. (*Гвюдни пристально глядит на неё – разворачивается и идёт к двери. Лаура падает на диван (кричит): Мы отсюда съедем при первой же возможности!* (*Гвюдни подошла к двери; она поворачивается, подходит к дивану, останавливается и смотрит на Лауру*). Что ты хочешь? Вот какого ляда тебе нужно?

Гвюдни: Альда беременна. (*Лаура уставилась на неё, широко открыв глаза. Альда раскачивается*). Мы только что от моего врача. Сомнений нет.

Затемнение.

Явление второе

Та же обстановка. Следующий день. Утро. Свет постепенно усиливается. На улице дождь. Окна занавешены. Лаура сидит на диване. Она в ночной рубашке, поверх неё рассстёгнутый халат. Она смотрит в пространство перед собой. Входит Гвюдни, запирает за собой дверь. Лаура как будто не осознаёт этого; она неподвижна. Гвюдни останавливается, смотрит на неё сзади, затем подходит к ней, садится.

Гвюдни (*с теплотой*): Ты не спала. (*Лаура глядит в пространство перед собой, словно не слышит*).

Молчание.

Я поговорила с врачом. Он хочет, чтоб ты дала отчёт. Он попросил меня перезвонить ему после того, как я поговорю с тобой.

Короткая пауза.

Он хочет, чтоб это было сделано как можно скорее.

Молчание.

Гвюдни: Не хочешь одеться?

Лаура (*упавшим голосом, погрузившись в себя*): Я никогда никому это не рассказывала, даже врачу. Ей было пятнадцать. Я работала уборщицей. Целыми днями полы мыла. Невообразимое количество лестниц и коридоров. Только и знала, что стоять над ведром для мытья полов. И тут она подошла: руки за спиной и улыбается. Улыбается, совсем как её отец. И вдруг она мне протянула красную розу. Она на неё сама накопила. Розу! А у нас на еду едва хватало. Она поступила, совсем как её отец. Так похоже на него, что у меня

просто руки опустились. Я дала ей пощёчину. Когда я вернулась домой, она заболела. Так это и началось.

Гвюдни: Не могло это так начаться.

Лаура (*упавшим голосом*): Это правда. Это я её сделала сумасшедшей. Это так началось. Я пыталась это забыть. Пыталась врать, оправдываться. Но это так. Это моя вина. Я виновна. И я продолжаю причинять ей боль. Он – внутри неё. И это из-за меня. Я виновна. Всё ещё виновна. Снова виновна. Он – в ней. И его мерзость прорастает в ней. Обосновалась у неё внутри.

Гвюдни: Её удалят.

Лаура (*с сильной ненавистью*): Я не помню, как он выглядит. Я это не вижу. Вижу только чёрное. У меня внутри черно, в голове и в глазах. Я не чувствую себя, только ненависть. Чёрную ненависть. Я тосковала по мужчине. Порядочному мужчине. А дьявол воспользовался этим и послал мне его. Самого себя мне послал.

Гвюдни (*решительно*): Нельзя так говорить. Прекращай говорить о нём. Ты начала всё время повторять одно и то же. Прекращай.

Лаура: Одно и то же. Да. Снова и снова. Я вела себя так, как будто ждала мужчину, который поддерживал бы меня. Вела себя так, словно хотела помочь ему воспрянуть. Спасти его.

Гвюдни: Ты это уже говорила. И не раз.

Лаура: Это была ложь. Ложь от начала до конца. Это была похоть. Чудовищная похоть. Я смотрелась в зеркало и видела, какая я стала старая, морщинистая, безобразная, и я стала как пластилин в его ладонях. Он мог делать со мной всё, что угодно – и делал. Если он проигрывал мне днём, тем более блестящую победу он одерживал надо мной ночью. Мерзкая похоть. Как будто в жизни ничего не было кроме совокуплений. Совокуплений. Снова и снова. Как будто мне и существовать не хотелось, кроме как в похоти. И вот – он покусился на моего ребёнка. На большую. Таким людям надо запретить существовать. Истребить их. Стереть с лица земли. (*Гвюдни берёт её за обе руки*).

Гвюдни: Сейчас я позвоню врачу и скажу, что ты к нему придёшь. Он желает с тобой поговорить. Немедленно. (*Лаура непонимающе смотрит на неё*). Тебе придётся с ним поговорить.

Лаура (*пустым голосом*): Да.

Гвюдни: У тебя сил хватит?

Лаура (*пустым голосом*): На что?

Гвюдни: На то, чтобы к нему прийти, поговорить?

Лаура: Да. (*Гвюдни встаёт*).

Гвюдни: Тогда я ему позвоню.

Лаура (*пустым голосом*): Да, позвони ему. Позвони. (*Гвюдни выходит и запирает за собой. Лаура глядит в пространство перед собой. Входит Альда, останавливается возле кресла-качалки, как и прежде, затем подходит к окну на просценiumе. На миг останавливается у занавесок, медленно тянет к ним руки и отодвигает одну половину. Лаура не обращает на это внимания. Альда смотрит в окно, проводит пальцем по следу капель, сте-*

кающих по стеклу. Лаура собирается встать, но сил у неё хватает только на то, чтобы приподняться наполовину, она сникает, прячет лицо в ладонях).

Альда (громко и чётко, но как будто немногого издалека): Мама! (Лаура сначала как будто не слышит её, но затем резко отнимает руки от лица и быстро разворачивается на диване и смотрит на Альду). Мамочка! (Лаура быстро подходит к ней, сжимает её руки).

Лаура (переполненная сильными чувствами): Да, родная моя, да. Я здесь. Я здесь, любимая. Рядом. Скажи это снова. Поговори ещё. (Альда не понимает, что она рядом). Поговори ещё. Ради бога! Скажи «мама». Скажи это ещё раз. (Обнимает её, плачет и гладит её по волосам). Милая моя! Ты выздоравливаешь! Тебе лучше... лучше... лучше. Я знаю. Мама рядом. Мама рядом с тобой... (Альда идёт медленным шагом от неё к креслу. Лаура смотрит ей вслед). Ты выздоравливаешь. Сейчас тебе уже лучше. (Альда садится в кресло-качалку, не раскачивается, смотрит в пространство).

Альда: Дождь. (Лаура подходит к ней, становится перед ней на колени, берёт её руку и много раз целует. Альда смотрит в пространство, не осознаёт её присутствия).

Лаура: Да, милая, дождик идёт. А скоро выгляднет солнышко. Скоро солнышко опять засияет. Оно выгляднет. (И вдруг Лауру словно бы пронзает какая-то мысль. Она смотрит Альде в лицо – почти с ужасом): Господи! (спокойней). Господи ты боже мой! (Альда встаёт и медленно направляется в свою комнату. Лаура смотрит ей вслед. Утирает себе глаза платком, который достала из кармана халата, подходит к разделочному столу, наливает себе кофе в чашку. Прихлёбывает из чашки, смотрит вперёд, отставляет чашку, затем медленно идёт вперёд по сцене. Останавливается напротив картины на куске стены, медленно поворачивается к ней и долго смотрит на неё; по выражению её лица непонятно, о чём она думает. Гвюдни вставляет ключ в замок. Лаура медленно идёт вперёд по комнате. Гвюдни входит и запирает, подходит к Лауре. Лаура смотрит не на неё, а прямо перед собой. В её лице спокойствие и уравновешенность).

Гвюдни: Он хочет принять её завтра во второй половине дня, но тебе надо прийти уже через час. Он говорил насчёт...

Лаура (перебивая – спокойным сильным голосом; смотрит вперёд): Я хочу попросить у тебя разрешения как можно скорее сменить замок на двери.

Короткая пауза.

Гвюдни: Да. Это...

Лаура: Ещё нужно врезать в дверь английский замок. И ещё мне хотелось бы, чтобы замок на двери внизу тоже сменили. Конечно, я сама заплачу за это.

Гвюдни: Да. Я буду...

Лаура: Когда Рейнир уезжает?

Гвюдни: Завтра в шесть часов.

Лаура: Он наверху?

Гвюдни: Нет.

Лаура: Будь добра, когда увидишь его, попроси, чтоб он завтра зашёл ко мне в три часа. И чтоб не опаздывал. А ещё будь добра, позвони для меня Хёрду и попроси его зайти в то же время. Лучше, если ты ему позовишь, а не я. (*Гвюдни глядит на неё*).

Молчание.

(*Лаура поворачивается к ней и смотрит на неё*): Да. Я хочу им это сказать. Я собираюсь...

Гвюдни (*переполняема чувствами*): Они тебя убьют. Хёрд тебя угро-бит. Не нужно им об этом знать. От этого никому не будет лучше. Они вообще не должны об этом знать. Им нельзя.

Лаура (*спокойно*): Я им скажу, что их сестра беременна и родит.

Короткая пауза.

Гвюдни (*напуганно, ошеломлённо*): Ты ведь шутишь? Или ты совсем рехнулась? Ты сама понимаешь, что говоришь? Это же его ребёнок. А вдруг он станет его живой копией? Это будет невыносимо. Что ты...

Лаура (*перебивая – спокойно*): Но он точно так же может стать и её живой копией. Или живой смесью их обоих. Дети могут быть какими угодно. Посмотри для сравнения на моих собственных детей. Я думала, что один из них совсем как я, а он оказался вовсе не таким.

Гвюдни (*переполняема чувствами*): Ты не можешь так поступить. Она же душевнобольная.

Лаура: Ей уже лучше.

Гвюдни: Ты этого не знаешь. Никто точно не знает. Может, лучше, чем сейчас, ей уже никогда не станет.

Лаура: Она только что сказала «мама». Она сказала «мамочка».

Короткая пауза.

Гвюдни: Она тебя узнала?

Лаура: Нет.

Гвюдни (*переполняема чувствами*): Вот видишь. Невозможно понять, что происходит у неё внутри. Ты не можешь так поступить просто оттого, что она сказала «мама». Может, ты этого ребёнка возненавидишь. Ты этого можешь понять? И она душевнобольная. Она неспособна о нём заботиться. Может, если она родит, она сойдёт с ума ещё больше.

Лаура (*переполняема чувствами*): Ты не понимаешь? Не видишь, что это единственное, что можно сделать? Они сказали, что это у неё хроническое. И что для того, чтоб она выздоровела, нужно чудо. А она выздравливает. Ей вдруг стало лучше. Ты не понимаешь, почему? Чудо происходит внутри неё. Оно растёт в ней! Ты видишь связь?

Короткая пауза.

(Гвюдни пристально смотрит на неё).

Гвюдни (*поспешино*): Мы спросим врачей. Поговорим с психиатрами. Выясним, правильно ли это.

Лаура: Не нужно мне с врачами говорить. Я это знаю. Я это чувствую. – *(Ломается): Я этого не вынесу. Не вынесу! Это слишком больно. Слишком ужасно. (Гвюдни пристально смотрит на неё. Она берёт себя в руки).* Нет. Мне придётся... Если этот зародыш удалить, и она вновь вернётся в прежнее состояние, я жить не смогу. Я не переживу этого. Надо посмотреть. Пусть это произойдёт. *(Кричит).* Это должно быть так! Понимаешь?

Молчание.

(Гвюдни ошарашина, она садится на диван-кровать, дрожащей рукой зажигает сигарету).

Гвюдни: Я это понимаю. Я это понимаю.

Молчание.

Лаура (*пустым голосом*): Это должно быть так.

Короткая пауза.

Гвюдни (*пустым голосом*): Да.

Короткая пауза.

Лаура: Я хочу попросить у тебя на время то, что ты записывала за ней. Почитать хочу.

Гвюдни: Я тебе его насовсем отдаю. А себе копию сделаю.

Лаура: Завтра утром мы сходим на могилу её отца. И положим на неё цветы. Я никогда этого не делала.

Короткая пауза.

Гвюдни: А можно и мне с вами?

Лаура: Да.

Гвюдни: Спасибо.

Короткая пауза.

Пока вы не поселились в моём доме, я была настолько одна, что даже

перестала ощущать одиночество. Я была всего лишь старухой, которая сама с собой играет в шахматы вслепую. Когда появились вы, всё изменилось. И сейчас мне не хотелось бы вас терять. Позволь мне вам помочь.

Лаура: Ты нам уже помогла. Твоя помощь неоценима. За неё даже невозможно отблагодарить.

Гвюдни: Мне хочется сделать для вас всё, что я могу.

Лаура: Но не отбирай у меня инициативу.

Гвюдни: Не буду.

Короткая пауза.

Лаура (*опустошённо*): Мы тебя сделаем прабабушкой.

Короткая пауза.

А рассказ Рейнира хороший?

Гвюдни: Вот уж не знаю. Но что-то в нём есть.

(*Альда появляется в окне, сперва она неподвижна, затем смотрит вверх-вниз, словно разглядывая что-то; её движения медленны, а выражение лица не такое далёкое, как прежде*).

Лаура: Надеюсь, стихи Хёрда напечатают. А так – я не знаю, что с ним будет.

Молчание.

Гвюдни (*вставая*): Лучше, если я ему позвоню.

Лаура: Я купила материи на летнее платье. Скоро начну кроить. У меня много лет летнего платья не было. (*Гвюдни подходит к ней. Они смотрят друг другу в глаза, серьёзно, не отражая на лицах никаких чувств. Гвюдни гладит её по щеке. Выходит и запирает за собой дверь. Лаура отправляется в свою комнату в глубине сцены. Сцена некоторое время пуста. В замок вставляется ключ. Входит Гюннар. Он небрит, немыт, неряшливо. Он озирается, входит в помещение. Вынимает из кармана фляжку, отхлёбывает. Вытирает рот тыльной стороной ладони, как прежде, сует фляжку в карман. Проходит в комнату Альды, становится позади неё у окна. Некоторое время стоит так. Обнимает её сзади, прислоняется головой к её щеке*).

Гюннар (*обуреваем чувствами*): Австралия ты моя. Единственная и неповторимая Мадонна. Я смотрел на то, как ты шествуешь в лете. Я не мог к тебе не прийти. Я по тебе тосковал. Я тебя жаждал. Мне было необходимо к тебе прийти. Чего бы это ни стоило. Спой мне. Скажи что-нибудь. (*Лаура, переодевшаяся в платье, входит в гостиную с ножницами, собирается кроить*). Что-нибудь красивое. Не важно, что. Ты так красиво разговариваешь. Так удивительно. Как из другого мира. Когда ты разговариваешь, у меня в

груди щемит. (*Альда как будто местами ощущает его присутствие. На её лице – проблеск страха, она ощупывает его руки, словно хочет из них вырваться*).

Альда (громко): Мама! (*Лаура застывает, спешит к двери с ножницами в руках. Видно, как она хватает Гюннара сзади. Она с ним скрывается из виду, уйдя налево, Альда – из окна направо. Сцена некоторое время пуста. Лаура пятится на сцену, прижимает ножницы к себе так сильно, что они едва заметны. Гюннар появляется в дверях. Незаметно, чтоб его что-нибудь тревожило. Его лицо выражает необычное спокойствие. Он прислоняется к дверному косяку, смотрит на неё. Она во все глаза глядит на него. Он делает несколько шагов вглубь помещения. Его походка естественна. Она отступает, подходит вплотную к дивану-кровати. Он – на середине сцены, выражение его лица не меняется. Он останавливается. Делает шаг по направлению к ней. Она поднимает ножницы: они окровавлены. Он смотрит на неё, снижает. Как только он падает, его лицо поворачивается к зрителям; изо рта у него брызжет кровь. Он умирает. Она смотрит на мёртвое тело, опускается на диван. Ножницы выпадают у неё из руки на пол. Входит Альда, садится на кресло, раскачивается два или три раза, останавливается*).

Альда (вперёд): Там птицы поют и травы растут, и все друг к другу добры. Там день ласки, день радости, день надежды.

Короткая пауза.

(вперёд): Мама!

Короткая пауза.

Мамочка! (*Гюндни появляется в дверях, удивляясь, что открыто, проходит в комнату, резко останавливается, смотрит на мёртвое тело на полу, на Лауру*).

Короткая пауза.

Мамочка! (*Лаура медленно поднимает голову и смотрит на неё*).

Лаура (с трудом): Да, милая.

Альда: Мамочка!

Лаура (окрепшим голосом): Да, родная.

Альда: Какой сегодня день? – День какой?

Свет на миг остаётся таким, как был.

Резко падает мрак.

Занавес.

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

РУДОЛЬФО АНАЙЯ (1937 – 2020)

От переводчика: В разделе «Американа» представлен перевод с английского языка главы романа широко известного мексикано-американского (чикано) писателя, профессора Рудольфо Анайя «Тортуга» (1979). Роман «Тортуга» (исп. «черепаха») автобиографичен. Писатель повествует в нём о собственном опыте преодоления физического недуга, который связан с полученной в юности серьёзной травмой позвоночника, повлекшей за собой временный паралич. Рудольфо Анайя психологически точно и образно показывает путь не только борьбы юноши с телесной болью, но и духовного самораскрытия, обретения внутренней гармонии. В романе прослеживаются черты магического реализма, появляются элементы мифопоэтики. Книга привлекает внимание огромной жизнеутверждающей силой, обладает богатым потенциалом воздействия на молодое поколение, поскольку способствует формированию и укреплению воли и любви к жизни.

ТОРТУГА

Глава 2

— Я — Уолдо, — сказал он, — но здесь все зовут меня Спидо. — Я, как говорится, мастер на все руки: санитар, водитель, могу достать всё, что угодно, в самом деле, всё, что тебе может потребоваться, прямо из города. А ещё обижаживаю тут некоторых санитарочек.

Он наклонился и подмигнул мне, продолжая толкать скрипящую каталку по пустому коридору. Я уловил сладковатый запах его напомаженных волос и модной жвачки «Дентин».

— А тебя, парень, как зовут?

Немного помедлив, я ответил: «Тортуга».

— Тортуга — это значит черепаха?! Ну, классно, чувак! Мне нравится! — и он неожиданно пропел:

*Берегись! Тортуга-парень
С тяжким грузом на дороге.*

*Он, похоже, ищет крышу
Для ночлега и подмоги!*

— Так что вот, — он щёлкнул пальцами. — Я парень крутой, настоящий свингер!

Он внезапно остановился и задвинул каталку в тёмный угол.

— Эй, Тортуга, ты ведь не против, если мы заскочим сюда на минутку? В этом отделении новая сиделка, улётная. Ну, в смысле, реально клёвая! Ей нравится, сам знаешь что. Каждый раз, когда я здесь оказываюсь, мы успеваем с ней перепихнуться в санитарной комнате.

Он хохотнул.

— Что скажешь?

Я уже собирался ответить, но его и след простыл. Мной владело только одно желание: поскорее добраться куда-нибудь, чтобы я мог наконец-то отдохнуть, собраться с мыслями и понять, где нахожусь. Но почему-то все мои мысли бесконечно крутились вокруг той девушки — Исмельды. Я пробыл здесь всего лишь несколько часов, но уже успел повстречать реально свихнутых... Что за будущее меня здесь ожидает? Как скоро доктор начнёт моё лечение, и когда же у меня снова появится возможность ходить?

Я закрыл глаза и прислушался к больничным звукам. Где-то звенела посуда, перекрикивались детишки. Издалека доносился плач младенцев. Гудели батареи парового отопления. На улице завывал холодный ветер... ...и если хорошо прислушаться, то можно было уловить шум воды под слоем мёрзлой земли и даже представить, что это тёплая моча гигантской Черепахи пробивает новые каналы в ледяной пустоте...

Я вспомнил, как Филомон поучал: «Всегда плыви по течению», но всё-таки даже он иногда казался беспомощным перед лицом жизненных испытаний, подобных обрушившейся на нас буре в пустыне.

— Подожди до весны... — успокаивал он. — Молись, да свершится воля Божья...

И я молился, миллион раз молился, вопрошая: почему паралич? Почему именно у меня? Чем я перед Богом провинился? За что мне это? За что? За что?

Я проснулся весь мокрый от пота. «Где я?» — промелькнуло в голове. И темнота ответила звуками шагов у моей каталки. На мгновение мне показалось, что это Дэнни вернулся.

— Это Тортуга?! — прозвучал чей-то голос.

— Да, теперь он будет жить здесь, с нами.

— Его привёз Филомон.

— Он тоже сирота, как мы?

– Он будет жить с Саломоном? – пронёсся шепоток.

– Молись, чтобы он не попал к нему, сестра, хотя Саломон уже знает, что он здесь.

Мне казалось, что я всё ещё сплю. Чьи-то тёмные фигуры двигались вокруг каталки, скрипели инвалидные коляски.

– Кто здесь? – спросил я.

– Проснулся, Тортуга?

– Вы кто? – повторил я.

– Твои братья и сестры, – последовал ответ.

Кто-то постучал по моему гипсу, но из-за того, что каталка была слишком высокой, я никого не смог увидеть. Затем я почувствовал рывок: чья-то рука обхватила моё загипсованное тело и куда-то потянула. Вначале мне показалось, что меня сдвигают вниз, но, когда надо мной внезапно появилось лицо девочки, я понял, что это она залезла на каталку. Я чуть не задохнулся от ужаса. Её лицо,искажённое гримасой, было землистого цвета и испещрено морщинами, как у старухи. Она придвигнулась ещё ближе, и я увидел горбик у неё на спине. Это было маленькое, безобразное существо. Наконец-то девочка окончательно вскарабкалась на каталку и улыбнулась мне.

– Ты кто? – закричал я.

Остальные дети, столпившиеся вокруг каталки, тоже пытались взобраться повыше, хихикая и выкрикивая: «Это Тортуга?» – «Он правда похож на черепаху?» – «Дай-ка взглянуть...»

– Да, это Тортуга, – улыбаясь, воскликнула маленькая горбунья. В темноте я разглядел её бледно-зелёные глаза. От неё исходил сладковатый запах, но лицо было перекошено и обезображенено.

– Ты кто? – снова закричал я.

– Синтия, – прошептала она.

– Он что, собирается жить в нашей палате? – спросил кто-то.

– Это Саломон скажет, – ответила она, пристально и с любопытством разглядывая меня, при этом придвигаясь всё ближе и ближе, словно хотела поцеловать.

– Нет! – заорал я изо всех сил. – Уходите! Прочь отсюда!

– Тсс... – она пыталась успокоить меня, прикрыв мне рот своими тонкими пальцами. – Всё в порядке... Мы всё понимаем...

У меня сжало горло от паники. Я пытался увернуться и кричал: «Убирайтесь, убирайтесь вон! Не трогайте меня!»

Они толпились вокруг меня, пытаясь забраться на каталку. Их перекошенные лица гномов маячили надо мной. Они о чём-то перешёпотывались, хихикали, тыча пальцами в гипс, называя его черепашьим панцирем. Так они встречали меня, по-своему боролись за моё внимание и с испугом разбегались, когда я начинал кричать на них и ругаться. Я всё

ещё заходился в крике, когда почувствовал, что рука Спидо зажимает мне рот.

— Тссс, перестань орать! Что, чёрт возьми, с тобой? Так ты мёртвого разбудишь, парень!

— Уроды, — задыхался я, — уроды...

— А, ты об этих, — сказал он и покачал головой, прикуривая сигарету. — Это кодла Синтии... ночами они бродят по коридорам... знают обо всём, что здесь происходит... но днём не высовываются... это самые «тяжёлые»... хотя, как по мне, так весь госпиталь кишит ненормальными...

Он завернул каталку за угол и повёз меня дальше по коридору. Солнце уже клонилось к закату, и бледно-охристые лучи света, которые падали на высокие окна, выходившие в патио¹, превращались в сизую дымку в полуутёмном холле. В конце коридора Спидо остановился у сестринской и нажал на стойке кнопку вызова персонала. Он нервно расхаживал взад-вперёд, бормоча: «Куда все подевались, чёрт возьми, хотелось бы знать? Мне сказано доставить пациента, а никого нет, никто нас тут не ждёт! Это твоё отделение... а я хочу вернуться к сиделочке, с которой не закончил. Сестра-а-а-а-а! К вам новый мальчик!»

— Все ушли, — прошептал кто-то.

— Куда? — спросил Спидо.

— Ужинать.

— А няня где?

— Гоняется за Дэнни.

— И что он натворил на этот раз?

— Начал кидаться спагетти в столовой. Большая схватка вышла. Повеселились в удовольствие!

— Ради всего святого, — простонал Спидо. — Не могу же я стоять тут без дела и нянчиться с этим парнем-черепахой... Ему спать пора, а мне надо вернуться к своей «бобрихе»... Есть свободная палата? — спросил он у ребёнка.

— Возможно, где-нибудь дальше по коридору...

— Ладно, поехали, — сказал Спидо и торопливо толкнул каталку в сторону длинного прохода. — Найдём тебе комнату, дружище, славное уединённое местечко...

Мы продвигались вглубь отделения до тех пор, пока он не нашёл какую-то палату без таблички. Там он развернул каталку и подкатил её к единственной кровати в совершенно пустой, на первый взгляд, комнате.

— Вот так-то будет лучше, — сказал он, повернув голову. Покрях-

¹ Патио — открытый внутренний дворик. (Прим. пер.).

тев, Спидо осторожно перевалил меня с каталки на кровать. – Теперь славненько, – улыбнулся он, накрыл меня простынёй и, пригладив свои напомаженные волосы, добавил: – Не успеешь оглянуться, как нянечка придёт. Ну, до скорого, Тортуга!

Спидо подмигнул и вышел, напевая:

*Если бы мои девчушки
Все, того не зная сами,
Стали бы колоколами,
Я всё время бы невольно
Проводил на колокольне,
И мне было бы не лень
В них звонить весь божий день.*

Хлопнула дверь, и до меня доносились из холла лишь отзвуки его песенки.

В комнате было темно и тихо. За окном я мог различить вершину горы в лучах заходящего солнца, которые, пробиваясь сквозь высокие зимние облака, заливали её пурпурно-красным цветом. Гигантская гряда валунов, казалось, дышала жизнью: они отливали то коралловым, то нежно-розовым. Изнутри горы струился свет, как будто это огромная черепаха Тортуга подняла голову навстречу закату... и повернулась, чтобы посмотреть на меня, ещё одну покалеченную черепаху, недавно поселившуюся у её лап. Сверлящий взгляд её слезящихся глаз из-под морщинистых век, полный доброты, казалось, проникал мне прямо в душу. На мгновение гора словно ожила. Она взывала ко мне, и я замер, как загипнотизированный, в своём панцире, лёжа в тёмной комнате. Теперь я понял, что имел в виду Филомон. В горе была какая-то тайна, и она притягивала, словно раскрывая мне свой секрет движущей силы и энергии, подобно тому, как закатные лучи солнца сообщали земле энергию света.

Затем золотистый свет погас, и пустыня погрузилась в серую зыбкую мглу. Холодный, пронизывающий ветер просто срывал крышу госпиталя и гнал по замёрзшей пустоши клубки перекати-поля. Усталость от путешествия одолела меня, и я провалился в тревожный, беспокойный сон. Во сне я видел, как полз, пересекая пустыню, подобно искалеченной черепахе. Медленно я продвигался к Горе, а когда добрался, то обнаружил у её подножья тайные источники и водоёмы. У воды в кругу танцевала группа девушек... они пели и танцевали, как те девочки на первом причастии, которое я принял много лет назад, когда был ещё со всем ребёнком. Затем одна из них, темноволосая, с горящими глазами, вырвалась из круга и побежала ко мне, называя меня по имени. «Торту-

га! О, мы так рады, что ты здесь. Подходи скорее к нам, чтобы искупаться в священных водах горы! Подходи послушать, как Саломон рассказывает свои истории!» Я узнал Исмельду в струящейся белой одежде с песней радости на устах... Она взяла меня за руку, и мы вместе погрузились в бурлящую воду горячего источника. «Я же утону! – закричал я. – Утону!» «Нет, – возразила она, – в водах этой горы ты не утонешь». И, крепко удерживая меня в воде, она показывала мне, как надо двигаться с помощью моих черепашьих перепончатых лап, пока я самостоятельно не смог поплыть в этом стремительном потоке. Золотые рыбки вокруг скользили так же легко, как птички порхают высоко в небе в погожий день. «Смотри! – радостно воскликнула она, увлекая меня всё глубже и глубже к сердцу горы. – Смотри, какая она – кровь горы». Я взглянул и увидел подземные реки, питающие источники: одну – красную, полную раскалённой лавы, другую – голубую, с холодной водой... а там, где две реки встречались, вода шипела и становилась золотистой с ароматом абрикосов. «Вот здесь и встречаются воды, – прошептала она мне, когда мы плыли к берегу, – вот оно, место силы. Смотри же!» Я взгляделся и увидел на берегу маленького, худого мальчика, окружённого калеками. Он улыбнулся и помахал нам рукой. «Это Саломон, – сказала Исмельда, – и ты здесь, чтобы услышать его историю. Саломон знает о магии Горы... он сам – Гора. Послушай его рассказ». Когда этот хрупкий, ангелоподобный мальчик раскрыл свои уста, я приготовился слушать. И вот, в абсолютной тишине глубокой ночи и моего сна, Саломон начал своё повествование...

До того, как оказаться здесь, я был охотником, правда, это было давным-давно... Тем не менее, именно благодаря охоте я встретился лицом к лицу со своей судьбой, и теперь я поведаю вам эту историю, чтобы вы всё узнали.

Мы называли себя племенем и проводили всё своё время на охоте и рыбалке вблизи реки. Для мальчиков это было настоящим приключением, поэтому каждое утро я старался ускользнуть из отцовского дома, чтобы встретиться у реки со своими товарищами по охоте. Мой отец был фермером и выращивал кукурузу на холмах вдоль реки. Человек он был хороший: соблюдал ритуалы времён года, отмечал траекторию движения солнца и луны по небу и каждый день молился, чтобы не был нарушен в жизни естественный порядок вещей.

Он старался исполнять свой отцовский долг, обучая меня навыкам распознавания признаков смены погоды и пониманию природы, однако моё отчаянное сумасбродство оттолкнуло меня от него. Я сбежал из дома и примкнул к «речному племени». Поначалу я чувствовал воодушевление, вошёл в раж, охотничий азарт овладел мною. Убийство

животных и запах крови всё глубже и глубже затягивали нас в тёмный поток, пока я не осознал, что уже порабощён племенем и совсем забыл поучения отца. Мы охотились на птиц примитивным способом, забивали заблудших енотов и кроликов. Готовили на костре, наполняя воздух дымом и запахом жареного мяса. В племени меня приветили и радушно приняли как охотника. Они приготовились к моему посвящению.

Я, Саломон, рассказываю вам обо всём этом, чтобы вы смогли осознать, в чём заключается смысл жизни и смерти. Как же хорошо я теперь это понимаю и словно представляю наяву события того дня, когда я убил гигантскую речную черепаху. Мой удел теперь – предостерегать молодых людей от подобных трагических ошибок. И я обращаюсь к вам, чтобы раскрыть глаза на то, каким ужасом может обернуться убийство.

В тот день речное безмолвие было каким-то особенно тяжёлым. От жары кожа покрылась липким, как сироп, потом, и тучи насекомых налетали, жаждая крови. Наши полуобнажённые тела мелькали в зарослях кустарника, как тени. Те, кто шёл впереди и позади меня, время от времени беспокойно перешёптывались и начинали роптать, что мы, кажется, заблудились и надо бы вернуться назад. Я молчал, ведь это был день моего посвящения – инициации, и мне нельзя было говорить. Накануне вечером в лагере была драка. Тягостное настроение сопровождало нас и сегодня, но мы продолжали охотиться, ведь нам ничего другого не оставалось. Я только начинал осознавать, что нас словно кто-то постоянно подталкивает в тёмную пойму реки. Случались дни, когда охотиться совсем не хотелось, все ссорились по мелочам, но, так или иначе, мы собирались на охоту, отправлялись в долгий путь и проводили там, в сумраке, весь день, вплоть до заката.

Откуда-то сверху до нас доносились резкие, пугающие крики птиц. Несколько раз вождь предупреждающе поднимал руку, и мы замирали в нашей живой цепочке, готовые к действию. В сыром воздухе чувствовалось напряжение. Где-то слева от меня слышался приглушенный шум реки, сворачивающей на юг, и тут впервые недовольство, накопившееся внутри, вырвалось наружу. Я проклял эту гнетущую тьму и захотел из неё вырваться. Я вспомнил об отце на его зелёных, пронизанных солнцем полях и пожалел, что я не с ним. Но я не мог быть с ним, поскольку был перед племенем в долгу. Сегодня я должен был бы стать его полноправным членом и убить первое животное, которое встретится нам на пути.

Мы продвинулись дальше, чем обычно, вглубь неведомого пространства. Продираясь сквозь густые заросли, мы перегружались; сзади доносился чей-то возмущённый ропот. Одни хотели повернуть назад, другие – полежать на тёплом песке на берегу реки, третьи – закон-

чить спор, начатый накануне вечером. Отец научил меня основным приёмам охоты и повесил на шею амулет, который впоследствии стал предметом зависти вождя племени. Нашлись те, кто заявлял, что я не могу носить амулет, хотя некоторые говорили, что могу. В конце концов, завистливый вождь сорвал его с моей шеи и сказал, что я должен буду пройти своё посвящение без амулета.

Я размышлял о том, как плохо подготовлен к испытаниям инициации и как отец всегда старался помочь мне, – но тут вождь внезапно поднял руку и объявил тревогу. Позади меня парень прошептал, что, если нам повезёт, то мы встретим оленя, который пришёл к реке на водопой. На нашей памяти никто из племени ещё не убивал оленя. Затаив дыхание, мы застыли в ожидании, пока вождь не даст знак, и я рванулся вперёд, чтобы увидеть, кто там. Посреди узкой тропинки лежала огромная черепаха, самая большая из всех, каких мы когда-либо видели. Она выглядела как монстр, черепаха-великанша, выползшая из тёмной реки на берег, чтобы отложить яйца в тёплый песок. При виде её я содрогнулся. Я глубоко вздохнул и уловил слабый запах моря, исходящий от неё. Во рту появился привкус меди, меня затошило.

Гигантская черепаха подняла голову и окинула нас тусклым, недобрый взглядом. Все мгновенно отрянули, и я остался один на один с чудовищем, вылезшим из воды. С громадной оскализой головы черепахи сползали ярко-зелёные водоросли. Она предостерегающе зашипела, требуя отойти. Черепаха выползла из воды, чтобы отложить яйца и вернуться назад в реку. Только что отложенные, мокрые, плотные яйца прилипали к её перепончатым лапам, и, продвигаясь вперёд, она вдавливала их в песок. Серый, сухой, выцветший на солнце панцирь был покрыт множеством дохлых насекомых и какими-то наростами; ей срочно нужно было в воду.

– Убей её, – крикнул вождь, и в тот же миг раздались звуки охотничьего рога: «ту-у-у-у», которые эхом разнеслись по долине. Ох, до чего же печальным и скорбным был этот зов... Он до сих пор слышится мне, вот и сегодня, когда я вновь рассказываю мою историю... Послушай, Тортуга, это теперь я понимаю, что тогда мог бы отказатьься от посвящения и отвергнуть тьму и то безумие, которое толкало нас на нескончаемую охоту. Сейчас я осознаю, что тогда слова отца, которыми он пытался предостеречь меня и научить чему-то добруму, ещё не нашли отклика в моём сердце. Момент был неподходящий.

– Кинжал, – потребовал вождь, и ему передали племенной кинжал, ритуальное орудие, которое затем перекочевало в мою руку. Огромная черепаха сделала неуклюжий бросок вперёд. Не в силах сказать ни слова, я в ужасе взмахнул рукой, в которой был кинжал, и обрушил

его на черепаху со всей силы. О, тогда я ещё не молился никаким богам, но как же я хотел, чтобы какая-то небесная сила помогла исправить то, что я совершил... Одним ударом я отсёк гигантскую черепашью голову. Всего один точный удар – и голова рептилии покатилась по песку, а тело откинулось назад, истекая зелёной слизью. Члены племени, ликуя, устремились вперёд. Они так же, как я, поразились тому, как быстро и легко всё произошло. Из опыта нашей охоты на мелких черепах мы знали, что, в случае если черепаха успеет утянуть голову под панцирь, её приходилось добивать несколько часов. Надо было сначала перевернуть добычу, а затем копьами и ножами пробовать рассечь мягкую нижнюю часть. Но сейчас я обезглавил гигантскую черепаху одним ударом!

– Мяса хватит на всё племя, – воскликнул один из парней и, пронзив голову рептилии, поднял её над землёй на всеобщее обозрение. Всё, что я мог, это смотреть на мёртвую черепаху, которая лежала на песке, дёргаясь в предсмертных судорогах, а её зелёная кровь и моча окрашивали влажную землю.

– Он прошёл испытание, – прокричал вождь, – и амулет отца ему не понадобился! Очищенный панцирь станет щитом тому, кого с этого момента назовём человеком, убившим черепаху!

Ликованием племени продолжалось. На миг я словно искупался в лучах славы. Я потерял страх, равно, как и всякое желание вернуться к отцу, на суровые холмы, где он возделывал свои кукурузные поля. Отец явно заблуждался, предостерегая меня, – я мог доверять племени и его магии. Вдруг кто-то закричал, и мы обернулись, обнаружив, что обезглавленная черепаха изо всех сил пытается приблизиться к нам. Она вдруг встала на дыбы, обнажив зияющую дыру на месте отрубленной головы, а затем бросилась в нашу сторону, удивительно быстро для своих огромных размеров. Даже без головы она стремилась к реке. Племя в панике разбежалось.

– Убейте её, – приказал вождь. – Скорее убейте её, пока она не добралась до воды! Если она уйдёт в воду, у неё вырастут две головы, и она вернётся, чтобы отомстить!

Я понял, что он имел в виду. Если существо доберётся до воды, оно снова оживёт, став призраком, который всегда будет подстерегать нас в зарослях. Мне ничего больше не оставалось, кроме как прикончить черепаху, и я продолжал наносить удары, пока кинжал не сломался о твёрдый панцирь. И всё равно черепаха продолжала схватку со мной, с силой толкая меня назад. Страх и ужас овладели мною. Схватив её голыми руками, я свалился на песок. Я хрюпал и задыхался, утираясь ногами в песок, чтобы удержать на берегу эту жуткую тушу. Просунув одну руку в кровоточащее отверстие на месте головы, другой

рукой я зацепил огромную лапу. Моя попытка перевернуть черепаху на спину и обездвижить не увенчалась успехом. Животные инстинкты и дыхание смерти оказались сильнее моего страха и отчаяния. Из последних сил я, проклиная всё, хрюпал, пока её когти не вонзались в мои руки и ноги. В неистовой схватке мы кубарем покатились вниз к реке сквозь заросли кустарника. Даже смертельно раненная, черепаха была намного сильнее. Наконец, у самого берега она вырвалась из моих рук, плюхнулась в реку и, разбрызгивая кровь и желчь, исчезла в потоке воды.

Весь в крови черепахи, я стоял в полном оцепенении, внутренне содрогаясь от пережитого ужаса. Глядя на то, как она исчезает в тёмных водах реки, я осознал, что поступил неправильно. Вместо того чтобы справиться с первоначальным страхом не соответствовать требованиям племени, я породил ещё один страх – страх перед призраком черепахи, который может вернуться, чтобы постоянно преследовать нас. Я обернулся и взглянул на своих соплеменников; они тряслись от страха.

– Ты подвёл нас, – прошипел вождь, – и разгневал речных духов. Он достал свой талисман – жезл с чучелом гремучей змеи, которую мы убили весной, обрамлённый куриными перьями и сушенными ягодами можжевельника, – и взмахнул им передо мной, отгоняя проклятие. Члены племени молча отступили и исчезли в тёмных зарослях, бросив меня одного на этом мрачном берегу.

Ох, жаль, что я не смогу описать вам, насколько одиноким я себя тогда почувствовал. Я молил черепаху вернуться, чтобы я мог либо добить её, либо вернуть ей жизнь, но судьба моя была предопределена, и потому ничего уже нельзя было изменить. Теперь-то я всё понимаю, поэтому и рассказываю свою историю. Таким образом, я покинул дальний реки, освободившись от власти племени, но чувствуя себя омерзительно – пахнущим смертью... В ту ночь мне снились кошмары, а под утро разбил паралич...

Внезапно я проснулся, захлёбываясь от рыданий, и в темноте пытался нашарить рукой Саломона, звал Исмельду... Я отчётливо осознавал, что был с ними у горячего источника и слушал печальную историю Саломона.

Мои руки и ноги непроизвольно задёргались. Там, у источника, словно жгучие разряды электричества пронзили моё обессиленное тело, когда вода омыла его. Сильная энергия заполонила мои внутренности, напрягла яички и пенис, и выплеснулась струёй окровавленной тёплой мочи на холодную постель. Мне казалось, что язык Исмельды скользит по моим губам, при этом сама она улыбается и напевает песню, похо-

жую на крещендо воды, которая продолжала хлестать по моему телу... песню, пронизывающую каждый омертвевший нерв моих рук и ног.

— Я жив! — закричал я. — Эй! Скорее идите сюда, посмотрите! Мне больно! Ой, как больно! Идите же сюда, смотрите!

Я открыл глаза. В комнате было темно, мой крик эхом разносился по палате, а затем затихал, как гаснущий огонь. Я задыхался без свежего воздуха. Вся мягкая тканевая подкладка под гипсом была мокрая от пота.

— Воды! — крикнул я. — Я весь горю! Помогите!

Я судорожно метался на мокрой постели. Затем мои ожившие во сне нервы снова затихли, словно омертвили, боль исчезла, но я уже начинал понимать — со мной в волшебном сне произошло нечто, что способно помочь мне освободиться от паралича. Я почувствовал боль от пролежней, образовавшихся на спине и ягодицах, и мне захотелось смеяться от радости. Я дёрнулся и внезапно почувствовал дрожь, пробежавшую по ногам, и лёгкую щекотку в пальцах. Я вглядывался во тьму и вслушивался, но никто не приходил, хотя я был уверен: что-то сдвинулось с места. Я позвал снова:

— Эй, кто-нибудь! Доктор Стил! Няня! Подойдите! Заберите меня отсюда!

Потом мне послышались чьи-то шаги, однако никто так и не появился. Поблизости ухнула сова, пролетая над рекой в сторону горы. Вновь разыгралась буря, но теперь уже где-то далеко на юге. Дрожащей правой рукой я потянулся и потрогал гипс, ощущив текстуру панциря, который стал моей оболочкой, затем прикоснулся к мокрому от пота лицу. Хорошо, подумал я, хорошо. Я закрыл глаза и вновь погрузился в сон, с радостной улыбкой на лице, дурно пахнущий и залитый потом, однако почти счастливый от болезненных подёргиваний тела, которые означали, что нервы и мышцы оживают. У горы, возле источника, меня ждала Исмельда.

Глава 3

Поднималась заря: дочь солнца проснулась, чтобы соткать своё покрывало нежнейших пастельных тонов. Её тонкие розовые пальцы работали быстро, сплетая в узор бирюзу и перламутр в серебристом рассветном небе, — в её распоряжении оставалось лишь мгновение, чтобы укрыться этим прекрасным gobelenом. Позади уже слышался трубный зов восходящего солнца, которое словно взрывалось, поднимаясь в небе и разбрасывая языки пламени, и заливало пустыню ослепительным светом, рассеивавшим речной туман и изгонявшим ночную сырость. Алевшая заря уступила место солнцу, поднявшемуся высоко над горой.

Гора застонала от обрушившегося на неё потока яркого солнечного света. Земля всколыхнулась от этого зрелища.

Утренние лучи света пробились сквозь пыльное окно и залили всю комнату. Я открыл глаза и молча возблагодарил небеса за новый день. Прошедшая ночь была бесконечно долгой, холодной от ледяных порывов ветра, наполненной беспокойными снами и болью. И вот сейчас лучи солнечного света упали на меня и прогнали холод прочь. Я попытался пошевелить ногами и ощутил лёгкую дрожь в пальцах. Я потянулся изо всех сил, и мне удалось слегка согнуть руки в локтях. Мои силы, казалось, возвращались, но были такими ничтожными, что я почти не ощущал их, такими скучными, что при попытке слегка шевельнуться я весь обливался потом, но всё-таки силы возвращались по милости горы и благодаря чудодейственной помощи девушки из моих снов... Я вновь обрёл свою силу и понял, что могу на неё опереться. Это был первый шаг к свободе.

Я опять позвал на помощь, но никто не появился. Это потому, что Спидо разместил меня в комнате без таблички. Невозможно представить, когда меня здесь отыщут. Мои губы потрескались от жажды, а в животе урчало, будто там извивался голодный червь. Я почувствовал, что опорожняюсь прямо на кровать, а простыни и матрас измазаны кровью и гноем из сочащихся ран. Я смеялся и плакал от беспомощности, но потом изловчился, попробовал сдвинуться, и это вновь придало мне сил. В поисках поддержки я взглянул на гору, однако солнце уже ушло, и её вершина была скрыта за грядой зимних облаков.

— Будьте вы прокляты! — выругался я, и громкое эхо повторило мои слова в пустой комнате. — Чёрт бы вас всех побрал! Неужели вы не слышите, что мне нужна помощь! Помогите!..

Может быть, в этой пустой комнате, как в аду, я обречён провести целую вечность, погрязнув в своих нечистотах, раздряжённый внезапно появившейся слабой надеждой на возможность двигаться, как прежде, крича о помощи в пустоту... Я обратил весь свой гнев и боль на гору и снова выругался.

— Двигайся, Гора Тортуга! — я ругался, как Дэнни. — Ползи куданибудь! Оторви свой жирный зад от земли и двигайся! Всё растопчи! Покажи нам, что можешь двигаться. Двигайся... пожалуйста, двигайся...

Странная гроза расколола небо, зимняя гроза с жутковатыми сверкающими молниями, отливающими необычным зелёным светом, но Гора Тортуга оставалась прикованной к земле и спала беспробудным сном в зимней спячке. Я глядел на неё до тех пор, пока снова не уснул... Во сне я вновь увидел девушек, которые водили хоровод на зелёной лужайке у реки, почувствовал, как Исмельда берёт меня за руку..., и пере-

нёсся в реальность иллюзорного мира, такую же настоящую, как испытанная мною боль всего лишь мгновение назад.

Я проспал очень долго, затем услышал, что кто-то назвал меня по имени, и открыл глаза. Моргнув, я повернул голову на шёпот и увидел Майка, сидящего на краю моей постели.

— Прости, Тортуга, — прошептал он, — чёрт возьми, прости меня...

— Это не твоя вина, Майк, — ответил я. Говорить было больно. Все губы были в трещинах и язвочках. Язык был ватным и едва ворочался. Дверь была распахнута, из коридора послышались чьи-то крики и топот бегущих ног.

— Я должен был это предвидеть! — продолжил он. — Просто я думал, что тебя поместили в изолятор напротив. Зачастую туда привозят новичков для прохождения обследования. Но утром по пути на процедуры я столкнулся с доктором Стилом, и когда спросил о тебе, он сказал, что тебя поместили в палату... Уж я-то знаю, что обычно происходит в этой палате, потому сразу понял, что ты, возможно, в опасности... Я бросился искать тебя. Сейчас сюда придут медсёстры и доктор Стил...

— Сделай одолжение, — попросил я, — разотри мне ноги, они совсем онемели.

Он кивнул, откинулся на спину, и его передёрнуло от зловония.

— О Боже, — охнул он, — просто ужас! Чёрт-те что! Ты истекаешь кровью...

Он обернулся к двери и прокричал: «Медсестра!», после этого стал массировать мои омертвевшие ноги. Их пронзила острые боли от усилившегося кровообращения.

— Иду! Иду! — откликнулся кто-то.

Комната стала наполняться детьми. За спиной Майка появилась Исмельда. Она взглянула на меня, потом на Майка, который неистово тёр мне ноги, ругая медсестёр на чём свет стоит, и неодобрительно покачала головой. В её глазах я читал, что она разделяет мою боль. Она стала помогать Майку массировать мои ноги медленными движениями, чтобы восстановить кровообращение.

— О Боже! — воскликнула медсестра, первой вошедшая в палату.

— Вот дермо, вы ответите за это безобразие, чуть не погубили человека! — выругался Майк.

— Он не был зарегистрирован! Клянусь, он не был зарегистрирован! — кричала она. Следом за ней в палате появились другие медсёстры, санитары и ребятишки. Какая-то медсестра сунула мне в рот термометр. Я выплюнул его и запросил пить.

— Ему нужна вода, а не ваш паршивый градусник! — заорал Майк.

Его ругань усилила панику среди персонала. Одна из санитарок

вытащила из-под меня грязную простыню и отбросила её в сторону, затем начала застилать кровать чистым бельём. Я почувствовал, что к моим губам поднесли соломинку, и потянул тёплый апельсиновый сок, который превратился в едкую кислоту в пустом желудке. Вокруг меня сгрудились дети, которые наперебой лезли ко мне с вопросами. Хмурый, обеспокоенный доктор Стил едва пробился сквозь эту толпу. Он поставил мне градусник, отдал распоряжения медсёстрам и спросил меня:

— Как ты себя чувствуешь, Тортуга?

— Он мог умереть! — не успокаивался Майк. Остальные дети рефреном подхватили его слова: «Он мог умереть!» — «Его пытались убить!» — «Проклятье, дождёться, в комитете узнают об этом!» — «Ага, нельзя убить Тортугу и остаться безнаказанными» — «Бог ты мой...»

— Всё окей... — пробормотал я, шевельнув распухшим языком градусник во рту. Я попытался вытолкнуть его, но медсестра не дала этого сделать. Сделав глазами знак Майку и Исмельде, растирающим мои ноги, я попытался привлечь их внимание. «Пошмотрите ме на пальцы нох», — прошепелявил я.

— Уберите отсюда детей! — рявкнул доктор Стил.

— Пошли все вон! Вон отсюда! — скомандовала медсестра. Никто и не думал слушаться её, была страшная неразбериха. Несколько детей напялило на голову больничные судна, кто-то разбил писсуар, все как один орали, что о случившемся узнают в комитете, будет заведено дело и медсестёр уволят. Я не понимал, о каком таком чёртовом комитете идёт речь, я лишь хотел привлечь внимание, чтобы мне сказали, двигаются ли у меня пальцы ног, когда я пытаюсь ими пошевелить, или нет. Исмельда протёрла мои ноги влажной салфеткой, и в тот момент, когда медсестра достала термометр, который показывал тридцать восемь и три, я поймал на себе её взгляд.

— Мои пальцы...

Исмельда и Майк разом взглянули на них. Зажмурившись, я напрягся изо всех сил, застонал, погрузился внутрь себя, ушёл глубоко-глубоко и отыскал один крохотный, тлеющий уголёк энергии, тихонько подул на него, зажал в ладонях и мысленно показал Исмельде. Уголёк вспыхнул. Жизненная энергия стала распространяться по моим рукам и ногам, воспламеняя омертвевшие нервные окончания и сокращая онемевшие мышцы, в одно мгновение запуская иннервацию, подобно тому, как замыкается электрическая цепь, и устремилась вниз по капиллярам, заставляя меня кричать от боли. Эта энергия прорвалась дальше, наполнила живот, пах и бёдра наэлектризованной субстанцией, которая прошла по поражённым мышцам и сухожилиям и, наконец, взорвалась на кончиках пальцев ног.

– Он пошевелился! – закричал Майк и повернулся к доктору Стилу.

Доктор достал шприц и скомандовал: «Два кубика». Он сделал укол, и через вену прямо в кровь пошло лекарство.

– О, Тортуга, – расплылась в улыбке Исмельда, обошла стоящих у постели медсестёр и коснулась моего лба.

– Воды...

Она поднесла соломинку к моим губам, и на этот раз вода была прохладной и освежающей.

– Док, взгляните! Взгляните скорее на его пальцы! – крикнул Майк.

– Это просто спазм..., – сказал доктор. – Он приподнял моё веко и посветил в глаз: – Уберите отсюда детей, – повторил он.

– Все на выход! – прокричала здоровенная няня.

– Приложите прохладный компресс... сбивайте температуру... Он должен поправиться... – уходя, давал указания доктор Стил.

– Подождите, это у него не спазм! Смотрите! Он пошевелился! Тортуга пошевелился! – не успокаивался Майк и потянул доктора за руку.

– Это что ли Гора Тортуга пошевелилась?! – крикнул кто-то из детей, и они гурьбой бросились к окну, чтобы посмотреть, действительно ли гора пришла в движение. Доктор Стил обернулся на крики, всмотрелся в гору за окном и скептически усмехнулся.

– Подвигай пальцами снова! – воскликнул Майк. Дети орали, барабанили по больничным суднам и устроили настоящую давку перед окном.

– Проклятые маленькие ублюдки! – вполголоса выругалась няня.

– Не ругайтесь, а то донесём на вас в комитет.

– Тридцать семь и восемь, – сказала медсестра, встремхнула градусник и снова сунула его мне в рот.

Я застонал, снова отыскав внутри себя тот тусклый огонёк, который так долго не зажигался, но сейчас разгорался, откликаясь на мой зов. Он, подобно коммутатору, передавал сигнал от моих нейронов, соединившихся в тонкую осеннюю паутинку, сначала в сердце, тяжело бухающее от этих разрядов, далее, следуя моему приказу, он продвигался, запуская один за одним, казалось, давно сгоревшие тумблеры. Энергия жизни, подобно потокам лавы и воды, спрятанным глубоко в Горе Тортуге, пронеслась по самым потаённым частям тела и отзвалась слабым импульсом в моих поражённых сухожилиях.

– Вот видите! – крикнул Майк. – Видите?!

– Да, – прошептала Исмельда и промокнула пот у меня на лбу.

Доктор Стил повернулся голову и посмотрел на меня.

– Нет, я в это не верю, – сказал он, – хотел бы, но не верю. Тортуга, ты мог бы это повторить? Я посмотрю.

– Могу, – ответил я, – и смогу делать это весь день.

Я улыбнулся и вновь мысленно нажал на свой внутренний переключатель.

– Доктор, температура спала... Может, пора клизму?.. – предложила медсестра.

– О Господи...

Дети прилипли к окну и кричали: «Глядите! Она движется!». Они смотрели на окутанную легендами, старую, бедную, совсем заледеневшую Гору Тортуга в форме гигантской рептилии, которая сейчас меняла цвета и стонала от налетевшей бури; им вдруг пригрезилось, что она за-двигалась под тайную мелодию Вселенной.

– Ты чувствуешь острую или тупую боль? – спросил доктор Стил, надавливая иглой на разные участки кожи.

– В некоторых местах острую... Мне кажется...

– Что с того, кретин? – крикнул кто-то у двери.

– Это хотя бы что-то! – ответил Майк, схватил мою ногу и потряс её. – Нога-то заработала!

– Сестра, уберите детей...

– Ладно! Все на выход!

– Температура тридцать семь и два.

Доктор Стил кивнул: «Хорошо... это хорошо». Он выпрямился со своим стетоскопом и покачал головой: «Не верю своим глазам», – но он уже верил. Стил бросил на меня взгляд и подмигнул.

Впервые с момента приезда сюда я, наконец, смог расслабиться, но тут мой кишечник стал совсем неуправляемым, и горячая пенистая жижа вылилась прямо на постель. В пустом желудке сильно заурчало, и наружу вырвались газы. Санитарка, которая только что перестелила постель, охнула, и снова стала вытаскивать из-под меня заляпанную простыню.

– А сейчас боль тупая или острая?

– Острая... действительно острая.... Я попытался было кивнуть в подтверждение, однако был настолько истощён и слаб, что не смог этого сделать, да и гипс не позволил.

– Он пукнул, навонял! – Фу, чёрт! – заорали дети.

Эх, Тортуга, эх, Тортуга!
Ты сегодня как бревно –
Лузер, сле-до-ва-тель-но,
Не в уборной нынче какал,
Сделал кучу прямо на пол.

– Не на пол, а на постель! – Ага. Дети хохотали, всё громче и громче барабанили по суднам и писсуарам.

– По крайней мере, он двигается. Ага.

– Вон! – крикнула грузная санитарка и схватила парня с губной гармошкой, который руководил этим пением. – Вон! Сейчас же!

– Майк, выведи их, – сказал доктор. – Он уже в порядке. Ему сейчас нужно отдохнуть, поесть...

Стил повернулся к медсестре и велел ей промыть и обработать пролежни. Майк подошёл к детям, повторил слова доктора, и они начали потихоньку выходить.

– Тортуге нужно отдохнуть... Вот и всё, просто отдохнуть...

– Бедный старина Тортуга...

– У-у-у, бедняга Тортуга...

Они ушли, напевая:

*Бедный старина Тортуга!
Ты прикинь, что потерял!
Даже ни одну девчонку
Ты ёщё не целовал!*

– Мне очень жаль, – сказал доктор Стил, сложил стетоскоп и убрал его в карман, – этого больше не повторится... Правда же? – обратился он к толстухе.

– Да, сэр! Конечно, не повторится, сэр! Но ночью дежурила не я, а моя сменщица, сэр.

– Мне всё равно, кто дежурил. Отвечаете за них вы, и я вам говорю, что такое не должно больше повторяться. Ясно?

– Да, сэр, – кивнула медсестра, обернулась и хмуро посмотрела на меня.

– Гляди! – сказал один из санитаров.

– Чего?

– Он пишет...

– Что они сказали? – спросил кто-то из коридора.

– Да ничего, – засмеялся Майк, выходя, – они просто сказали, что он пишет, вот и всё, обычное дело.

– Наверняка пишет черепашьей мочой.

– Угу, – засмеялись они.

– Ну и ну!

Они все рассмеялись, даже санитарка, которой снова пришлось менять грязное постельное бельё.

– Это хороший знак, – подмигнул доктор Стил и вышел.

– Температура тридцать семь, – сказала медсестра.

– Ну, пока, Тортуга! – крикнул Майк из коридора, и остальные повторили: «Эге, до свиданья, чао-какао, Тортуга!»

– Попробуй использовать унитаз для своих дел! – добавил один из них, и все захохотали.

Медсёстры старательно обмыли меня и обработали пролежни. Кто-то принёс мне немного еды, и я заглатывал её с закрытыми глазами, потому что меня от лекарств уже неудержимо бросало в сон... Потом меня перевернули на живот, чтобы пролежни подсохли. Лицом вниз, зарывшись в постель, я заснул. Мне приснилось, что я черепаха, медленно ползущая по бескрайней пустыне... к холодному, северному горному озеру.

/Источник: Anaya, Rudolfo A. *Tortuga*. Berkeley: Editorial Justa Publications, Inc., 1979. 197 p. Pp. 18–32. /

Перевод с английского Татьяны Воронченко

ФРЭНК Г. ЭППЛГЕЙТ (1881 – 1931)

Фрэнк Эпплгейт – американский писатель, художник, резчик по дереву, гончар. Эпплгейт прославился своим многогранным талантом в Нью-Джерси, на северо-востоке США, но, совершив в 1921 году поездку в Санта-Фе, он был очарован самобытной культурой Нью-Мексико и переехал сюда почти в одно время (1923) со знаменитым русским художником из Казани Николаем Фешиным. Вместе с Мэри Остин он основал в 1925 году «Общество по изучению искусства испанских колоний в Америке». На основе устных повествований коренных жителей Юго-Запада Фрэнк Эпплгейт издал в 1929 году сборник рассказов и легенд «Индийские рассказы из пуэбло»¹.

ЯВЛЕНИЕ МОНТЕСУМЫ

(из сборника «Индийские рассказы из пуэбло», 1929)

Все первобытные народы осознают всемогущество Солнца и поэтому изначально в той или иной степени являются солнцепоклонниками. С древних времён они персонифицируют Солнце и превращают его

¹ Ранее в журнале «Переводчик» (№ 21, 2021) были представлены переводы на русский язык рассказов Ф. Эпплгейта из вышеназванного сборника: «Женитьба Хопи» (в пер. Татьяны Воронченко) и «Аго По» (в пер. Екатерины Фёдоровой). (Прим. пер.).

в великого культурного героя, сочиняя о нём и его подвигах множество историй, которые впоследствии становятся легендами. У индейцев пузебло Нью-Мексико есть свой великий герой Солнца, но миф об этом культурном герое в разных поселениях несколько отличается. Нижеследующий вариант мифа я услышал от индейца племени тева из деревни, расположенной у верховьев реки Рио-Гранде, и записал вольный перевод того, что он мне рассказал. Этот миф со временем претерпевал изменения. Часть его – очень древняя, восходящая к языческому началу. Благодаря мексиканскому влиянию, в эту историю вносились изменения в течение последних ста лет или около того; кроме того, в тексте можно обнаружить некоторые элементы христианской миссионерской проповеди.

Посе Уэве, чьё имя означает «Тот, кто рассеивает туман по утрам», родился в большом индейском поселении Посе-Уинге, которое сохранилось до наших дней в виде внушительного размера древних руин, расположенных около горячих источников в двадцати милях к северу от нынешнего пузебло тева в Сан-Хуане. «Посе Уэве, – простодушно сообщил мне мой индейский информатор, – был рождён не от земного отца, как Иисус. Возможно, поэтому он был очень необычным».

Так или иначе, он действительно очень отличался от обыкновенного индейского мальчика. Он не играл с другими детьми в деревне и не помогал работать своей бедной матери. Мальчик был неопрятным и большую часть времени проводил, скитаясь по лесам и горам. Он подружился с дикими животными, птицами и разговаривал с ними. Часто было слышно, как он беседует с какими-то невидимыми существами, и в пузебло его презирали, считая никчёмным недоумком.

Когда Посе Уэве достиг совершеннолетия, касик – верховный жрец пузебло и практически его правитель, умер, так и не назначив своего преемника, и нового касика пришлось выбирать по жребию. Каждый мужчина в пузебло должен был принять участие в этой лотерее, и выбор случайно пал на Посе Уэве. Старшие и более разумные мужчины пузебло пришли в ужас от такого катастрофического положения дел, виной чему послужила случайность, в то время как многие другие сочли это грандиозной шуткой.

Сам Посе Уэве отнёсся к своему избранию со всей серьёзностью и с этого момента стал другим человеком. Мать и бабушка сшили ему, насколько позволяли им средства, восхитительный наряд и украсили его бирюзой небесного цвета. Когда Посе Уэве вымылся, привёл в порядок волосы и облачился в новую одежду, все были поражены его приятной, благородной внешностью. Люди не могли поверить, что это тот самый Посе Уэве, которого они всегда видели растрёпанным и одетым в лохмотья.

Став касиком, Посе Уэве не разочаровал народ и в других делах. Он знал, где водится разная дичь, и всегда мог подсказать охотникам, куда отправиться за добычей, чтобы у людей было много мяса. Кроме того, он мог в любой момент согнать тучи и вызвать дождь, так что засуха племени была не страшна, и кукурузы было в избытке. Ни апачи, ни навахо не могли бы застать жителей пуэбло врасплох, потому что Посе Уэве неизменно был в курсе их приближения и держал своих воинов наготове, чтобы прогнать врагов.

Однако, несмотря на то, что Посе Уэве был таким умелым касиком, его правление сопровождалось рядом трудностей. Не все могли забыть его прежнего положения в обществе. Те, кто ранее относился к Посе Уэве свысока, а теперь был вынужден подчиняться ему, не проявляли к своему касику того уважения, которого требовал его высокий пост. Кроме того, консервативно настроенные старейшины племени обвиняли его в радикализме и отказе от наследия предков. В какой-то момент он настолько разгневался, что навсегда исчез из пуэбло Посе-Уинге.

Позже он появился в пуэбло Пекос, расположенному далеко на юго-востоке от Посе-Уинге. Здесь он тоже стал касиком и прославился своим великим правлением. Из маленького и безвестного поселения Пекос превратился в самое густонаселённое и могущественное пуэбло во всём Нью-Мексико. Люди отовсюду стекались в процветающее селение с мудрым правителем, который здесь принял имя «Монтесума» и именно под этим именем вошёл в историю.

Причина огромного успеха Монтесумы как правителя заключалась в том, что он позволял Верховному Духу направлять себя во всём, что бы он ни делал. Вскоре после того, как Монтесума прибыл в Пекос, Верховный Дух повелел ему жениться на младшей дочери касика пуэбло Зуни. Повинуясь наставлению Верховного Духа, Посе Уэве отправил в Зуни своих послов, чтобы попросить эту девушку по имени Малинче стать его невестой. Касик Зуни был рад, что такой могущественный правитель, как Монтесума, хочет взять в жёны его дочь, и с радостью дал своё согласие на брак. После этого Малинче вместе с послами отправилась в Пекос, где стала женой Монтесумы.

Монтесума и Малинче управляли своим народом настолько умело и со знанием дела, что к ним стекались наиболее прогрессивные жители разных пуэбло, недовольные патриархальным укладом жизни. Вскоре в Пекосе стало не хватать места для вновь прибывших, поэтому Монтесума решил основать новые поселения для своего народа.

В помощь ему Верховный Дух послал своего священного орла, чтобы тот указал Монтесуме верный путь. Монтесума и его люди двинулись вслед за орлом, указывающим путь, и везде, где бы он ни при-

землялся, они строили новую деревню. Тогда были основаны почти все пуэбло в Нью-Мексико, и их населили многочисленные последователи Монтесумы. Монтесума продвигался всё дальше на юг, и однажды, когда он уже преодолел большое расстояние, орёл схватил в клюв змея и приземлился на кактус. Это был знак, которого так долго ждал Монтесума. Здесь он остановился и построил столицу своей империи – на том месте, где сейчас располагается город Мехико, – а в качестве своего знака отличия он выбрал священного орла, сидящего на кактусе и поглощающего змея.

В новом городе Монтесума основал великое государство, которым он правил вместе с Малинче. Позже они стали властителями огромной империи ацтеков, но всегда с благодарностью признавали помощь Верховного Духа в своих делах. Злые силы часто пытались склонить их к служению им. Они обещали им власть над всем миром, если они начнут поклоняться Злу, но они никогда не позволяли себе поклоняться в верности своему великому благодетелю.

И по сей день во многих индейских поселениях Нью-Мексико каждый год ставят танцевальную драму «Матачина», в которой Монтесума и Малинче – главные герои, а силы Зла искушают их, но никогда не могут одержать победу. В этой постановке Малинче обычно держит в руках трезубец, символизирующий Троицу.

Кроме того, зная о легенде, согласно которой Монтесума всегда движется только на юг, ни один индеец пуэбло никогда не рискает проводить какие-либо церемонии в северной части селения из-за боязни навлечь на себя недовольство Верховного Духа и своих соплеменников. В одном только Сан-Ильдефонсо отважились на такую попытку. Много лет назад жители городка разместили свою ритуальную площадку на севере, но поскольку их тут же стали преследовать неудачи и смерти, они поспешили вернуть церемониальное место на древнюю южную площадь, и на них снизошли благополучие и процветание.

/Из книги: Applegate, Frank G. Indian Stories from the Pueblos. Bedford, Massachusetts: Applewood Books, 1994. Pp. 171–176./

Перевод с английского Екатерины Фёдоровой

ХЕЛЕН МАРИЯ ХАНТ ДЖЕКСОН (1830 – 1885)

Хелен Джексон – известная американская писательница второй половины XIX века. Одним из самых популярных произведений автора является роман «Рамона», изданный в 1884 году. Книга легла в основу

ежегодного фестиваля Ramona Outdoor Play («Рамона. Пьеса на открытом воздухе»), который проводится в Хемете, Калифорния, с 1923 года и по сей день. С 1887 по 1950-ые годы прошлого столетия множество туристов стекалось в Южную Калифорнию, чтобы посмотреть на «страну Рамоны». Этот интерес не угасает до сих пор.

В данном выпуске журнала представлен перевод XVIII главы книги, в которой автор описывает этнополитическую обстановку в Калифорнии того времени и красочно передаёт особенности местного колорита. По словам Хелен Джексон, они «создают картину, которая соблазнит и покорит воображение читателя, заинтересует его в самом начале, заставит переживать за персонажей, и он, сам того не заметив, станет вникать в индейский вопрос всё глубже и глубже».

РАМОНА

Глава XVIII

Если бы не присутствие и поддержка Кармены, Рамона так и не осмелилась бы провести этот мучительно долгий час на кладбище. Как бы то ни было, она дважды пыталась прекратить пытку неопределённостью, намереваясь уйти. Тот факт, что Алессандро мог столкнуться у Хартселя с людьми, посланными в погоню за ним и Бабой, пугал её тем больше, чем дольше она об этом думала. Эта была не самая лучшая идея отправиться туда. Её воспалённое воображение рисовало картины различных ситуаций, которые могли происходить почти в двух шагах от того места, где она сидела, беспомощная, в полуночной темноте, — Алессандро схвачен, связан, с ним обращаются как с вором, а её, Рамоны, нет рядом, чтобы оправдать его, пригрозить тем людям, чтобы они его отпустили. Она не могла этого вынести; в ней хватило бы смелости отправиться верхом к дверям Хартселя. Когда она подалась вперед, собираясь уйти, мягко сообщив об этом по-испански — и пусть Кармена не знала ни слова на этом языке, она загадочным образом поняла смысл слов Рамоны: «Я должна идти! Его нет слишком долго! Я не могу здесь ждать!». Кармена сжала её руку ещё крепче и ответила на языке луисеньо — и пусть Рамона не знала ни слова на этом языке, она догадалась, о чём говорит Кармена:

— О, милая госпожа, не уходи! Гораздо безопаснее ждать. Алессандро сказал быть здесь. — Он придёт.

Имя «Алессандро» прозвучало очень отчётливо. Да, Алессандро велел ждать; Кармена была права. Она подчинится, но это будет страшное испытание. Удивительно, как Рамона, чувствовавшая себя необычайно смелой, не боявшаяся ничего, пока Алессандро был рядом с ней,

оробела и упала духом, как только он оказался от неё вдалеке. Едва за- слышав приближающиеся шаги, она задрожала от страха, ведь это мог быть не он. В следующую секунду она всё поняла наверняка; и с радостным криком: «Алессандро! Алессандро!» подскочила к нему, отпустив поводья Бабы.

Тихо выдохнув, Кармена подхватила поводья и замерла, держа лошадь, пока влюблённые, без слов, затаив дыхание, обнимались.

— Как же она любит Алессандро! — подумала овдовевшая Кармена. — Оставят ли они его в живых, чтобы он был с ней? Лучше совсем не любить!

Однако она не испытывала зависти к этим двоим, таким счастливым на фоне её, такой одинокой. Индейцы Сан-Пабло относились к Алессандро с большой симпатией. Они с нетерпением ждали, когда он сменит своего отца и возьмёт главенство над ними. Им была известна его доброта, они гордились тем, что он был лучше них.

— Майелла, ты дрожишь, — сказал Алессандро, обнимая её. — Тебе было страшно! Но ты была не одна.

Он взглянул на неподвижную фигуру Кармены, стоящую рядом с Бабой.

— Нет, не одна, дорогой Алессандро, но время тянулось так долго! — ответила Рамона. — Я боялась, что те люди схватили тебя, как ты и опасался. Там кто-нибудь был?

— Нет! До них ещё не дошли слухи. Всё хорошо. Они подумали, что я только что приехал из Пачанги, — ответил он.

— Если бы не Кармена, я бы поехала за тобой ещё полчаса назад, — продолжила Рамона. — Но она сказала мне ждать.

— Она сказала тебе! — повторил Алессандро. — Как ты её поняла?

— Я не знаю. Странно, правда? — ответила Рамона. — Она говорила на твоём языке, но мне казалось, что я её понимаю. Спроси у неё, говорила ли она, что я не должна идти; что безопаснее подождать; что ты так сказал, и ты скоро придёшь.

Алессандро повторил эти слова Кармене.

— Ты это говорила? — спросил он.

— Да, — ответила Кармена.

— Вот видишь, она поняла язык луисеньо, — сказал он с восторгом.

— Она одна из нас.

— Да, — мрачно произнесла Кармена, — она одна из нас.

Затем, сжав ладонь Рамоны обеими руками на прощание, она сказала дважды, словно предвещая беду:

— Одна из нас, Алессандро! Одна из нас!

И глядя вслед их удаляющимся фигурам, почти сразу же затерявшимся во тьме, она повторила уже про себя: «Одна из нас! Горе постиг-

ло меня; и она едет ему навстречу!» Нетвердым шагом она вернулась к могиле мужа, бросилась на землю и не шевелилась до рассвета.

Дорога, по которой Алессандро поехал бы в обычное время, привела бы их прямо к Хартселью. Однако, чтобы ни с кем не встретиться и остаться незамеченным, он двинулся далеко на север, сделав значительный крюк. Таким образом, они оказались возле того места, где раньше стоял дом Антонио. Здесь Алессандро остановился и, взяв Бабу за поводья, подвёл лошадей к разрушенным стенам.

— Это был дом Антонио, Майелла, — прошептал он. — Вот бы все остальные дома в долине были бы так же разрушены. Старуха Хуана была права. Американцы живут в доме моего отца, Майелла, — продолжал он, и от ярости его голос звучал всё более хрипло. — Вот почему я задержался. Я наблюдал через окно, как они ужинают. Я думал, что сойду с ума, Майелла. Если бы у меня было ружьё, я бы их всех перестрелял!

Первым ответом Рамоны на это был еле слышный вздох:

— Живут в твоём доме! — сказала она. — Ты их видел?

— Да, — ответил он, — мужчина, его жена и двое маленьких детей; мужчина вышел с ружьём на порог и выстрелил. Им показалось, что они слышат движение, и это мог быть индеец; поэтому он выстрелил. Вот почему я задержался.

Как раз в этот момент Баба споткнулся о что-то небольшое, лежащее на земле. Ещё несколько шагов, и он споткнулся вновь.

— У него что-то вокруг ноги, Алессандро, — сказала Рамона. — И оно шевелится.

Алессандро спрыгнул с лошади и, опустившись на колени, восхликал:

— Это подпорка — и аркан, привязанный к ней. Пресвятая Дева! что...

Остальную часть его восхищения было не разобрать. Далее Рамона увидела, как он быстро пробежал мимо ещё одного-двух столбиков. За ним шли Баба, потом Капитан и пони; там стоял великолепный чёрный конь, такой же большой, как Баба, Алессандро чуть слышно что-то сказал ему и обхватил руками морду коня, чтобы успокоить его, как только тот начал ржать; и, казалось, не прошло и секунды, как он стащил седло с бедного маленького индейского пони и отпустил его на свободу, резко ударив по бокам, затем оседлал чёрного коня и, вскочив ему на спину, сказал едва не плача:

— Моя Майелла, это Бенито, мой Бенито. Не иначе как помощь святых угодников! Какой дурак, идиот приковал Бенито такой подпоркой! Ума не больше, чем у зайца. Теперь в галоп, моя Майелла! Быстрее! Быстрее! Я не успокоюсь, пока мы не выберемся из этой проклятой

долины. Нам бы только добраться до каньона Санта-Маргарита, а там я знаю тропу, которую они никогда не найдут!

Бенито мчался как ветер, — Алессандро полулежал у него на спине, гладил его по лбу, что-то шептал ему, лошадь фыркала от радости: кто из них был счастливее, лошадь или человек, сложно было сказать. Плечом к плечу с Бенито шёл Баба. Земля улетала у них из-под ног! Это было товарищество, достойное Бабы. В табунах всей Калифорнии было не сыскать двух лошадей лучше Бенито и Бабы. Дикая, почти безрассудная радость овладела Алессандро. Рамона немного ужасалась, слушая, как он, не останавливаясь, говорил с Бенито. Они ехали час с расслабленными поводьями. И Бенито, и Алессандро знали каждый дюйм этой земли. Затем, как только они спустились в самую глубокую часть каньона, Алессандро резко натянул поводья влево и начал подниматься по отвесной стене.

— Справитесь, дорогая Майелла? — крикнул он.

— Ты думаешь, Бенито может что-то, чего не может Баба? — решительно ответила она, прижавшись к лошади.

Но Бабе это не понравилось. Если бы не пример, подаваемый Бенито, он бы ослушался Рамону.

— Ну разве что в самых сложных местах, как это, дорогая, — крикнул Алессандро, перепрыгивая через упавшее дерево, и остановившись посмотреть, как справится с этим Баба. — Хорошо! — воскликнул он, когда тот перепрыгнул через него, словно олень. — Хорошо! Майелла! У нас два лучших скакуна в стране. Вот рассветёт, и ты увидишь, как они похожи. Я часто удивлялся, насколько они похожи. Они прекрасно подадут.

Преодолев несколько десятков футов крутого подъёма, они вышли на вершину южной стены каньона, в густой дубовый лес, почти лишённый подлеска.

— Теперь, — сказал Алессандро, — я могу доехать отсюда до Сан-Диего по тропам, которых не знает ни один белый человек. К рассвету мы почти туда доберёмся.

Густой солёный воздух океана уже касался их лиц. Рамона с наслаждением глотала его.

— Я чувствую соль в воздухе, Алессандро, — воскликнула она.

— Да, это океан, — сказал он. — Этот каньон ведёт прямо к нему. Было бы здорово пройти по берегу, Майелла. Там красиво. Когда тихо, волны накатывают на землю так мягко, будто играючи; можно вести лошадь по воде, а почти над головой будут нависать зелёные скалы; влажный воздух кружит голову словно вино.

— Нам туда нельзя? — с тоской спросила она. — Там небезопасно?

— Я бы не стал рисковать, — с сожалением ответил он. — Не сейчас, Майелла; потому что по берегу то и дело снуют люди.

— А после нашей свадьбы, Алессандро, мы же сможем прийти, когда нам ничего уже не будет угрожать? — спросила она.

— Да, Майелла, — ответил он. Но произнося эти слова, он подумал: — Настанет ли когда-нибудь то время, когда будет безопасно?

Берег Тихого океана на протяжении многих миль к северу от Сан-Диего представляет собой череду округлых мысов, выссящихся стенами над устьями каньонов, по многим из которых в море вытекают небольшие ручьи. В низинах этих каньонов растёт пышная зелень, много деревьев, в основном дубов. Вначале ущелья похожи на большие трещины в земле, но потом они становятся глубже и шире, а на выходе образуют прекрасный полумесец блестящего пляжа длиной от одной восьмой до четверти мили. То место, в котором Алессандро надеялся оказаться до утра, находилось менее чем в дюжине миль от старого города Сан-Диего, оттуда открывался прекрасный вид на внешнюю гавань. Когда он был там в последний раз, то обнаружил, что оно представляет собой почти непроходимые заросли молодых дубов. В них, по его мнению, они могли бы спокойно прятаться весь день, а после наступления темноты въехать в Сан-Диего, обвенчаться в доме священника и выдвинуться в Сан-Паскуале той же ночью.

«Весь день из этого каньона Майелла будет видеть океан, — думал он, — но сейчас я ей этого не скажу, ведь возможно, деревья срубили, и мы не сможем подойти близко к берегу».

Они добрались до места почти на рассвете. Деревья были нетронутыми. Сверху их вершины напоминали мох, заполонивший дно каньона сплошным слоем. Небо и океан окрасились в красный цвет. Когда Рамона посмотрела вниз на эту мягкую зелёную тропу, ведущую к широкой искрящейся морской глади, она подумала, что Алессандро привёл её в сказочную страну.

— Какой прекрасный мир! — воскликнула она. Подъехав к Бенито достаточно близко, она положила руку на руку Алессандро и торжественно сказала:

— Ведь в таком прекрасном мире, как этот, мы точно должны быть очень счастливы, Алессандро? Быть может, мы могли бы спеть здесь наш гимн восходу солнца, как ты считаешь?

Алессандро огляделся. Они стояли одни, открытые всем ветрам; рассвет ещё не наступил; с холмов позади Сан-Диего поднимался туман багряного цвета. В маяке на мысе, окружающем внутреннюю гавань, ещё горел свет, но через несколько мгновений наступит день.

— Нет, Майелла, не здесь, — сказал он. — Здесь нельзя оставаться. Как только взойдет солнце, человека или лошадь на этом высоком бере-

гу можно будет увидеть издалека. Мы должны поторопиться, чтобы за-теряться среди деревьев.

Найденное ими убежище было похоже на дом с высокой массивной крышей из верхушек дубов. Солнце туда не проникало; несмотря на долгую засуху, вода всё ещё текла там тонкой струйкой, а вдоль неё зеленело немного травы, — скучное угождение для Бабы и Бенито, но они с удовольствием поглощали её вместе.

— Эти двое понравились друг другу, — сказала Рамона, смеясь. — Они подружатся.

— Конечно, — согласился Алессандро, улыбаясь. — Лошади могут дружить и ненавидеть друг друга, как люди. Едва Бенито видел кобылу Антонио, ту маленькую жёлтую, он сразу начинал лягаться, она боялась его, как кошка собаку. Много раз я смеялся, наблюдая за ними.

— А ты знаешь священника из Сан-Диего? — спросила Рамона.

— Не очень хорошо, — ответил Алессандро. — Он редко приезжал в Темекулу, когда я там бывал; но он друг индейцам. Я знаю, что он прибыл с людьми из Сан-Диего в то время, когда шли бои, белые были напуганы; говорили, что, если бы не отец Гаспара, в Пале ни одного белого человека не оставили бы в живых. Мой отец отоспал всех своих людей ещё до начала битвы. Он знал, что она грядёт, но не хотел никак в ней участвовать. Он сказал, что индейцы обезумели. Смысла не было. Они бы только сами погибли. Это самое худшее, моя Майелла. Глупые индейцы сражаются и убивают, и что нам после этого делать? Белые люди думают, что мы все одинаковые. Отец Гаспара, как я слышал, с тех пор ни разу не был в Пале. Теперь туда ездит священник из Сан-Хуан-Капистрано. Он плохой человек. Он берёт деньги с голодающих бедняков.

— Священник! — с ужасом воскликнула Рамона.

— Да! Священник! — ответил Алессандро. — Они не все хорошие — не такие, как отец Сальвьеरдерра.

— О, если бы мы могли пойти к отцу Сальвьеердерре! — невольно воскликнула Рамона.

Алессандро не очень понравилась эта мысль:

— Это было бы гораздо опаснее, Майелла, — сказал он, — и, кроме того, я не знаю, чем бы я там мог заняться.

Взглянув на него, Рамона тут же пожалела о своих словах. Как жестоко возлагать ещё одно бремя, хоть бы и весом в пёрышко, на этого любящего человека.

— О, твой план гораздо лучше, правда, — призналась она. — Я хотела сказать совсем другое. Я просто всегда очень любила отца Сальвье-дерру. А сеньора ему наговорит всякой неправды. Разве мы не можем послать ему письмо, Алессандро?

— Я знаю одного индейца из Санта-Инеса, — продолжил Алессандро, — он иногда ездит в Темекулу торговать сетями. Не уверен, ездит ли он в Сан-Диего. Если бы я мог поговорить с ним, он бы съездил из Санта-Инеса в Санта-Барбру ради меня, я уверен; однажды он, больной, пролежал в доме моего отца несколько недель, я ухаживал за ним, и с тех пор он всегда пытается подарить мне сеть, когда приезжает. От Санта-Инеса до Санта-Барбары ехать менее двух дней.

— Как бы мне хотелось, чтобы всё стало как в прежние времена, Алессандро, — вздохнула Рамона, — когда люди вроде отца Сальвьердерры управляли страной. Тогда для всех нашлась бы работа в миссиях. Сеньора говорит, что миссии были как дворцы, и что в каждой из них были тысячи индейцев; тысячи и тысячи, и все работали так счастливо и мирно.

— Сеньора не знает всего, что происходило в миссиях, — ответил Алессандро. — Мой отец говорит, что в некоторых из них творились ужасные вещи, когда власть была в руках плохих людей. В Сан-Луис-Рей никогда ничего подобного не было. Отец Пейри был как родной для всех своих индейцев. Мой отец говорит, что они все в огонь бы за него пошли, если бы он приказал. И когда он решил покинуть страну, в то время, когда его сердце было разбито, а миссия полностью разрушена, ему пришлось бежать ночью, Майелла, так же как мы с тобой сейчас бежим; потому что, если бы индейцы узнали об этом, они бы сделали всё, чтобы удержать его. Здесь, в гавани Сан-Диего, стоял корабль, готовый отплыть в Мексику, и отец решил отправиться на нём; он ехал ночью по той же дороге, по которой мы приехали, моя Майелла; и мой отец был единственным, кому он рассказал о своих планах. Мой отец поехал с ним; они взяли самых быстрых лошадей и скакали всю ночь, мой отец вёз перед собой на лошади ящик со священными алтарными ценностями, очень тяжёлый. Множество раз мой отец рассказывал мне историю, как они добрались до Сан-Диего на рассвете, и отца доставили до корабля на маленькой лодке; и едва он оказался на борту, как мой отец, стоявший как вкопанный на берегу и наблюдавший за всем этим с огромной любовью в сердце — о чудо! — услышал громкие крики и топот лошадиных копыт, на берег прискакали три сотни индейцев из Сан-Луис-Рей, узнавших, что отец отправился в Сан-Диего, чтобы сесть на корабль, они всю ночь ехали по его следу, чтобы вернуть его обратно. И когда мой отец указал на корабль и сказал им, что тот уже на борту, они подняли крик, от которого само небо могло пасть на землю; и некоторые из них бросились в море и поплыли к кораблю, кричали и умоляли, чтобы их взяли на борт, разрешили поехать с ним. А отец Пейри стоял на палубе, благословляя их и прощаясь, со слезами на глазах; один из индейцев — никто не понял, каким образом, — сумел забраться

по цепям и канатам и проникнуть на корабль; ему позволили осться, и он уплыл с отцом. И мой отец сказал, что он всю свою жизнь жалел, что сам не догадался сделать то же самое; но он был словно немой, глухой и безголовый, глубокий след оставил в его душе уход отца.

— Это было здесь, в этой самой гавани? — затаив дыхание, спросила Рамона, указывая на голубую воду, широкую полосу которой они наблюдали в обрамлении зелёной арки дубовых верхушек на переднем плане.

— Да, именно там он и плыл, как сейчас идёт тот корабль, — воскликнул он, когда шхуна с белыми парусами быстро прошла мимо, держа путь в море. — Но сначала он стоял на мелководье; отсюда сейчас не видно внутренней гавани. В ней красивейшая вода, которую я когда-либо видел, Майелла. Две возвышенности выступают вперёд, как две руки, держа её и оберегая, будто с любовью.

— Но Александро, — продолжала Рамона, — были ли в других миссиях действительно плохие люди? Конечно же, это были не отцы-францисканцы?

— Возможно, не сами отцы, а люди, которые им подчинялись. У них было слишком много власти, Майелла. Когда мой отец рассказал мне, как это было, я подумал, что не хочу быть вождём, как он. Неправильно, чтобы у одного человека было столько власти. В миссии Сан-Габриэль был один такой индеец. Его поставили над остальными; и когда однажды целая группа убежала оттуда и вернулась в горы, он погнался за ними; принёс по куску уха каждого сбежавшего мужчины; они были нанизаны на нитку; он, смеясь, сказал, что теперь их можно узнать по их обрезанным ушам. Старая женщина, приехавшая в Темекулу, Габриэлено, сказала мне, что видела это своими глазами. Она сама жила в миссии. Не все индейцы хотели там находиться; некоторые из них предпочитали оставаться в лесах и жить так, как они всегда жили; и я думаю, что они имели на это право, если им так было лучше, Майелла. С их стороны было глупо оставаться и жить звериной жизнью, не зная ничего; но у них было на это право, или ты так не считаешь?

— Им было велено свыше проповедовать Евангелие всем созданием, — ответила набожная Рамона. — Именно для этого сюда пришли францисканцы, так сказал отец Сальвьеरдерра. Я думаю, им необходимо было заставить индейцев слушать. Но история с ушами ужасная, Александро. Ты веришь в неё?

— Старуха смеялась, когда её рассказывала, — ответил он. — Она говорила, что это шутка; но я думаю, что это чистая правда. Я убил бы человека, который попытался бы так обрезать мои уши.

— Ты когда-нибудь рассказывал это отцу Сальвье́рдерре? — спросила Рамона.

– Нет, Майелла. Это было бы невежливо, – сказал Алессандро.

– Тогда я не верю в это, – ответила Рамона с облегчением. – Я не верю, что хоть один францисканец когда-либо мог допустить такое.

Мощный красный свет в башне маяка снова вспыхнул, и прошло некоторое время, прежде чем Алессандро счёл разумным возобновить путешествие. Дорога, по которой им предстояло ехать в старый Сан-Диего, где жил отец Гаспара, была общественной дорогой из Сан-Диего в Сан-Луис-Рей, и они почти наверняка встретили бы на ней путников.

Было ещё не поздно, когда быстрые лошади домчали их до города. Дом отца Гаспары находился в конце длинного низкого глинобитного здания, которое играло важную роль во времена Пресидио, но уже пришло в упадок; все его комнаты, за исключением тех, которые занимал отец, долго пустовали. На противоположной стороне дороги, на заброшенном, заросшем сорняками пустыре, стояла часовня – убогая постройка, стены которой были кое-как побелены и украшены несколькими плохо выполненными картинами и сломанными зеркальными светильниками, вынесенными уже в полуразбитом состоянии из зданий миссии, ныне совершенно пришедших в запустение. Несколько дешёвых свечей в простеньких оловянных подсвечниках тускло освещали комнату. Всё здесь соответствовало атмосфере этого места, – глубокого уныния во всей Южной Калифорнии. Именно здесь великий старый францисканец, падре Хуниперо Серра, начал свою работу, преисполненный благочестия и пламенной решимости окультуритьдискую местность и населяющие её народы во благо своей страны и своей Церкви; по этому самому побережью он передвигался туда-обратно в те страшные первые недели, ухаживая за больными, молясь с умирающими и хороня мёртвых с поражённых чумой мексиканских кораблей, стоявших в гавани. Здесь он крестил своих первых новообращённых индейцев и основал свою первую миссию. Единственными следами его героических трудов и выстраданных успехов сегодня были груда осыпающихся руин, несколько старых оливковых деревьев и пальм; которые, впрочем, менее чем через столетие также исчезнут, возвратившись под опеку матери-земли, которая не ставит надгробий на самых священных из своих могил.

Отец Гаспара много лет провёл в Сан-Диего. Хотя он и не был францисканцем и не испытывал, по сути, особой любви к ордену, он с самого начала был до глубины души впечатлён священными ассоциациями, связанными с этим местом. Он был натурой одновременно пылкой и поэтической; всего три вещи могли бы стать его призванием: служение родине, музе и Богу. По стечению обстоятельств он стал священником; а пламя страсти и поэзия, которые помогли бы ему вскинуть клинок или воспламенить стих, случись ему сражаться либо декламиро-

вать, стали дополнительными силами в его призвании проповедника. Он не переставал походить на солдата – фигурой, походкой; его горящие тёмные глаза, густые чёрные волосы и борода, быстрый пружинистый шаг порой казались странно негармонирующими с его церковным облачением. И именно чувствительная душа поэта год за годом заставляла его всё больше и больше замыкаться в себе, по мере осознания невозможности сделать что-либо стоящее для сотен индейцев, которых он мечтал снова увидеть сплоченными Церковью как в прежние времена. Они переезжали с места на место, а он их часто навещал, семью за семьей, племя за племенем, всех своих подопечных; он писал бесчисленные, остававшиеся без внимания, письма одному за другим правительственныйм чиновникам разного ранга в Вашингтоне. Столь же тщетно он пытался добиться хоть какой-то справедливости, хоть какой-то защиты от местных чиновников для индейцев; он старался побудить Церковь к более эффективным действиям в их интересах. Наконец, опустошённый, разочарованный и переполненный тем жгучим чувством подавляемого гнева, на которое способна лишь поэтическая натура, он сдался и сказал: «Это всё бесполезно; я больше не произнесу ни слова; конец; я более этого не вынесу!» И, уйдя с головой в рутину приходских обязанностей в маленькой мексиканско-ирландской общине, находящейся под его опекой в Сан-Диего, он оставил все попытки сделать для индейцев что-то большее, чем простые посещения их поселений один-два раза в год с целью проведения таинств. Когда ему приносили весть о новых бесчинствах, он метался по комнате, яростно теребя чёрную бороду и выкрикивая фразы, более уместные для военного лагеря, чем для священного места; но больше он не предпринимал никаких усилий, чтобы изменить ситуацию. Закурив трубку, он садился на старую скамейку на веранде и курил часами, глядя на спокойные воды заброшенного порта и бесконечно размышая о несправедливости, которую он был не в силах исправить.

В нескольких шагах от его двери только начали возводить стены новой кирпичной церкви, и он с гордостью в сердце мечтал увидеть, как её, уже построенную, наполнит толпа верующих. Но и этому не было суждено сбыться. Надежды и мечты отца Гаспары испарялись вместе с надеждами и мечтами Сан-Диего о процветании. Теперь строительство дорогой церкви на этом месте действительноказалось пустой троцкой денег. К мёртвым можно испытывать сколь угодно священные и искренние чувства, но они должны уступать нуждам живых. Каждый католик был бы рад построить церковь на земле, на которую впервыеступил и начал свои труды отец Хуниперо; но были и другие, более насущные потребности, которые нужно было удовлетворять в первую оче-

редь. И в этом был смысл. И всё же на отца Гаспару, гуляющего по verande, вид этих молчаливых стен, всего в несколько футов высотой, давил, словно крест, не становившийся легче, пока шли годы и благоухающая зима сменяла прохладное лето в этих чарующих краях.

— Майелла, в часовне горит свет; это хорошо! — воскликнул Александро, когда они въехали на безмолвную площадь. — Отец Гаспера должно быть там.

Спрятав с коня, он заглянул в незанавешенное окно:

— Венчание, Майелла, там венчание! — громко объявил он, возвращаясь быстрым шагом. — Это же удача. Нам не придётся долго ждать.

Когда ризничий шепнул отцу Гаспаре, что пришла пара индейцев, желающая обвенчаться, отец нахмурился. Его уже ждал ужин; он весь день провёл в старом оливковом саду миссии, где обнаружил, что дела идут не так, как хотелось бы; индеец и его жена, нанятые им для ухода за несколькими акрами земли, всё ещё принадлежавшим Церкви, забросили их, потому что надо было ухаживать за своими собственными. Отец испытывал раздражение, усталость и голод, выражение его смуглого лица, с которым он смотрел на Александра и Рамону, идущих в его сторону, было далеко не радушным. Рамона, никогда не преклонявшая колен ни перед кем, кроме добродушного отца Сальвьеरдерры, и полагавшая, что все священники должны выглядеть, по крайней мере, дружелюбно, была потрясена нетерпеливым выражением устремившихся в их сторону глаз. Но как только его взгляд коснулся Рамоны, отец Гаспара изменился в лице.

«Что за дела!» — подумал он; и тут же, глядя на Рамону, резко спросил:

— Женщина, ты индианка?

— Да, отец, — мягко ответила Рамона. — Моя мать была индианкой.

«А, полукровка!» — подумал с интересом и сочувствием отец Гаспара. «Поразительно, как иногда одни гены вытесняют другие, и наоборот! Какое, однако ж, необычное создание».

И он продолжил церемонию. Вторая пара, ирландец средних лет с невестой постарше, стояли тихо рядом, по их непривлекательным, невозмутимым лицам промелькнула тень удивления, словно им показалось странным, что индейцы вообще женятся.

Книга записей браков хранилась в личных покоях отца Гаспary, запертая и спрятанная даже от его старой экономки. У него были веские причины для таких мер предосторожности. Немало людей мечтали вырвать листы из этого старинного журнала, начатого в 1769 году и содержащего множество страниц, густо исписанных рукой самого отца Хуниперо.

Когда они покинули часовню, отец Гаспара шёл впереди, ирландская пара робко плелась на небольшом расстоянии друг от друга, а Алессандро, не отпуская руки Рамоны, спросил:

— Поедешь верхом, дорогая? Тут недалеко.

— Нет, спасибо, дорогой Алессандро, я лучше прогуляюсь, — ответила она; Алессандро накинул поводья обеих лошадей на левую руку, и они двинулись дальше. Отец Гаспара услышав этот разговор, удивился ещё больше.

«Он ведёт себя как джентльмен по отношению к своей леди», — размышлял он. «Что бы это значило? Кто они такие?»

Отец Гаспара был человеком благородного происхождения, и дома в Испании он привык к обществу гораздо более воспитанному, чем то, с которым он сталкивался, живя в Калифорнии. Мягкий тон и вежливость речи, с которой Алессандро обращался к Рамоне, нечасто встречалась в его приходе. Когда они вошли в его дом, он снова внимательно посмотрел на них обоих. На голове Рамоны была чёрная шаль, обычна для мексиканских женщин. На взгляд отца, в её фигуре или лице не было ничего примечательного. В тусклом свете единственной свечи — отец Гаспара не позволял себе излишеств — невозможно было рассмотреть изысканный цвет её кожи и глубокую синеву глаз. Высокая фигура и величественная осанка Алессандро не были редкостью. Отец видел немало красивых индейцев. Но голос у него был примечательный, и он говорил по-испански лучше, чем обычно это делали индейцы.

— Откуда вы? — спросил отец, взяв в руку перо и приготовившись записать их имена в старую книгу в сыромятном переплете.

— Из Темекулы, отец, — ответил Алессандро.

Отец Гаспара выронил перо:

— Из деревни, откуда американцы выгнали всех жителей на днях?

— воскликнул он.

— Да, отец.

Отец Гаспара вскочил со стула и, как обычно, в порыве возбуждения принял мерить пол шагами.

— Идите! Идите! С вами всё! Церемония закончена, — сердито сказал он ирландским жениху и невесте, которые уже назвали ему свои имена и отдали плату, но всё ещё стояли в нерешительности, не зная, требуется ли от них что-то ещё.

— Какой позор! Самое подлое, что я видел на этой земле, покинутой Богом! — воскликнул отец. — Я читал подробности вчера в газете Сан-Диего.

Затем, остановившись перед Алессандро, он воскликнул:

— Там говорилось, что индейцы были вынуждены оплатить все судебные издержки; что шериф забрал их скот в счёт этого. Это правда?

— Да, отец, — ответил Алессандро.

Отец снова зашагал вперёд, теребя свою бороду:

— Что вы планируете делать? — спросил он. — Куда вы все ушли? В мой последний приезд к вам в вашей деревне было двести человек.

— Одни ушли в Пачангу, — ответил Алессандро, — другие в Сан-Паскуале, а остальные в Сан-Бернардино.

— Боже правый! Но ты принимаешь это философски! — вскрикнул отец Гаспара.

Алессандро не понимал до конца слова «философски», но он знал, что отец имел в виду:

— Да, отец, — угрюмо сказал он. — Уже три недели прошло. Сначала я не был так спокоен. Но ничего исправить нельзя.

Рамона крепко сжимала руку Алессандра. Она испугалась этого рассвирепевшего чернобородого священника, метавшегося взад и вперед, изрыгавшего гневную брань.

— Правительство Соединенных Штатов пожалеет об этом! — продолжал он. — Это шайка воров и грабителей! Бог их накажет. Увидите, кара постигнет их — их сыновья и дочери будут несчастны! Но к чему всё это пустословие? Сын мой, повтори ваши имена, — и он снова сел за стол, где лежал открытый старенький журнал записей о браке.

Записав имя Алессандра, он повернулся к Рамоне.

— А женщину как зовут? — спросил он.

Алессандро посмотрел на Рамону. В часовне он просто сказал: Майелла. Разве требуется ещё что-то?

Не колеблясь ни секунды, Рамона ответила: «Майелла. Меня зовут Майелла Фэйл.

Фамилию «Фэйл» она произнесла медленно. Придумав её на ходу, она даже не знала, как она пишется. Поскольку Рамона произнесла её нараспев, отец, для которого эта фамилия была также в новинку, принял её за двухсоставную и так и записал.

Это был последний шаг на пути к полному исчезновению личности Рамоны. Разве можно представить, чтобы, взявшиесь искать спустя годы, кто-то смог найти хоть намёк Рамоны Ортены в женщине, принявшей замужество под именем «Майелла Фай Эль»?

— Нет, нет! Убери свои деньги, сын мой, — сказал отец Гаспара, когда Алессандро принял развязывать узлы платка, в котором хранились золотые монеты. — Убери! Я не возьму ни цента с индейцев Темекулы. Хотел бы я, чтобы у Церкви имелись деньги, чтобы дать их вам. Куда теперь направитесь?

— В Сан-Паскуале, отец.

— В Сан-Паскуале! У старейшины там имеется документ на земли пуэбло, — сказал отец Гаспара. — Он недавно мне его показывал. Может

быть, это вам как-то поможет. Но лучше не возлагать надежд на бумагу, сын мой. Купи себе участок земли, как это делает белый человек. Лучше ничему не доверять.

Алессандро с тревогой посмотрел отцу в глаза:

— Как же так, отец? — сказал он. — Я этого не понимаю.

— Они настолько не предсказуемы, а их законы так быстро меняются... Когда выберешь землю и найдёшь на неё деньги, приходи ко мне, я пойду с тобой и прослежу, чтобы тебя не обманули при покупке; но их уловки даже меня ставят в тупик. Прощай, сын мой! Прощай, дочь моя! — произнес он, вставая со стула. Голод снова взял верх над сочувствием в отце Гаспаре, и когда он сел за трапезу, мысли о парочке индейцев покинули его; однако после ужина, когда он, сидя, курил трубку на веранде, они вновь овладели им, — его не покидало ощущение, что в этой женщине было что-то необыкновенное. «Однажды я ещё услышу о них», — подумал он. И он был прав.

(Из книги: Helen Jackson (H. H. "Ramona: A Story". — Boston: Roberts, 1884, — 490 p.)

Перевод с английского Елены Гладких

АЛЕКСАНДРА МЕЛЬНИЧЕНКО

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА СКАЗОК

А. С. ПУШКИНА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

6 июня 2024 года исполнилось 225 лет со дня рождения великого русского поэта и основоположника русского современного языка – Александра Сергеевича Пушкина. Творческое наследие этого удивительного писателя составляет множество стихотворений, поэм, сказок, прозаических и драматических произведений. Безусловно, всё творчество Александра Сергеевича является неотъемлемой частью русской литературы и культуры России, по сей день его произведения активно изучаются в школах и в высших учебных заведениях. Произведения А. С. Пушкина – это не только поучительные рассказы, содержащие в себе ценнейшие жизненные уроки, но и отдельный красочный мир, пропитанный русским духом, бытом и фольклором. В настоящее время пушкинские стихи, повести и сказки знает не только любой русский школьник, они также получили большую популярность и среди иностранных граждан, в частности, среди ближайших наших соседей – жителей Поднебесной [1].

В Китае А. С. Пушкин не только один из самых переводимых русских писателей, но и один из тех поэтов, чьё творчество получило наибольший отклик у китайской аудитории. Если говорить о русской литературе в целом, то, как отмечал В. М. Алексеев, выдающийся советский китаист-переводчик, в Китае XIX века читатели были мало с ней знакомы. Неожиданный перелом наступил в XX веке, когда в китайский язык хлынули бесконечные потоки переводов с иностранных языков, однако переводы с русского шли в последнюю очередь и до позднейшего времени едва ли даже существовали или, если делались, то не с оригинала, а с переводов на другие языки.

В 1903 году в Шанхае увидела свет повесть «Капитанская дочка» в интерпретации Цзи Ихуэй (戢翼羣). Она была переведена с японского языка и имела название «История русской любви. Сказание о барышне Мэри». Некоторые исследователи предполагают, что это не только са-

мый ранний китайский перевод произведений А. С. Пушкина, но и самый ранний китайский перевод русских романов [4]. А позже, в 1908 году, Лу Синь (鲁迅) в своей работе «Сила сатанинской поэзии» («摩罗诗力说») открывает соотечественникам не только настоящего Байрона, но и Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Последних он называет борцами духа, «непреклонными» и «не льстящими толпе». В 1920 году в журнале «Новый Китай» было объявлено о выходе в свет сборника переводов ряда произведений русских писателей, в том числе и Пушкина. В переводе Шэнь Ина (沈颖) вышли повести «Станционный смотритель» («驿 站 监 察 史») и «Снег-сват» («雪媒»), в котором нетрудно узнать «Метель» [2].

Что касается конкретно сказок Александра Сергеевича, то согласно имеющимся в китайских источниках данным, самый ранний перевод пушкинской сказки появился в 1928 году. «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» («死公主与七义士的故事») в переводе Ван Цзяня была опубликована в 57-м номере «Еженедельника Северо-Восточного университета» [3]. Затем в 1936 году в первом номере журнала «Перевод» («译文») китайским читателям были представлены «Сказка о рыбаке и рыбке» («渔夫与鱼的故事»), «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» («死公主的故事») и «Сказка о золотом петушке» («金鸡的故事») в виде гравюр на дереве. С 1937 года, когда в Шанхае прошла первая научная конференция, посвящённая творчеству поэта, приуроченная к столетию со дня смерти Пушкина, в китайской переводческой практике наблюдался беспрецедентно высокий интерес к его творчеству.

1947 год имел важное значение в истории распространения наследия Пушкина в Китае. В 110-ю годовщину со дня смерти поэта было выпущено несколько его книг. Стоит прежде всего указать на «Собрание сочинений Пушкина» («普希金文集»), составителем которого стал китайский литературовед Гэ Баоцюань (戈宝权). Оно содержит сорок лирических стихотворений, две поэмы, две драмы, две сказки и четыре прозаических произведения, кроме того, в него вошли несколько литературоведческих статей и переводы высказываний о Пушкине русских и советских писателей. Сборник был хорошо иллюстрирован и включил в себя «Библиографический перечень произведений Пушкина в переводах на китайский язык».

В Китае за более чем столетнюю историю изучения пушкинского творчества было множество исследователей, литературоведов, переводчиков, посвятивших этому делу всю свою жизнь. Одним из выдающихся представителей китайского пушкиноведения является вышеупо-

мянутый Гэ Баоцюань (戈宝权 1913–2000 гг.), перу которого принадлежит множество важных исследований. За свои труды пушкинист в 1993 году получил награду Китайской академии общественных наук, а ранее, в 1988 году советское правительство наградило его орденом Дружбы народов «за большой вклад в укрепление советско-китайского сотрудничества». Среди переводчиков с точки зрения количества переводов и времени, затраченного на них, более всех выделяется Фэн Чунь (冯春 1934 г.), с юности лелеявший мечту о полном переводе всех произведений Пушкина. Фэн Чунь, всю свою жизнь изучавший Пушкина, его жизнь и творчество, создал колossalный труд – десятитомное «Собрание сочинений Пушкина» («普希金文集») [5].

На сегодняшний день, на китайский язык переведены все семь сказок Александра Сергеевича, а именно «Сказка о попе и работнике его Балде» («神父和他的长工巴尔达的故事»), «Сказка о рыбаке и рыбке» («渔夫和金鱼的故事»), «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» («死公主和七勇士的故事»), «Сказка о золотом петушке» («金鸡的故事»), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» («勇士和天鹅公主的故事»), «Сказка о медведихе» («母熊的故事»), сказка-поэма «Руслан и Людмила» («鲁斯兰和柳德米拉»), причём каждая из них имеет несколько вариантов перевода.

Перевод этих сказок на китайский язык – задача не из лёгких: переводчик в процессе работы сталкивается с рядом трудностей, обусловленных различиями в культурах, ему необходимо не только передать сюжет и стиль, но и сохранить, а порой и объяснить те самые исконно русские явления, которые не всегда понятны даже русскому человеку, но, тем не менее, которые так важны для понимания авторских произведений и всей русской культуры.

Китайские переводчики при передаче русских реалий прибегают к различными приёмам: описательный перевод (描写性翻译), приблизительный перевод (近似翻译), функциональный аналог (功能等值), транскрипция (音译), семантическое калькирование (仿译/借译) и пояснение (解释性翻译). Иногда переводчики применяют эти способы самостоятельно, либо же сочетают друг с другом, в таком случае речь идёт о совмешённом (смешанном) способе перевода 混合翻译.

Рассмотрим некоторые примеры перевода русских реалий в китайских вариантах пушкинских сказок. Большинство из них относится к классу бытовых. В сказках встречаются такие бытовые реалии, как землянка, корыто, изба, образа, сочельник, полати и множество других, все эти явления переводятся на китайский язык по-разному. Описательный

перевод применяется для реалий «землянка» – 泥棚 nípéng (досл.: земляной навес¹), «корыто» – 木盆 mùpéng (досл.: деревянный таз). Посредством родовидовой замены была переведена реалия «сочельник» – 圣诞节 shèngdànjié (досл.: Рождество), всем известно, что в христианской культуре сочельник – это не само рождество, а день накануне праздника. То же самое с «полатями» – 高板床 gāobǎnchuáng (досл.: кровать на высоких досках), уточнив значение этого слова, мы видим, что полати – это не просто кровать, это лежанка, устроенная перед или между стеной избы и русской печью; деревянные настилы, сооружаемые под потолком.

К бытовым реалиям также относятся музыкальные инструменты, и тут можно вспомнить эпизод из «Сказки о попе», в котором Балда ходил собирать с чертей оброк:

Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесёнок, ещё молоденек,
Со мною тягаться слабенек».

他拿出只兔子, 拎起耳朵.
“我弹三弦, 你跳舞吧,”他说.
“你呢, 还是一个小鬼头,
赛跑哪是我的对手.

Используя функциональный аналог, переводчик заменяет традиционный русский музыкальный инструмент, балалайку, на китайский – 三弦 sānxián саньсянь, в надежде вызвать у читателя сходную реакцию. Однако при этом происходит стилистическая нейтрализация, что лишает текст его национально-культурной окраски.

Помимо бытовых реалий, в сказках Пушкина также встречаются ономастические реалии. Рассмотрим строки из «Сказки о мёртвой царевне...»:

Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч

¹ Здесь и далее приведены переводы из источника <https://www.zhihu.com/>

У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.

Выделенными этнонимами Александр Сергеевич называет русских недругов, пришедших из разных географических областей. Так как не все эти этнические группы знакомы китайскому читателю, соответственно в китайском языке не для всех групп есть специальные слова. Переводчик использует совмещённый способ перевода – транскрипцию и пояснение в первых двух случаях: «сорочин» – 萨拉秦人 sàlāqínrén, «татарин» – 鞑靼人 dádárén; транскрипцию, пояснение и кальку в третьем случае: «пятигорский черкес» 五峰山下来的契尔克斯人 wǔfēngshān xiànláide qìerkèsīrén (досл.: *чекес, спустившийся с Пятигорья*).

兄弟们已和谐地结伴出行，
他们出门去散步溜达，
用弓箭射猎灰鸭，
为了让右面的手臂尽兴，
就赶得萨拉秦人门下马逃命，
或把魁梧的鞑靼人，
砍下脑袋命归阴，
或把五峰山下来的契尔克斯。

Шамаханская царица, героиня сказки о золотом петушке, пленившая царя Дадона и обоих его сыновей, в переводе на китайский язык зовётся 沙玛汗国女皇 shāmǎhànguó nǚhuáng – при переводе данного антропонима используется три переводческих приёма, а именно транскрипция, пояснение и функциональный аналог (女皇 nǚhuáng). В современном прочтении Шамаханская царица – загадочная владычица из Азербайджанского ханства Ширван (Шамахия), переводчик, добавив к транскрипции «沙玛汗» shāmǎhàn слово «国» guó «государство», уточнил эту особенность.

Следующий отрывок из сказки о мёртвой царевне также содержит не менее интересную русскую реалию:

Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

黑心皇后扬言给她戴刺环，
命令要将奴婢处死，
除非公主一命归西。

Сложно понять, о какой рогатке идёт речь, однако обратившись к «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефона» можно узнать, что *рогатка* или *рогулька* – это орудие, употреблявшееся на Руси для наказания или для пресечения побега преступникам, представлявшая собой железный ошейник с длинными прутьями. Китайцам такой вид наказания чужд, а потому не совсем понятен, именно поэтому переводчик использует приём калькирования. Слово «рогатка» передаётся на китайский язык словосочетанием 刺环 cīhuán (досл.: *игольчатое кольцо, колющий обруч*). Используя приём калькирования, переводчик не только передаёт внешний вид этого приспособления, но и сохраняет семантику слова.

Все вышеперечисленные примеры показывают нам, что универсального метода для перевода реалий, который бы точно и верно передавал эти явления на переводимый язык и при этом был бы применителен ко всем случаям, не существует. Перевод на китайский язык, а тем более перевод художественной литературы, которыми и являются пушкинские сказки, – это сложный и многогранный процесс, требующий от переводчика не только лингвистических знаний, но и глубокого понимания обеих культур и структуры обоих языков. Русские реалии, представленные в переводах, могут быть как мостом между культурами, так и источником искажения смысла. Важно, чтобы переводчики стремились к балансу между точностью и понятностью, чтобы китайские читатели могли насладиться пушкинскими сказками во всей их художественной красоте и многообразности.

Переводческая и исследовательская работа пушкинского творчества нескольких поколений учёных Китая привела к впечатляющим результатам. Однако в XXI веке исследователей и переводчиков, занимающихся творчеством А. С. Пушкина, стало меньше. Это может быть объяснено богатым выбором литературы, где произведения Пушкина – это только один из многих вариантов чтения и изучения. Чтобы Пушкин был жив в умах и сердцах читателей, каждое следующее поколение, каждая новая эпоха нуждается в своих исследователях и переводчиках, необходимо продолжать всестороннее изучение пушкинского наследия и актуализировать его для современного читателя.

Литература:

1. Алексеев В. М. Русские писатели в китайских переводах // Восток. – книга I. – Петербург: гос. изд. «Всемирная литература», 1922. С. 75.
2. Ван Цинлэ. Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – Т. 29. № 2. – 2024. С. 390–396.
3. Чжоо Сяоянь. Восприятие Пушкина в Китае: обзор переводов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 10. – М.: Диалог МГУ, 1999. С. 96–99.
4. Чжоу Лу. История и перспективы пушкиноведения в Китае // Новый мир. – Вып. 7. – 2020.
5. http://m.sohu.com/a/208860317_488478/?pvd=000115_3w_a
6. <https://www.zhihu.com/>

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

ДМИТРИЙ ПОПОВ

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ПЕРЕВОДУ С САНСКРИТА

Задачей переводчика было переложить на русский язык основные трактаты веданты и йоги (в первую очередь «Бхагавадгиту» и «Браhma-сутру») в максимально полном соответствии с их общей смысловой конструкцией, обладающей сложной (но при этом абсолютно стройной и ясной) объёмной структурой и изобилием перекрёстных и перекликающихся смысловых взаимосвязей. Следовало также отойти от простого следования уже сложившимся вариантам словоупотребления и, в силу доступных филологических возможностей, постараться сконструировать на базе русского языка нечто подобное достигаемому в этих трактатах на языке оригинала.

Ибо как невозможно создать литературу, пользуясь разговорной речью без формирования на её основе именно литературного языка и невозможно развивать какую-либо науку без формирования особого языка этой науки, так же невозможно и создать духовную философию без системного формирования её особого языка (прежде всего строгой терминологии) на основе разговорного и литературного. Именно таким образом когда-то на основе языка древних ариев был постепенно сформирован индийский санскрит (ведический, эпический и, наконец, классический).

Для адекватного переложения корпуса текстов индийской философии на любой из других индоевропейских языков переводчики просто обязаны исходить из необходимости применения словотворческого процесса, аналогичного используемому в санскрите, для постепенного вырабатывания собственной терминологии и словоупотребления, адекватных кругу понятий и идей веданты и йоги.

Старания вогнать обширный круг идей из совершенно особой области интеллектуальной деятельности в прокрустово ложе языка с ещё не выработанными нужными слово- и фразоформами естественно обре-

чены на провал. Попытки же выйти из положения путём насыщения текста якобы непереводимыми словами из языка оригинала являются столь же несостоятельными по двум причинам. Во-первых, эти чуждые сознанию читателя слова превращаются для него во всего лишь условные ярлычки для только условно понятых и вовсе не прочувствованных и неосознанных понятий, что ведёт к существенному сужению возможностей и искажению базовых представлений. Во-вторых, на этом пути переводчик просто вынужден сказать себе «стоп» в каком-то произвольно выбранном месте и провести границу между теми словами, которые он оставляет без перевода и теми, которые всё же переводит. А учитывая то, что вся специальная терминология любого языка основана на самых простых его словах и базовых корнях, то переводчик вынужден в отношении одного и того же слова в каких-то случаях оставлять его в качестве непереводимого термина, а в других переводить в его основном значении. В результате же это просто рвёт единый комплекс смыслов любого трактата.

К сожалению, в России уже сложилось часто повторяемое совершенно ошибочное и исключительно вредное утверждение о непереводимости санскритских терминов на русский язык. И это в то время, когда, благодаря принадлежности к одной языковой семье эти языки имеют изрядный набор общих и аналогичных базовых корней при совершенно разных механизмах слово- и фразообразования. Благодаря этому санскритские термины прекрасно переводимы, если не путаться в лабиринтах исторического словоупотребления, а брать корневые смыслы, из которых потом всё это словоупотребление благополучно вытекает. А добросовестно переведённый термин передаёт русскоязычному читателю базовый смысл заключённой в нём идеи (понятия), что предоставляет ему возможность реального понимания и запуска собственного мыслительного процесса, ради чего только и стоит читать великие тексты.

Что же касается передачи смысла текста, как такового, то добросовестный переводчик трактата индийской философии всегда вынужден выбрать какой-то определённый уровень прочтения: обыденно-жизненный, религиозный, философский... Так, в данном случае он старался строго держаться того уровня смысловой передачи, который, с одной стороны, всецело отвечает теории классической веданты, а с другой – традиционной практике йоги.

Содержательный стиль данного опыта перевода продолжает линию отказа от неоправданного увлечения использованием санскритской терминологии и перехода на русскоязычную (А. А. Каменская, И. В. Манциарли, В. Г. Эрман). Переводчиком разработана и использована целостная система переложения на русский язык всего базового комплекса санскритских терминов, основанная на корневых смыслах и словоупот-

реблении, сложившемся в русской духовной культуре.

Ни в коей мере не будучи санскритологом, переводчик был бы не в силах совершить этот труд без помощи такого энтузиаста, как создатель веб-сайта «Осознание Единства – Buddhi Yukta»¹ Н. Лебеденко, который оказал ему бесценную помощь в задаче пословного разделения текста, определения исходных слов и формы использования каждого из них (число, род, падеж, склонение, спряжение и пр.), а также словарных статей по каждому из основных словарей. То же относится, разумеется, к «Веданта-сутре» и упанишадам. Поэтому переводчик приносит этому замечательному человеку свою самую сердечную признательность.

СЛОВАРЬ ЗНАЧЕНИЙ ИМЁН И ПРОЗВАНИЙ²

Анагха	Безупречный.
Арджуна	Светлый.
Арисудана	Благородный Вершитель.
Ачьюта	Нерушимый.
Бхарата	Жертвователь, Жертвенный (жрец, огонь, актёр); имя легендарного царя-мудреца, объединившего арийские племена Индостана (затем отказавшегося от трона ради монашеского отшельничества).
Бхаратасабха	букв. Всекормилец (всеобщий кормилец, всежертвователь). См. также <i>Bharata</i> .
Варшней	(букв. Могучий) – из рода Вришни, родовое имя Кришны.
Васудэва	(Светозарный Дух, Наивысший Бог; васу – светозарный, совершенный, наивысший, класс небесных божеств; дэва – небожитель, божество). 1) Наивысшее Существо, Великий Дух Вселенной, то же, что Маха-Атман, или Пурушоттама; 2) почётное прозвание Кришны, как потомка великого царя народа ядов по имени Васудэва.
Говинда	(букв., покровитель, защитник коровьих стад, как основы благополучия древних скотоводов ариев, или, в другом прочтении, всего мира как таткового) – Покровитель, Защитник.
Гудакеша	Густовласый. Символически: Многомысленный. Это прозвание служит образом полноты, но неупорядоченности мыслей и чувств. В «Бхагавадгите» используется применительно к Арджуне в начале его беседы с Кришной, чтобы подчеркнуть смятённость его ума и чувств.
Джанардана	Благодатный.
Дхананджая	Меткий Стрелок, или Стрелок Попадающий [в цель], то есть лучник, попадающий в цель; в другом прочтении: завоеватель благополучия; в йоге означает также огонь, как особую духовную прасилу (прану), питающую душу и тело, откуда возможно прочтение – Пламенный, Молниеносный.
Камалапатракша	(букв., имеющий глаза, подобные лепесткам лотоса) – Лотосоокий, эпитет Вишну.
Каунтея	Сын (царицы) Кунти, прозвание Арджуны и остальных братьев Пандавов.
Кешава	Владыка Ума; букв. Покоритель (демона) Кеши (Косматый), олицетворяющего буйство необузданного ума. (То же, что <i>Кешинисудана</i> и <i>Хри-</i>

¹ См.: <http://www.yukta.org/>

² Здесь и далее употребление прописных букв находится в строгом соответствии с концепцией автора. (Прим. ред.).

	<i>шикеса).</i>
Кешинисудана	Покоритель Ума, букв., демона Кеши (Косматый), олицетворяющего буйство необузданного ума (то же, что <i>Кешава и Хришикеша</i>).
Кирити	Венценосец, рождённый с короной на голове.
Куру	Вершитель, Деятельный; представитель племени и рода (династии) Куру.
Курунандана	Радость Несущий, Носитель Радости; в общепринятом прочтении: радость, отрада племени и рода (династии) Куру.
Курусаттама	Добродетельный; в другом прочтении: лучший, правильный, добродетельный из племени и рода (династии) Куру.
Курушрештха	Славный, Великий; в общепринятом прочтении: лучший из рода Куру, славнейший из рода Куру.
Махабаху	Долгорукий.
Мадхава	Владыка Весны, Приносящий Весну.
Мадхусудана	Смиритель Безумия (ложного «я»); букв., Победитель (демона) Мадху (букв., Безумный), олицетворение погони за пустыми удовольствиями и тщеславия.
Пандава	Сын царя Панду; букв. Светлокожий.
Парантапа	Усмиритель (в одном прочтении – Покоритель Врагов, а в другом – Великий Подвижник, то есть покоритель собственной телесной природы).
Партха	Последователь, Последовательный, Следующий; формально считается возможным прочтение: Сын царицы Кунти, матери Пандавов, носившей прозвание Притха.
Савьясачин	Обоерукий (букв., леворукий, то есть одинаково хорошо владеющий обеими руками).
Хари	(букв., яркий, ярый: красно-жёлтый, рыжий, гнедой, золотой; откуда применимо к коню, льву, Солнцу и пр.) – Ярила, как наивысшее божество, источник божественного Света: с одной стороны, жизнедательного, а, с другой, рассеивающего любое невежество и заблуждение. Отсюда происходит одна из наиболее употребительных мыслеформул «Хари Ом» и вера индузов, что повторение именно этого имени бога Вишну ведёт к освобождению и просветлению. Отсюда это прозвание толкуется также как Покоритель Природы.
Хришикеша	Владыка Ума; от образа гладких и причёсанных волос-кеша, как символа обузданного ума и чувств (то же, что <i>Кешава</i> и <i>Кешинисудана</i>).

ИЗ СТАРШИХ УПАНИШАД

Для перевода и публикации выбраны три из наиболее философски важных, кратких и литературно красивых трактата.

ОТКРОВЕНИЕ ЕДИНОЗВУКА Мандукья-упанишада (Веденье заклинаний, или Атхарва-веда)

Мандукья – буквально «лягушачья». Относится к одной из школ веданты и йоги, название которой идёт от особой техники созерцания. Так, существует несколько приёмов, позволяющих практикующему легче абстрагироваться от внешних ощущений; и один из самых эффек-

тивных – это погрузиться в воду подобно лягушке, расслабившись и оставив над поверхностью только ноздри и глаза, достигнув, таким образом, состояния, близкого к невесомости. Значение этой упанишады чрезвычайно высоко оценивается во множестве других ведических трактатов. Так, «Муктика-упанишада» утверждает, что полного освоения «Мандукья-упанишады» уже достаточно для обретения освобождения.

...АУМ... – Непреходящий Слог этот и есть Это всё.

Вот его изъяснение: прошлое, настоящее и будущее бытие слитно суть звучание ...АУМ...

Как и всё, что вне трёхвременья – тоже звучание ...АУМ... [1].

Ибо всё Это суть Абсолют. И сам Дух – Абсолют, этот Дух о четырёх опорах [2].

Первая основа – всепроявленность – состояние бодрствования, семеричное постижение внешнего, девятнадцатиличая телесность [3].

Вторая основа – светозарность – состояние сна, семеричное постижение внутреннего, девятнадцатиличая субъективность [4].

Когда же спящий пребывает вне всякой страсти и созерцания грёзы, он в глубоком сне.

Это всепокрывающая основа, вкушающая осознанность с лицом самосознания, – состояние глубокого сна, индивидуализированное существование, всеосознанность, чистое блаженство ради блаженства [5].

Это Единый Владыка. Это Всеосознание. Это Внутренний Управитель. Это всеобщее лоно, безусловное начало и конец существ [6].

То – Дух. То должно воспринять [7].

То, этот Дух, применительно к слогу ...АУМ... – неисповедимая основа, вмещающая исповедимые опоры: звук А, звук У, звук М [8].

Состояние бодрствования, всепроявленность – звук А – первое исповедимое, первичное достижение, или надёжное и полное овладение Началом желаний и, таким образом, ведение этого бытия [9].

Состояние сна, светозарность – звук У – второе исповедимое, следующее достижение, высшее и полное овладение обеими сторонами самопроявления, слиянное познание и невещественное бытие Творца, и, таким образом, ведение этого бытия [10].

Состояние глубокого сна, осознанность – звук М – вступление в завершающее исповедимое знание, или поистине преодоление его и всецело погружение и, таким образом, ведение этого бытия [11].

Неисповедимое четвёртое – недеянное, проявлением нетревожимое, счастливонеделимое, ибо звучание ...АУМ... и есть Дух, – слияние с Духом и, таким образом, ведение Духа [12].

ОТКРОВЕНИЕ О ВЛАДЫКЕ
Иша-упанишада,
или
ОТКРОВЕНИЕ ПОЛНОВЕДЕНИЯ
Веданта-упанишада
(Веденье жертв, или Яджур-веда)

Эта упанишада считается одной из наиболее авторитетных и является одним из наиболее часто толкуемых и комментируемых текстов. Именно она начинает каноническое собрание из 108 упанишад Муктика.

АУМ... Полно и То, полно и Это.
От полного полное и исходит,
полным полное исполняется.
Полнота лишь и пребывает.
АУМ... Покой... Покой... Покой...

* * *

Владыкой исполнено Это – всё, что ни есть только сущего в мире живом. Так оставь вожделенье любое и жажду добычи [1].

Свершающий так в этом мире дела свои, хоть бы жил ты сто лет, не совершишь ты ошибки, оставаясь судьбой незапятнанным Духом [2].

Тёмными именуются те миры, что окутаны слепотой помраченья, коими и в грядущем следуют те существа, что отринули Дух [3].

Неизменный, единый, быстрее разума, безоблачный, простёртый изначала, неуловимый – стремительнее он любых других идущих. В деянье пребывает он, Прасилой утверждённом [4].

Он движется и недвижим, далёкий он и самый близкий, внутри он этого всего и он же вне всего [5].

И потому, кто в Духе сознаёт все существа, и Дух – во всех существах, тот больше не страшится [6].

Когда Дух вмещает все существа, обретая второе рождение, то какое же помрачение и какое горе может быть для прозревшего всеединство? [7] Он следует ясному, невещественному, безупречному, бестелесному, праведному, недоступному скверне, всеведущему, всепостигающему, вездесущему и поистине самосущему, кто и распределяет предназначения во все времена [8].

В глухую помрачённость впадают предающиеся неведению. А с другой стороны, словно ещё больше помрачаются те, кто очарован познанием [9].

Поистине, из ведения проистекает одно, а из неведения – другое, согласно мудрым, самоотождествившимся с Ним в восприятии [10].

Но кто постигает и ведение, и неведение в их слитности, тот, неведением смерть одолевая, ведением достигает бессмертия [11].

В глухую помрачённость впадают предающиеся небытию. А с другой стороны, словно ещё больше помрачаются те, кто очарован бытием [12].

Поистине, из бытия проистекает одно, а из небытия – другое, согласно мудрым, самоотождествившимся с Ним в восприятии [13].

Но кто постигает и проявление и исчезновение в их слитности, тот, исчезновением смерть одолевая, проявлением достигает бессмертия [14].

Золотым покровом скрыт лик Действительного. Его, о Владыка, открай утверждённому в истинной Правде [15].

О Владыка, Единомудрый, Колесничий, Солнце, Первородный, натяни поводья, сосредоточь ярость. Тот твой облик прекраснейший, что созерцаю как Субъект, то есть Я [16].

Ветру жизни нет смерти за испепелением тела. ...АУМ... Устремлённый, помни достигнутое, помни! Устремлённый, помни достигнутое, помни! [17]

О дивный, пути ведающий Агни, веди нас верными стезями, каждого к своему Я. Отврати нас с кривых дорог, со всей преданностью прибегаем к тебе [18].

ОТКРОВЕНИЕ ИСТОЧНИКА Кена-упанишада (Веденье песнопений, или Сама-веда)

В каноне Муктика эта упанишада стоит на втором месте. Её название происходит от слова «кена», что значит «кто» или «кем». Так как она является частью «Талавакара-брахманы», её также называют «Талавакара-упанишадой».

I

...АУМ...

Чем выпущенный и движимый летит разум? С чем связано явленье изначальной жизнесилы? Кем испущено исповедимое слово? Каким же богом дарованы нам зрение и слух? [I.1]

Те же, кто поистине отстранился от любого слышания слуха, мышления разума, словесной речи, мощи жизнесилы, те мудрецы, оставляя этот мир, становятся бессмертными существами в мире ином [I.2].

Туда не проникает взгляд, это недоступно ни слову, ни разуму, безначально, как и ни в коей мере неизъяснимо [I.3].

Эти небеса вне изведенного, и более того – выше неведомого. Так древ-

ние услышали и передали нам [I.4].

Знай: то, что не выражимо словом, но изливается в слово, это и есть Творец (Абсолют), а не то, что почитают за него здесь [I.5].

Знай: то, что не мыслимо разумом, но движет мыслью, это и есть Творец (Абсолют), а не то, что почитают за него здесь [I.6].

Знай: то, что не зrimо взгляду, но даёт прозрение взгляду, это и есть Творец (Абсолют), а не то, что почитают за него здесь [I.7].

Знай: то, что не слышимо слухом, но даёт слуху саму способность внимать, это и есть Творец (Абсолют), а не то, что почитают за него здесь [I.8].

Знай: то, что не подлежит мощи жизнесилы, но даёт мощь жизнесиле, это и есть Творец (Абсолют), а не то, что почитают за него здесь [I.9].

II

Если ты считаешь, что воистину познал вышесказанное, то ты действительно слегка приблизился к природе Творца всего того для всего этого. Но этого далеко не достаточно как для тебя, так даже и для небожителей. И всё же, это должно быть осмыслено каждым, кто считает себя многознающим [II.1].

[Подвизающийся:] Я не считаю себя таким уж многознающим, как и не сведущим в познании. И каждый из нас знает то, что ему ведомо, и не знает того, что неведомо [II.2].

Должно стараться постигать невоспринимаемое. Постигающий неведомое проникает в непознанное, познавая непроницаемое [II.3].

Постигнутое в воссоединении сознания приносит бессмертное осознание. Ибо духопознанием, познанием самой силы познания, познаётся бессмертие [II.4].

.....
[Третья часть трактата и начало четвёртой посвящены изложению чисто мифической истории о явлении Творца-Брамы перед божествами этого мира и их безуспешных попытках понять, «что это за дух»].

IV

В наставление ищущим этого: это постигается уединённо и вмещается так же. Это относится даже к небожителям [IV.4].

Итак, изначальный Дух – это то, что равно движет здесь и разумом, и твёрдой памятью, и волей [IV.5].

Воистину Он порождает, и Он является предметом устремления. А являясь целью устремлений, Он тем самым реализует познание, к коему и стремятся все существа [IV.6].

Вот поистине откровение о Творце [IV.7].

Итак, подвижничество, самообладание, свершение суждённого – его опоры; познание – тело; истина – прибежище [IV.8].

Познавший Это освобождается ото всякого зла, навечно утверждаясь в мире наивысшего Света. Утверждаясь [IV.9].

Перевод ссанскрита Дмитрия Попова

СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

<i>Абхьяса</i>	практика, повторение.
<i>Авьябхикара</i>	прозрение безошибочности, праведности.
<i>Авьякта</i>	незримое, непроявленное, абстрактное, неисповедимое, трансцендентное, сверхопытное.
<i>Авьяя</i>	Нерушимое, Нетленное.
<i>Адвайта</i>	нераздельность, цельность.
<i>Ади</i>	Начало, Источник.
<i>Адитьи</i>	Светозарные.
<i>Адистана</i>	Первооснова.
<i>Адхикарика</i>	призвание, судьба.
<i>Акаша</i>	пространство (по контексту возможно значение: эфир).
<i>Акишара</i>	Единое, Неделимое.
<i>Амрита</i>	нектар бессмертия.
<i>Антахкарана</i>	сознание (единое сознание).
<i>Атма</i>	индивидуализированный Дух, или «Я», Высшее Я, Истинное Я. См. также <i>Атман</i> .
<i>Атмабудхи</i>	Духо-Сознание.
<i>Атман</i>	Дух, Единый Дух (Дух с прописной буквы читатель вынужден толковать как Высшее Я или Единый Дух по контексту перевода, как впрочем, и читающий в оригинале).
<i>Ахамкара</i>	1) эготворец; 2) это, самоосознание, самость, индивидуализированность.
<i>Ахимса</i>	невреждение, невредительность.
<i>Бала</i>	личная сила.
<i>Брама</i>	Творец.
<i>Брамин</i>	служитель.
<i>Брахмачарья</i>	воздержанность.
<i>Брахмо</i>	Абсолют.
<i>Буддхи</i>	сознание (высшее), пробуждённость.
<i>Буддхи-йога</i>	воссоединение через осознанность (осознанание).
<i>Бхавана</i>	осуществление.
<i>Бхагаван</i>	Благословенный.
<i>Бхакти</i>	преданность.
<i>Бхуты</i>	существа.
<i>Вайшья</i>	простолюдин.
<i>Вайю</i>	Веятель.
<i>Варуна</i>	Властитель Вод.
<i>Ведавид</i>	прозревший исповедимое.
<i>Веды</i>	Священные Писания.
<i>Веданта</i>	полноведение.
<i>Виджнана</i>	осознание.
<i>Виджняна</i>	чувствознание, мудрозвнание.
<i>Видья</i>	познание, постижение.

<i>Вишну</i>	Вдохновитель.
<i>Вьяпадеиша</i>	Слово-Учение.
<i>Гати</i>	путь, стезя.
<i>Гуны</i>	нити, нити бытия.
<i>Гухья</i>	тайна, сокровенное.
<i>Даршана</i>	прозрение, осознание.
<i>Деха</i>	тело (инструмент).
<i>Дехи, дехин</i>	воплощённый.
<i>Двайта</i>	раздельность.
<i>Джитаттман</i>	покорный Духу, покорённый Духом, духопослушный.
<i>Джнана</i>	познание.
<i>Джсъяна</i>	знание (как таковое), истина.
<i>Див</i>	небеса (огонь, свет, жар).
<i>Дхарма</i>	Правда.
<i>Дхарти</i>	установки (то же, что матрица-самскара).
<i>Дхьяна</i>	медитация, созерцание.
<i>Дэвы</i>	Небожители, Светозарные, Боги.
<i>Индрии</i>	силы (чувства, или силы восприятия, и силы действия).
<i>Ишвара</i>	Владыка, Мастер.
<i>Йог (йогин)</i>	воссоединяющийся.
<i>Йога</i>	воссоединение.
<i>Йога-майя</i>	Духотворчество.
<i>Кальпа</i>	Эпоха, Эпоха Миропроявления.
<i>Кама</i>	желание, вожделение.
<i>Карана</i>	Истинный Деятель, распорядитель, побудительный фактор.
<i>Карма</i>	1) деяние, деятельность; 2) судьба, призвание.
<i>Кродха</i>	отвращение.
<i>Крата-кртья</i>	осуществление, свершенье должного.
<i>Кха</i>	эфир.
<i>Кшатрий</i>	воин.
<i>Лобха</i>	неудовлетворённость.
<i>Локасамграха</i>	общеблагополучие мира.
<i>Майя</i>	Сила (проявления).
<i>Манас</i>	разум.
<i>Манава</i>	разумный (человек).
<i>Мантра</i>	мыслеформула.
<i>Ману</i>	Мыслитель.
<i>Махарииши</i>	Великомудрый.
<i>Махатма</i>	Великий Дух.
<i>Медхавин</i>	осознанный, самоосознанный.
<i>Мокша</i>	Освобождение, Избавление.
<i>Муни</i>	Мудрец, Мудрый.
<i>Мурти</i>	личность, обличие.
<i>Нади</i>	каналы света.
<i>Нара</i>	человек.
<i>Нирвана</i>	Безмятежность.
<i>Ньяя</i>	правильное, надлежащее, уместное.
<i>Папа</i>	несчастье.
<i>Пара-гати</i>	высшая стезя.
<i>Праджапати</i>	Прапородитель, Праотец Существ.
<i>Праджна</i>	Пра-Знание.
<i>Прадхана</i>	Правместилище.

<i>Пракрити</i>	Природа, Праматерь, Праматерия.
<i>Прана</i>	1) прасила; 2) жизнесила, ветер жизни.
<i>Прабху</i>	Сверхсущий.
<i>Прасада</i>	просветлённость, благодать.
<i>Пуруша</i>	субъект, самосознание (самоосознанное существо).
<i>Пурушоттама</i>	Сверхсознание, Сверхсубъект.
<i>Пхала</i>	плод, исход, результат.
<i>Раджас</i>	страстность.
<i>Рииши</i>	Святой Мудрец.
<i>Рупа</i>	форма, материя.
<i>Самадхи</i>	слияние.
<i>Сангха</i>	община.
<i>Санкальпа</i>	намерение, решимость.
<i>Санкхья</i>	логика, рассуждение.
<i>Сансара</i>	кругоблуждание (цепь перерождений).
<i>Сансиддхи</i>	совершенство, реализованность.
<i>Сан्यаса, сан्यама</i>	отстранённость, отрешённость.
<i>Саттва</i>	просветлённость, истинность, действительность, красота, гармоничность.
<i>Свадхьяя</i>	возглашение.
<i>Сиддхи</i>	1) Зрелость, Совершенство; 2) Совершенный, Реализованный.
<i>Смрити</i>	Память, Предание (Святое Писание).
<i>Тамас</i>	темнота, помрачённость, инертность.
<i>Танматры</i>	праэлементы и прачувства.
<i>Танас</i>	самообуздание, подвижничество, аскеза.
<i>Тат</i>	То.
<i>Татам</i>	Это.
<i>Таттва</i>	действительность, сущность, суть.
<i>Тъяга</i>	избавление, отказ.
<i>Упадеша</i>	Учение.
<i>Упадхи</i>	тело (признак).
<i>Упанишада</i>	Откровение.
<i>Чит</i>	самосознание, чистое сознание.
<i>Читта</i>	ум, внешний разум.
<i>Шабда</i>	Словозвук, Глагол.
<i>Шама</i>	умиротворённость, смижение.
<i>Шанти</i>	Покой, Мир.
<i>Шарира</i>	тело (носитель).
<i>Шастра</i>	разъяснение, заповедь.
<i>Шастравидхана</i>	Воля Свыше.
<i>Шива</i>	Освободитель.
<i>Шраддха</i>	чувство правды, правдовосприятие.
<i>Шри</i>	Пресветлый.
<i>Шри-Бхагаван</i>	Благословенный.
<i>Шрути</i>	Яснослышание, Откровение (Святое Писание).
<i>Шудра</i>	слуга.
<i>Шукха</i>	счастье.
<i>Юкта</i>	утвердившийся.
<i>Ягъя</i>	жертва, возношение.
<i>Яма</i>	Владыка Смерти.

ЭЛЕОНORA ПАНКРАТОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ КНУТА ГАМСУНА

Норвежский писатель, нобелевский лауреат, Кнут Гамсун (1859–1952) является автором не только многочисленных романов, новел, стихов, но также и значительного числа публицистических произведений. Диапазон их широк: от путевых заметок («В сказочном царстве», 1903), очерков о севере Норвегии – Нурланне, программных статей, посвящённых крестьянской культуре как основе человеческого бытия до текстов (их можно считать манифестами) о природе творческого процесса и провозглашению собственных эстетических принципов и творческих подходов.

Современный норвежский исследователь Ларс Роар Лангслет (1936–2016) в своём сборнике литературных эссе «Лисица или ёж?» (1995) следующим образом размышляет о творчестве писателя: «Самое удивительное у Гамсуна то, что и теперь его творчество производит впечатление такой же новизны и непосредственности, как и тогда, когда были созданы его книги, и что его читают повсюду, во многих уголках земного шара... В чём секрет, что ему дано прямо и непосредственно обращаться к всё новым и новым читательским поколениям? Я не нахожу лучшего определения этому явлению, нежели слово «магия», колдовская, завораживающая сила гамсуновской сказочной страны: однажды оказавшись в ней, ты будешь носить на себе её печать всю оставшуюся жизнь»¹.

Осознавая это, Лангслет справедливо утверждает: «...И, конечно же, переводчика ждёт нелёгкая работёнка: передать стиль Гамсуна – это на других языках невероятно трудно. Та стилистическая картина предстаёт перед читателями других стран неизбежно, совершенно иная у нас, так как только норвежцы способны в полной мере ощутить и местный колорит, и всю атмосферу. И если Гамсуну пришлось так долго ждать признания в некоторых странах, то это вполне могло быть по причине плохих переводов».

Учитывая это, на мой взгляд, переводить публицистику Гамсуна надо так же, как и художественные произведения автора, – очень эмоционально. Публицистические статьи Гамсуна, то что сейчас называют нон-фикшен, максимально близки его художественным произведениям.

¹ Цит. по Сб. «Мечтатели». – М.: ОГИ, 2006. С. 164. (Прим. пер.).

В них сходная, а порой и одна и та же образная система. (Конечно же, исключая пропагандистские, лежащие в одной плоскости, статьи, о которых подробно и недвусмысленно сказано в книге норвежского исследователя, профессора Туре Рэма «Кнут Гамсун. Визит к Гитлеру.»)¹

«Писать правдиво – это вовсе не значит писать объективно или, учитывая мнение обеих сторон, напротив, стремление к правдивости основано на бескорыстной субъективности» – таково «предисловие», вернее, предварительное замечание Гамсунна к собранию очерков «О духовной жизни современной Америки», 1889.

«Люди забыли Бога, всемогущий доллар, не сможет заменить его, а технические изобретения не удовлетворяют духовные потребности», так писал Гамсун в своих очерках, о «Новом свете». Гамсун подвергает сокрушительной критике почти все стороны жизни американского общества, включая культуру.

Статья «FESTINA LENTE» («Спеши медленней») имеет прямые связи с упомянутой ранее книгой очерков, хотя её тон более спокойный и взвешенный, в ней более глубокий и сконцентрированный анализ впечатлений, связанных с пребыванием автора в США в разные годы. Более зрелые размышления о человеке и цивилизации.

Есть свои ассоциативные связи у этой статьи Гамсунна с трилогией об Августе (цикл романов «о бродягах», людях, не имеющих корней), где описывается дух предпринимательства, поступь «прогресса», завоёвывающего и норвежскую провинцию в первые десятилетия XX века.

«В банк мы будем класть деньги, оттуда давать их взаймы и так зарабатывать друг на друге. Ведь известно: так поступают все на свете, значит, это правильно», – говорит проводник этих идей Август.

А вот отчаянно сопротивляющаяся патриархальность в лице жительницы маленького городка, где разворачивает свою деятельность Август: «Мать научила меня ткать», – упрямо твердит Паулина.

Всему этому, по мнению Гамсунна, противостоит восточная мудрость. Гамсун вспоминал, как во время его путешествия по Персии кучер разговаривал с конём как со старым товарищем, у него было на это время..., тамошний темп жизни позволял ему это.

Особый пласт в наследии Гамсунна составляют статьи, написанные в форме писем, такие, как статья «Крестьянину», в которой автор уверяет вымышленную девушку с простым именем Ханна и её отца (к которому непосредственно обращён призыв), вернуться домой в деревню и быть хозяйкой в семейной усадьбе, где всё родное: «дорожки и тропки в полях, сарай, кот и петух»...

«Письмо немецкому переводчику» (1908) – это рассказ о себе как

¹ См. раздел «Новинки» в журнале «Переводчик» № 19, 2019, с. 251. (Прим. пер.).

о творческой личности, оно вызывает сопереживание именно как подлинно художественное произведение. Интересно отметить и то, что многие из статей в форме писем не были адресованы конкретному лицу и не печатались в качестве писем; их нет в полном собрании писем в шести томах («Гюльдендаль», 1994–2000). Они публиковались в сборниках статей.¹

Это условное письмо воспринимается как статья, новелла. Как средоточие, воплощение гамсуновского лиризма и романтизма. Автор называет себя «дитя на зелёных лужайках среди гор и лесов», где он встречал тогда разных зверей и птиц, которые стали ему «знакомцами на всю оставшуюся жизнь». Море также составляет для него «неотъемлемую часть природной стихии»: «...Дом мой был на берегу Западного фиорда, а фиорд выходил прямо на просторы Атлантического океана».

Как важно найти правильный тон и ритм в таком повествовании, в этой крошечной автобиографической новелле, где важно не столько описание творческого опыта, а, скорее, ощущение писателем своего единства с природой, истоки которого лежат в детских впечатлениях!

Тут для переводчика важен не только выбор слов (например, «дитя», а не ребёнок, мальчик, мальчишка и т. д.), важна общая мелодия, ритм повествования. Перед нами камерное произведение, сходное с романами от первого лица (*jeg – formen* – в норвежской терминологии) отличное от его многоголосных романов, где звучат как в едином хоре или симфонии голоса многих персонажей...

При этом «колдовская», завораживающая сила гамсуновской прозы остаётся для нас загадкой, как природа творчества, как сама человеческая жизнь...

НОБЕЛЕВСКАЯ РЕЧЬ КНУТА ГАМСУНА

Дамы и господа!

Я тронут и взволнован вашим вниманием к моей персоне! Это ваше внимание к моей персоне смущает меня. Высказанное вами отношение ко мне настолько возвысило меня, что я оторвался от земли и теперь парю в небесах вместе с этим великолепным залом. Я просто потрясён свалившимися на меня сегодня вечером почестями и богатством, а от последнего приветствия у меня прямо-таки выросли крылья.

Это приветствие заставило меня вспомнить, как когда-то в молодые годы я уже переживал нечто подобное, был на гребне волны. И сей-

¹ Artikler (1889–1929) ved Francis Bull. – Oslo, Gyldendal, 1972.

час меня искушает желание заявить: всё, что ни делается в жизни, – всё к лучшему.

Но боюсь, что это может показаться неуместной попыткой изрекать банальные сентенции в столь высоком собрании, где веское слово уже было произнесено учёными мужами. Я полагаю, что сейчас мне следует от лица моей родины выразить благодарность Швеции и самой Шведской академии, за оказанную мне честь. Моя голова склоняется под бременем высокого отличия, и я горжусь тем, что Академия поверила в крепость моей шеи, её способность нести это почётное бремя. Свои книги я пишу, опираясь на крупицы мудрости, дарованные мне свыше, при этом я учился у многих, в том числе и у современных шведских лириков. И если я и вправду достиг чего-то на литературном поприще, то мне в ответ на произнесённые здесь похвалы следовало бы пообещать идти дальше, вперёд, чтобы соответствовать высоким словам, сказанным в мой адрес. Но, пожалуй, это может обернуться бахвальством и пустословием. Я уже не молод и не могу отважиться обещать что-либо подобное.

Самое моё большое желание в этом сияющем огнями зале, среди этой блестательной публики, это подойти к каждому из вас с цветами, стихами и подарками, снова стать молодым и быть на гребне волны. Ради этого великого события мне хотелось бы ещё раз, в последний раз, побывать молодым, но я не осмеливаюсь на это, чтобы не показался карикатурно смешным. Я купаюсь в богатстве и почестях здесь в Стокгольме, но мне не хватает одного, единственного самого важного – это молодости. Никто никогда не старится настолько, чтобы не помнить, что такое быть молодым. Мы должны уступать дорогу молодым, и мы делаем это с чувством достоинства. Независимо от того, как следует мне поступить теперь, независимо от того, что лучше, я поднимаю бокал за шведскую молодёжь, за молодёжь повсюду, за всё молодое в жизни!

FESTINA LENTE¹

В последние годы многие люди из Европы и отчасти из Америки обращались ко мне с просьбами сочинить некую мудрую сентенцию, девиз, с которым человек мог бы идти по жизни. Каждый раз я думал: «Господи, и эти тоже считают меня мудрецом, но тогда уж, к чему продолжать скрываться, я обнаружен!»

Конечно же, я лишь один из многих, к кому обращаются с подобными просьбами. В новейшее время с тем же самым обращались к таким учителям человечества, как Кант, Гёте, Дарвин, Толстой. А теперь,

¹ FESTINA LENTE – спеши медленней (*лат.*). (Прим. пер.).

когда этих великих пророков уже нет среди нас, обращаются к менее великим – а таковых в своё время тоже было много, их было двенадцать. Но чтобы обращаться ко мне?! Ведь я сам чувствую себя неуверенно, не знаю, как жить, и каждый божий день вопрошаю об этом и море, и ветер, и звёзды. Есть на свете другие, у кого больше мыслительных возможностей и они изобретают один рецепт существования за другим. Для Бергсона это был интуитивизм, для Эйнштейна – теория относительности, у меня же нет ничего за душой, никакой эрудиции. Я – невежда, у меня нет даже школьного аттестата. Так я и живу здесь, крестьянин на своей земле, *innocent abroad*¹. Сентенция, девиз, которому можно следовать в жизни? В античности была поговорка, любимая Августом: "Festina lente". Обращения ко мне свидетельствуют лишь об одном: о всеобщей растерянности среди людей. Все мечутся вслепую, не ведая покоя. Люди забыли Бога, всемогущий доллар не сможет заменить его, а технические изобретения не удовлетворяют духовные потребности. Тупик. В этих условиях одна лишь Америка набирает скорость. Ничто не остановит её, она устремляется вперёд, она прокладывает себе путь. Свернёт ли Америка с пути? Да ни за что на свете! Она лишь увеличит скорость во сто крат, закрутив в ураганном вихре и раскалив добела жизнь всей планеты. Сейчас в Европе в ходу слово «американизация», а в старые времена говорили: "Festina lente".

Безоглядное расходование энергии не есть признак силы. Сила истощается, и так или иначе наступит день, когда она иссякнет совсем и останется рассчитывать лишь на внутренние ресурсы. Такие древние народы, как ассирийцы и вавилоняне, истощили свои силы и внутренние ресурсы и погибли.

Мне сдаётся, что восточные народы всегда отличала исключительная нравственная мудрость. Ещё с древнейших времён им всегда был присущ дар наслаждения жизнью, они всегда улыбались, глядя на безудержную суetu европейцев, и наклоняли голову в задумчивой созерцательности, они умели довольствоваться тем, что есть. Совсем недавно газеты опубликовали историю о самолёте, совершившем вынужденную посадку в пустыне. Жители оазиса Сисдиокба заметили гигантскую птицу, промелькнувшую в небосводе, потом приблизились к тому месту, куда она села, постояли в задумчивости, покачали головами, но так и не произнесли ни единого слова. Какая-то мёртвая птица, которая никогда и не была живой. Лётчики ожидали совсем другого приёма: безграничного удивления, преклонения перед чудом техники. Ничего подобного не произошло. Тогда они решили покрасоваться, принялись рассказывать, сколько часов они пробыли в воздухе, вот теперь починят

¹ *Innocent abroad* – простаки за границей (англ.). (Прим. пер.).

свою птицу и снова поднимутся в воздух. Туареги¹ произнесли несколько вежливых слов в знак приветствия и хотели удалиться. Для лётчиков это было полной неожиданностью, они думали, что перед ними падут на колени, польётся поток восторженных слов из уст аборигенов, они жаждали покорить этих детей пустыни. Местный шейх выразил свое сомнение в целесообразности подобного изобретения, сама идея этого путешествия вызвала у него недоумение, стоит ли тратить столько «душевных сил» на подобное.

Вполне закономерно, что его слова не произвели ни малейшего впечатления на лётчиков, для них это был глас вопиющего в пустыне. А ведь уже за два поколения до этого был Джон Стюарт Милль². Любопытно, что бы сказал Джон Стюарт Милль сейчас? Разве сенсации так уж необходимы для нашего обыкновенного земного существования? Туареги вполне могли обходиться без них. Мы ставим рекорды в воздухоплавании, автомобильных гонках, в кулачных боях, мы воем от восторга, приветствуя героев, совершивших перелёт через Атлантический океан, и возвращаемся домой, опустошенные после пережитого возбуждения. Французский канатоходец Блондэ уже в 1860 году прошёл на ходулях по проволоке, натянутой над пропастью Ниагарского водопада. В подобных сенсационных поступках проявляется мужество, личная инициатива, честолюбие, но то, что мы выражаем восторг по поводу диких глупостей, пусть даже выдаваемых за подвиги, отнюдь не свидетельствует о нашем душевном равновесии. Мы проявляем тем самым причастность цивилизации, но никак не культуре. Дело обстоит следующим образом: мы идём по пути цивилизации, всё больше и больше цивилизуемся, но теряем в духовном развитии. Во время боксерских матчей мы полностью разоблачаем себя, когда выражаем дикий истерический восторг тому молодчику, который причинит больший ущерб сопернику. Когда бесстрашный, самый безрассудный лётчик Линдберг возвратился после своего перелёта через Атлантический океан, одна американская газета заявила, что его следует избрать президентом свободных Штатов. Этот молодой человек принадлежит к славному древнему народу, он сам отверг эту идею; да, он действительно популярная личность, умело управляет машиной, его имя у всех на устах, но стать президентом величайшего и могущественнейшего народа? Если подобная мысль может возникнуть и беззастенчиво обсуждаться, уместно ли тут вообще говорить о культуре?

¹ Тауреги – один из народов северной Африки. (Прим. пер.).

² Джон Стюарт Милль (1806–1873), английский философ, экономист и психолог высказывал сомнение в том, что великие технические открытия способны облегчить бремя человеческого существования. (Прим. пер.).

Один американский писатель, живущий в Нью-Йорке, поместил в крупной датской газете «Политикен» статью о визите короля, о посещении им старинной норвежской столицы – Тронхейма. Он насмехается над тем, что жители Тронхейма могут быть настолько поглощены столь несущественным событием, как приезд короля, и, возможно, он прав. Между тем, в мою бытность в Соединенных Штатах я стал свидетелем настоящего ажиотажа при посещении президентом гораздо меньшего городка, нежели Тронхейм, городка, у которого к тому же за плечами не было тысячелетней истории. Но это не важно, я не придаю этому особого значения. Не в пример этому писателю, который вздумал иронизировать над неказистым видом королевской резиденции в Тронхейме и над стилем городской застройки в целом – над тем, о чём бы ему лучше помолчать. В Тронхейме находится удивительный готический кафедральный собор, самый крупный в Скандинавии архитектурный шедевр, равного которому в Америке нет и никогда не будет. Ну а что же можно сказать о королевской резиденции? Это не какой-нибудь небоскрёб, а просторный дом, прекрасно обставленное и оборудованное для жилья, самое большое в Северной Европе деревянное здание. Уже одно то, что оно построено из разных пород дерева, прочных, как кирпич, заслуживает внимания. Наверняка этот американский писатель являл собой, как принято говорить, образованного человека, учился в лучших учебных заведениях своей страны, усвоил необходимую сумму знаний, он человек цивилизованный, ему и в голову не могло прийти, что в его знаниях есть пробелы. Между тем у него отсутствует ощущение современности и духа прошлого, «патины времени». Наш писатель не заходил внутрь королевской резиденции, по его словам, внутреннее убранство его не интересовало, а жаль: там бы он увидел не мишурный блеск, а скромную изысканность. Ведь в целом стиль всей старинной деревянной архитектуры Тронхейма – свидетельство высочайшей культуры.

2

Но, может, я сам сплетничаю по поводу Америки или глумлюсь над этой страной? Ничего подобного, для этого у меня нет никаких оснований. До самой смерти я буду с благодарностью вспоминать все то, чему я научился, побывав там дважды. У меня сохранилась масса хороших, чудесных воспоминаний. Я имею в виду и американскую нацию как таковую, и сам образ жизни американцев.

Мне хочется отметить всегдашнюю готовность американцев прийти на помощь, их способность к сочувствию, их щедрость. Я просто не в состоянии, находясь здесь, оценить должным образом кого-нибудь вроде Рокфеллера, Карнеги или Моргана, их пожертвования

столь значительны, что я просто не знаю, как их измерить. Я говорю сейчас о готовности простых американцев прийти на помощь, с какой я сталкивался в обыденной жизни. Когда нужно, американцы откликаются немедленно и делают доброе дело, не думая ни о какой выгодае. Однажды я обратился с просьбой о пожертвовании на покупку книг для маленькой норвежской колонии близ того города, где я работал. Всё прошло просто замечательно: д-р Бут сделал первый взнос, а потом его примеру последовали и многие другие, в конце концов, я сам был вынужден их останавливать. Как-то мне довелось работать у небогатого фермера-ирландца, у которого случился пожар и сгорел дом. И тогда на помочь ему поспешили все соседи, и дальние, и близкие, они не только помогли потушить огонь, они выстроили ему новый дом! Мы все могли спокойно продолжать работать на полях, а когда дом был готов, просто поблагодарить за это благодеяние и въехать в него. Наверное, меня можно извинить за то, что в этой связи я расскажу ещё одну сугубо личную историю. Случилось так в дни моей молодости, что я очутился в Чикаго, не имея средств, чтобы уехать оттуда. И тогда я написал краткое письмо одному очень известному в Америке человеку и попросил у него двадцать пять долларов, которые я не мог обещать, что верну. Отправился с письмом сам. Дорога была длинная, надо было идти до самых скотобоен; расспросив встречных, я нашёл, где помещалась контора моего адресата. Это было огромное убогое помещение, внешне походившее на сарай, в котором было полно конторских служащих. У входа стоял молодой человек, исполняющий обязанности вахтера, он взял моё письмо и направился с ним прямо на середину комнаты, где на возвышении сидел какой-то человек и работал с бумагами. Это и был Армур. Я стоял, не смея поднять на него глаза, меня мучил стыд, я боялся получить недвусмысленный отказ. С быстротой молнии вахтер вернулся обратно, он неожиданно вырос передо мной, протягивая двадцать пять долларов. Я не успел опомниться и по-идиотски спросил: «Это мне?» – «Да!» – улыбнулся молодой человек. «Что он сказал?» – спросил я. "Your letter was worth it"¹!

Я помялся, перебирая купюры, потом спросил: «Может, мне подойти и поблагодарить его?» Молодой человек произнёс с сомнением: «Да, можно, но вы помешаете ему». Я взглянул на мистера Армура, он не обращал на меня ни малейшего внимания и продолжал работать с бумагами.

Как-то, когда я работал на большой ферме в долине реки Ред-Ривер, мне довелось оказаться в такой ситуации: несколько работников, включая меня, были посланы на новый участок. По дороге один из нас

¹ 'Your letter was worth it" – ваше письмо стоит этой суммы (англ.). (Прим. пер.).

заболел, и мы были вынуждены оставить его в расположеннном на нашем пути маленьком городке среди прерий. Осенью, закончив работу, мы снова проезжали мимо этого городка и узнали, что наш больной товарищ теперь уже выздоровел, хотя и был ещё слаб; он за это время ничего не заработал, был без всяких средств к существованию и плохо выглядел. Разговаривая с ним, я вдруг почувствовал в своей руке пятидолларовую бумажку, через несколько минут ещё одну, а потом ещё и ещё – так все пришли на помощь больному товарищу.

Я мог бы добавить ещё великое множество примеров американской благотворительности, свидетелем которых мне довелось быть. Богатый американец обладает поистине большими средствами, но это и обязывает иметь сердце. А поскольку встречаешь добросердечие, отзывчивость сплошь и рядом среди простых американцев, не имеющих состояния, то это уже свидетельствует о черте национального характера. И для нас, европейцев, в таком случае совершенно не понятна поразительная жестокость, заметная в некоторых государственных акциях со стороны Америки: я имею в виду жёсткие таможенные барьеры, беспощадность во взыскивании военных долгов с европейских стран. Как дилетант, обыватель, я рассуждаю следующим образом: да, в настоящее время благодаря своей финансовой политике Америка богатеет, как никакая другая страна; но возникает вопрос: а что же она создает всё-таки для будущего, для грядущих поколений? Америка, как и любая другая страна на земном шаре, не может жить в одиночку. Америка – это ещё не весь мир. Америка – это только часть мира и должна сосуществовать со всеми другими странами.

Если бы сейчас в моём распоряжении было больше газетной площади, я рискнул бы в нескольких строчках выразить своё дилетантское мнение о сегодняшнем состоянии духовной жизни Америки. Современное её состояние и то, которое я застал в восьмидесятые годы, разнятся, как небо и земля. Духовная жизнь здесь всегда бурно кипела, её всегда характеризовал размах, обусловленный большими экономическими и интеллектуальными возможностями, но в наши дни во всех областях знаний Америка достигла таких вершин, что стала признанным лидером. По вполне понятным причинам я могу высказать лишь то суждение, которое у меня сложилось в результате знакомства с прессой и литературой, мнение, которое разделяют многие в Европе. Искусство в теперешней Америке – предмет особого внимания, живопись многообразна и талантлива, литература процветает, особенно роман, созданные здесь молодым поколением писателей образцы именно этого жанра поражают свежестью и новизной по сравнению с тем, что имеется в других странах, это пример для подражания в Европе. Ощутимо влияние Шопенгауэра, так же, как и Ницше, но есть и вполне оригинальные ду-

ховные лидеры в американской культуре, такие, как глава прагматизма в философии Уильям Джеймс¹. Если бы в моём распоряжении было бы больше газетной площади! Я бы поведал о чудесных ребятишках и об американских женщинах, являющих собой самый очаровательный женский тип на нашей земле. В молодости я искалесил полмира, встречал представительниц всех рас, но нигде я не сталкивался с образцами такой совершенной красоты, как в городах на востоке Америки. Черты лица, каждый изгиб их тела, манеры, изысканность, кокетство – всё дышало красотой. А ведь мне, простому рабочему, не доводилось даже мельком взглянуть на представительниц привилегированных классов. То немногое газетное пространство, которое у меня осталось, я употреблю для выражения искреннего восхищения Соединенными Штатами за то, что они доказали всему человечеству, что такое честный пламенный труд. Америка трудится. Америка учит весь мир трудолюбию. Я не имею в виду участие в бешеной гонке с целью пробиться, да ещё, если надо, с пистолетом в руке; золотую лихорадку, суматоху на бирже. Я имею в виду среднего американца, у которого есть рабочие руки, да голова на плечах и который вполне умеет распорядиться ими. Но использует чесчур. Для американцев главное – труд, но в целом нация, народ работает прямо-таки с какой-то алчностью, в лихорадочном темпе. Я читал в автобиографической книге Генри Форда, что на своих заводах он устанавливал станки так близко друг к другу, чтобы рабочие делали ровно столько шагов, переходя от одного станка к другому, сколько необходимо. Время – деньги, а деньги – это всё. Так считают исключительно все в соответствии с логикой экономических интересов. В своё время мне доводилось вместе с другими сельскохозяйственными рабочими трудиться на уборке урожая по шестнадцать часов в день, чтобы как можно скорее закончить страду. Помимо всего прочего, в таких условиях мы могли трудиться только как негры, как рабы, мы работали в ужасающем напряжении, от нас не требовалось красиво выполнять свою работу, а для настоящего рабочего в этом её нравственный смысл. По утрам бывало так холодно, что приходилось согревать маслёнку с машинным маслом над зажжённой скирдой из шести снопов пшеницы. Мы всегда были в такой лихорадочной спешке, что у нас не было времени сложить костёр из соломы.

Но ведь всё дело в том, что человеческая жизнь коротка, так давайте же стремиться к тому, чтобы у нас было время её прожить! Работая на износ, мы изнашиваемся и дряхлеем до времени. "Festina lente". Американцы не привыкли довольствоваться малым. Им всегда хочется превосходства. Изобилия. Жители Востока своей умеренностью, своим

¹ Уильям Джеймс (1842–1910), философ и психолог, один из основоположников прагматизма.
(Прим. пер.).

природным даром довольствоваться малым являются им полную противоположность. В Персии мне доводилось видеть сидящих на козлах возчиков, отщипывающих от хлебного ломтя и виноградной грозди, это был их обед, они обходились без мяса. Они способны обходиться также, например, без золотого брегета. Однажды я спросил своего кучера, когда мы приедем в следующий город. Он взглянул на солнце и ответил: «Сдаётся, будем там до большой жары» (до полудня). Какое точное и одновременно поэтическое выражение, звучит, как стихотворная строка.

Американцы скажут, что их неуместно сравнивать с персами и что какой-нибудь «форд» проделал бы этот короткий путь меньше, чем за час. Персия, скажут они, – одно, а прогресс – другое. Да, мой возница правил лошадью, у него было на это время, это ему нравилось, по дороге он развлекался тем, что разговаривал с конём, как со старым товарищем. Он уверял коня, уговаривая его поторопиться: «Посмотри, как пылает солнце, ты что, хочешь сгореть?»

Что такое прогресс? Разве он заключается в том, чтобы быстрее передвигаться по дорогам? Отнюдь нет, если так подходить к положительным и отрицательным сторонам прогресса, то окажется, что издержки слишком велики. Прогресс состоит в том, чтобы обеспечить телу отдых, а душе – покой. Прогресс – в благополучии человека¹.

ПИСЬМО НЕМЕЦКОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ

Кристиания, 27 дек. 1908 г.

Высокочтимый господин доктор философии!

Опубликованные мною стихи могут составить лишь тоненький том, и они не лучшее из написанного мной, право, не знаю. Возможно позднее я всё же составлю из них другой томик: у меня лежит множество недоработанных стихов.

Мне представляется крайней наглостью по отношению к читателю публиковать разрозненные поэтические зарисовки, как законченные стихотворения.

Всякий поэт знает: стих всегда рождается в большей или меньшей степени под влиянием душевного настроения. Неожиданно зазвучит мелодия, перед внутренним взором возникнут краски, цвета, вдруг зазвенит, запоёт внутри тебя. Удивительно, насколько многообразны подоб-

¹ Статья впервые была опубликована в газете «Афтенпостен» 12 декабря 1928 года. (Прим. пер.).

ные состояния, у меня бывало так, что едва забрезжившее и ещё не оформленное стихотворение оказывается вытесненным другим, новым, и я начинаю записывать это другое стихотворение на бумаге, и тут зачастую возникает какая-то строка, которая оказывается вообще в стороне от всего этого потока. И что же, прикажете издавать этот опус? Это не принесёт удовлетворения мне, да и читателя не обрадует.

Итак, у меня есть множество заготовок, которые нельзя издавать прежде, чем они не будут окончательно отшлифованы.

Мне неведомо, как работают ВЕЛИКИЕ лирики, может быть, у них в порыве вдохновения мгновенно рождается всё стихотворение целиком без единой шероховатости. Я могу только, в соответствии с любезным пожеланием господина доктора, рассказать, каким именно образом слагаются мои собственные стихи.

Собственного говоря, нет какого-то существенного различия между тем, как я работаю над стихами и над прозой. Большая часть моих произведений была написана ночью, когда, заснув на пару часов, я иногда внезапно пробуждаюсь. Сознание ясное, и чувства мои обострены. Карандаш и бумага всегда лежат наготове, у кровати. Света я не зажигаю. Стоит мне ощутить этот хлынувший поток образов, как я тут же начинаю записывать в темноте. Это стало столь привычным, что для меня не составляет никакого труда расшифровать утром свои записи.

Я не хочу, чтобы у Вас сложилось впечатление, будто в моём сочинительстве есть нечто мистическое. То, что я сочиняю в темноте, по ночам, это всего-навсего привычка, и быть может, плохая привычка, которая сложилась у меня в те годы, когда у меня не было возможности зажигать ночью свет и мне приходилось обходиться без него. Нет в моей манере сочинять стихи ничего мистического, указывающего на «гениальность». Возможно, великие поэты сочиняют свои стихи как-то по-другому, и у них есть свой особый подход, но мне это не ведомо.

Самое лучшее время года для меня – лето. Многие из моих стихов я сочинил, лежа на траве в лесу. В такие минуты я уношу мыслями далеко-далеко, прочь от людей и впечатлений окружающей жизни и погружаюсь в дни моего детства, когда я пас скотину. Вот когда во мне пробудилось ощущение единства с природой, и если оно у меня есть, то оно осталось с тех времён, когда я был дитя на зелёных лужайках среди гор и лесов и встречал разных зверей и птиц, которые стали мне знакомцами на всю оставшуюся жизнь. Море также составляет для меня неотъемлемую часть природной стихии, я рос рядом с ним, начиная с четырёхлетнего возраста; с этого времени оно всегда было рядом. Дом мой был на берегу Западного фиорда, а фиорд выходил прямо на просторы Атлантического океана.

Наверное, поэтому я с таким увлечением читаю всевозможные

дневники, путевые заметки учёных и путешественников. Они не блещут красотой слога, в них нет никаких словесных украшений, как у профессиональных писателей, и, тем не менее, они так много значат для меня. Описания природы в современных романах вызывают у меня отвращение: сразу видно, как мало знают их авторы о природе, в этих описаниях кое-какие сведения естественно-научного характера перемешаны с наблюдениями над особенностями той или иной местности, в них нет ни малейшего намёка на священное единение с лесами и полями.

Зима – самое тяжёлое для меня время года. Я не люблю снег, мне мучительно смотреть на него, и мой разум воспринимает его как нечто неизбежное и противоестественное. Я написал большую поэму о зиме для рождественского сборника, но я считаю написанное неудачей, несмотря на то, что моя поэма была проиллюстрирована одним из наших лучших художников.

И если вдруг средь зимы что-то напомнит мне о лете, то это наполняет меня несказанной радостью и восторгом. Бывает: вдруг неожиданно наступает оттепель, и на снег начнут капать капли дождя, прочирикает что-то птица на дереве либо запах чьих-то духов напомнит мне аромат цветов; часто стоит просто мухе зажужжать на окне, и яркое безграничное чувство радости пронзит меня при воспоминании о лете, которое занесено теперь снегом.

Уже в феврале или марте меня охватывает предчувствие весны. Наступает светлое время года, и стихи слагаются легче.

Рождаются новые стихи в добавление к тем, что уже лежат и ждут окончательной доработки.

Это всё, господин доктор, что я могу поведать Вам относительно того, как я сочиняю стихи. Вы можете использовать всё написанное мною в этом письме по своему усмотрению, либо полностью, либо какие-то мои высказывания выборочно в своём предисловии¹.

С дружеским приветом, Кнут Гамсун

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

¹На русском языке впервые в сб. Кнут Гамсун. В сказочном царстве, – М, Радуга, 1993. (Прим. пер.).

О ПРОБЛЕМАХ УСТНОГО ПЕРЕВОДА ЦИТАТ, ИДИОМ И ПОСЛОВИЦ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Представим себе такие ситуации. За огромными столами большого ресторана русской кухни сидят российские и китайские коллеги, идёт официальный банкет, на котором присутствует около 50 человек. Глава китайской делегации поднялся и произносит приветственную речь. Как раз в этот день в данном российском городе выпал снег, и в конце своего тоста он использует китайскую пословицу: 瑞雪兆丰年 ‘своевременно выпавший обильный снег предвещает хороший урожай’. Однако это не простая пословица, а фраза из стихотворения древнего поэта, и не все слова здесь мне знакомы, возникают сложности для полного понимания фразы. Хотя перевод последовательный и есть возможность переспросить, но это не совсем удобно, когда бокалы уже подняты и все гости поднялись вслед за китайским коллегой в знак уважения к нему, чтобы их осушить. Повезло, что мне знакомо словосочетание 瑞雪 ‘благодатный снег (предвестник хорошего урожая)’, потому что иероглиф 瑞 ‘1. скипетр (жаловался императором местным князьям); верительный знак полководца (в виде яшмовой пластинки) 2. счастливое предзнаменование, благое знамение; счастливый; благовещий’ был в имени директора китайской фирмы, в которой мне довелось поработать. Изучая этот иероглиф, я в своё время и выучил это словосочетание. Поэтому сопоставив тот факт, что китайцы по дороге из аэропорта живо обсуждали выпавший снег, и, расслышав словосочетание про снег благодатный, я смог быстро сориентироваться и выдать достойную завершающую часть выступления китайского начальника на русском языке в духе того, что выпавший сегодня благодатный снег сулит богатый урожай, а нашему визиту и сотрудничеству плодотворные результаты.

Эта пословица происходит из стихотворения учёного и высокопоставленного политического деятеля времён династии Мин Ян Шици (杨士奇 1365–1444 гг.) 《追和周侍郎大雪赐宴诗》 «Воспоминание о пире товарища министра Чжоу во время снегопада» [15]. Приведу строку, из которой вышло это выражение: 先朝瑞雪兆丰年一体君臣喜可言。 ‘Тогда ещё был прежний император, снег благодатный сулил нам урожайный год, и государь и подданные от радости сияли, об этом стоит рассказать’.

Другая ситуация. Идёт церемония закрытия курсов повышения квалификации китайских специалистов. Ректор российского учебного заведения произносит речь и обращается к цитате Конфуция: «Желаю удачи в профессиональных делах и личного счастья!» Великий Конфуций говорил: «Выберите себе работу по душе, и вам не придётся работать ни одного дня в своей жизни». Перевод тоже последовательный. Мне повезло, дали ознакомиться с речью накануне. Но вот незадача: знакомый достаточно образованный китаец про такое высказывание Конфуция не знает, уверяет, что Конфуций такого не говорил, и не может предложить адекватный перевод на древнем китайском языке. Поиски в китайском Интернете также не дают результатов.

Неожиданно выручает Искусственный интеллект (заслуживает написания с большой буквы!). При переводе всей речи в контексте он выдаёт: “伟大的孔夫子说过：“择其所欲，终其一生，一日不劳。”” Высказывание дано на древнем китайском языке, вполне в стиле Конфуция. И вот на следующий день я торжественно декламирую, даже пропеваю эти строки на древнем китайском языке, как это делали древние китайцы. Со стороны китайских специалистов, которых 30 человек, раздаются бурные аплодисменты, ведь Конфуций – это не просто философ, это и обожествлённая фигура. По всему видно, цитата зашла.

Однако тот факт, что по данному выражению не нашлось ни одного подтверждения в китайском сегменте Интернета, не давал мне покоя. По горячим следам повторный поиск снова показал, что такого выражения за Конфуцием не числится. Интересно, что повторные попытки перевода фразы и всей речи с помощью Искусственного интеллекта уже не дают результата в виде фразы на древнем китайском языке, а дают только на современном китайском языке: 伟大的孔子说过：“选择一份你热爱的工作，你将一生中一天都不需要工作。” Что же это было? Случайное и счастливое озарение у Искусственного интеллекта? Уверен, что эта фраза на современном китайском языке не имела бы такого эффекта и успеха у китайской аудитории. И этот случай наводит на разные размышления.

В первую очередь, конечно же, о стабильности качественной работы электронных переводческих платформ. Ну и, естественно, о том, что большое количество разного рода высказываний часто просто приписывается великим китайским мудрецам. И нам, переводчикам китайского языка, это создаёт большие трудности. Поэтому устный перевод с/на китайский язык некоторых выступлений всегда на грани фола из-за неожиданно возникающих изречений, пословиц или идиоматических выражений, которых в любом языке огромное количество и которые иногда просто приписываются тому или иному человеку или культурному пространству.

С одной стороны, китайцы в силу особенностей их культуры склонны апеллировать к классикам, к истории своей страны чаще, чем представители других стран, и делают они это обычно посредством особых прецедентных фразеологизмов чэньюй, потому что для них это важная неотъемлемая часть их языковой личности, формируемая с детства.

С другой стороны, и их российские коллеги также любят обращаться к цитатам, к классикам русскоязычного культурного пространства, но часто российские спикеры также обращаются и к мудрости древних китайцев, чаще всего это Конфуций, Лао-цзы, Мэн-цзы, Чжуан-цзы. И хорошо, если эти высказывания действительно являются китайскими и наиболее употребительными, узнаваемыми. Тогда даже буквальный перевод на современном китайском языке будет понятен большинству китайцев, и, хотя без оригинальной формы на древнем китайском языке эффект будет с斑斓, посып они поймут и в своей голове это выражение в канонической форме на древнем языке воспроизведут. К сожалению, множество цитат лишь приписывается китайским мудрецам и философам.

Если какое-либо выражение действительно принадлежит китайской культуре и является высказыванием какого-либо философа или поэта, то переводить на китайский язык его желательно всё-таки в оригинальной форме на древнем китайском языке. Например, рекордсмен по частоте использования, любимая всеми российскими спикерами фраза «Путь в тысячу ли начинается с первого шага» действительно зафиксирована в китайских словарях, принадлежит философу Лао-цзы и выглядит так: 千里之行，始于足下. Источник этого выражения «Дао дэ цзин» («Канон Пути и благодати») (《老子》六十四章) [6, с. 1102]. Вот фрагмент текста, откуда выделилось это выражение: “合抱之木，生于毫末；九层之台，起于累土；千里之行，始于足下。” ‘Дерево толщиной в обхват вырастает из крошечного зёрнышка. Башня в девять этажей вырастает из груды земли. Путь длиной в тысячу ли начинается у тебя под ногами’.

Первые раз пять после окончания вуза я переводил это выражение современным китайским языком буквально с русского языка. Позже, осознав, что такие выражения являются для китайцев важными культурными константами и их необходимо передавать в оригинальной форме на древнем китайском языке, я нашёл это выражение в оригинальном виде и заучил наизусть.

Однако с выражениями, подобными упомянутому выше высказыванию, приписываемому Конфуцию, о лёгкой жизни при любимой работе, возникают сложности, и даже Искусственный интеллект здесь не

выручит. Например, в русскоязычном культурном пространстве имеет очень широкое хождение высказывание, которое приписывается китайскому философу Чжуан-цзы, а также Конфуцию, Сунь-цзы или относится к китайским пословицам. Звучит оно следующим образом: «Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как мимо проплывает труп твоего врага». Данное выражение не зафиксировано в китайских словарях. И все мои знакомые китайцы отрицают принадлежность этого высказывания китаеязычному культурному пространству.

В китайском Интернете по переводу этого выражения на современный китайский язык (например, в таком виде: **只要在河边久坐，终能看到敌人的尸体从你面前漂过**) можно найти некоторую реакцию китайцев на то, что это выражение иностранцы приписывают Конфуцию [19]. Китайские пользователи Интернета в полном недоумении, когда сталкиваются с таким высказыванием Конфуция в переводе на современный китайский язык и старательно предлагают варианты известных высказываний Конфуция на древнем языке, которые могли сформировать такое значение. Большинство склоняются к выражению **子在川上曰：‘逝者如斯夫！不舍昼夜。’** «Стоя на берегу реки, Учитель сказал: «Всё течёт так же, как этот поток. Время бежит, не останавливаясь и днём, и ночью» из главы «Цзы Хань» книги «Луньюй» (《论语·子罕》) [6, с. 630; 14, с. 393]. Китайцы полагают, что иностранцы неправильно поняли именно это высказывание [19, 20].

Забавными представляются попытки китайских пользователей Интернета пытаться подогнать это высказывание под выражение про проплывающий по реке труп, например, они пишут следующее: **逝者如斯夫，不舍昼夜 — 死去的就像河流一样，不分白天晚上的一直在死** ‘Умерший, как поток реки, не различает день и ночь, он непрерывно мёртв’ [20]. Здесь слово «труп» из данного высказывания приводит неискушённых китайцев к неверному выбору второго значения иероглифа **逝** ‘1. уходить; проходить (о времени) 2. скончаться, умереть’. Их сбивает с толку служебное слово **者**, которое вместе с **逝** формирует для современного носителя китайского языка слово **逝者** ‘умерший, покойник’.

Но все китайские источники и толковые словари дают значение фразы **逝者如斯** только в виде ‘время утекает, как вода’, а фразы **不舍昼夜** ‘днём и ночью, круглые сутки’, и ни о каком трупе и тем более трупе врага речи не идёт. Эти две фразы по отдельности включены в большой словарь дяньгу наряду с другими пятью дяньгу в статью, где заглавный дяньгу **逝川** ‘необратимый поток речной воды; течение времён’ [12, с. 722]. О том, что такое дяньгу, я пишу ниже. В российском же сегменте Интернета это выражение уже превратилось в мем, и ему посвящено

множество разного рода комментариев и постов [см., например, 16, 17, 18]. Таким образом, можно сделать вывод, что это высказывание вообще к Китаю не имеет никакого отношения.

Есть примеры китайских выражений, которые искажаются частично. Например, выражение про умную обезьяну. «Президент Владимир Путин в ходе пленарного заседания на Петербургском международном экономическом форуме, отвечая на вопрос о гонке за экономическое первенство в мире, процитировал китайскую пословицу о двух тиграх и обезьяне. Трансляцию заседания вёл телеканал «Россия 24». «Когда тигры дерутся в долине, умная обезьяна сидит и смотрит, чем это закончится, – заявил он на вопрос модератора. – Где наше место? В борьбе за справедливые и демократические принципы развития международных экономических связей» [21].

В китайском языке действительно есть близкое по смыслу выражение 坐山观虎斗 ‘сидеть на горе и смотреть, как дерутся тигры (обр. в знач.: занимать выжидательную позицию, наблюдать со стороны, смотреть, чья возьмёт)’. Однако в нём нет никакой обезьяны. И в подробных пояснениях к этой истории в специальных китайских сборниках обезьяна также отсутствует. Поэтому и в этих случаях надо быть готовым, например, при синхронном переводе, быстро дать правильный вариант, используя стандартное китайское выражение, заученное наизусть.

Понятно, что вариант с обезьяной намного образнее и живее, и механизмы и пути возникновения таких псевдокитайских высказываний или обогащения китайских выражений обезьянами и прочими дополнительными элементами достойны отдельного исследования, но нам, переводчикам, надо быть всегда готовыми точно и красиво перевести очередной шедевр наших ораторов из китайской классики или приписываемый китайцам.

Источником этого выражения является раздел «Жизнеописание Чжан И» «Исторических записок» (《史记·张仪列传》). Вот так выглядит фрагмент текста на древнем китайском языке, на основе которого возникло данное выражение: 卞庄子欲刺虎，馆竖子止之曰：“两虎方且食牛，食甘必争，争则必斗，斗则大者伤，小者死；从伤而刺之，一举必有双虎之功。 Дам немного расширенное описание этой истории из специального сборника чэньюев: «Бянь Чжуанцы, сановник царства Лу эпохи Чунь цю, был очень храбрым и прославленным воином и даже не боялся вступать в схватку с тигром. Однажды на горе появились два тигра, и Бянь Чжуанцы, взяв меч, отправился на гору, чтобы убить их. По пути к горе мальчик слуга в трактире посоветовал ему не торопиться. Он сообщил, что тигры как раз боятся за корову, и лучше подождать, когда сильный тигр убьёт слабого, а сам окажется израненным и неспо-

собным сопротивляться. В результате Бянь Чжуанцзы осталось только добить раненого, совсем неопасного тигра, и он обрёл славу победителя двух тигров» [10, с. 93–95].

Если говорить о переводе китайских изречений и идиом с китайского на русский язык, то основным камнем преткновения при их первом предъявлении является невозможность понять их на слух. Дело в том, что все такие цитаты и идиоматические выражения строятся по нормам древнего китайского языка вэньянь, в котором преобладали лексические единицы, выраженные одним, часто многозначным, иероглифом (тогда как в современном китайском языке более 80% лексем состоит из двух иероглифов-слогоморфем, их значение более конкретно и они лучше воспринимаются на слух). Вдобавок к этому в них часто присутствуют архаизмы, выраженные не самыми употребительными иероглифами, которые обычно не входят в стандартную программу обучения вузов. Но самая главная трудность заключается в том, что многие идиоматические выражения китайского языка по сути являются сокращениями фраз из древних текстов или просто краткими описаниями каких-либо событий древности, как приведённое выше выражение про двух тигров.

Все вместе эти факторы делают незнакомые фразеологизмы китайского языка чэньюи совершенно непонятными на слух. И даже при предъявлении некоторых из них в письменном виде иероглифами не каждый китаист сможет правильно интерпретировать их без обращения к словарям и справочникам.

Для полного понимания механизма возникновения чэньюев можно привести пример из русского языка: Растекаться мыслью по древу («Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснъ творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы».) – фраза неоднозначного толкования из «Слова о полку Игореве», ставшая фразеологизмом. В современном языке означает «вдаваться в ненужные подробности, описывать детали, которые не представляют важности для общего сюжета». Выражение вошло в русский язык из переводов «Слова о полку Игореве» – произведения конца XII века [22].

Здесь фраза (то растекашется мыслію по древу → растекаться мыслью по древу) использована целиком. В китайском языке также достаточно много чэньюев образованы на основе цельной фразы из древнего источника, но, согласитесь, даже поняв, рассыпав все слова правильно, такие высказывания сложно перевести на иностранный язык, не зная их производного, переносного значения. Не меньше чэньюев сформированы просто выхваченными из контекста отдельными, отстоящими далеко друг от друга, иероглифами. И такие чэньюи, не изучив их предварительно, перевести просто невозможно.

Наиболее вероятными в речи китайских спикеров являются как раз чэньюи. Упомянутые выше выражения 瑞雪兆丰年 ‘благодатный снег предвещает богатый урожай’, 坐山观虎斗 ‘сидеть на горе и смотреть, как дерутся тигры’ и, выделившиеся из фразы «Луньюя» выражения 逝者如斯 ‘время утекает, как вода’ и 不舍昼夜 ‘днём и ночью, круглые сутки’, все относятся к чэньюям [13].

Однако китаистам всё равно стоит благодарить судьбу за то, что в китайском языке произошли процессы, которые вывели в обойму наиболее употребительных идиом именно четырёх- и более сложные стандартизованные фразеологизмы чэньюй, которые в словарях даются только в одном варианте. Дело в том, что первоосновой большинства чэньюев являются аллюзивные фразеологизмы дяньгу, которые фиксируют важные знания о событиях истории, культуре Китая, а также фрагменты китайской философии и литературной классики на протяжении веков, состоят из 2–8 иероглифов и даются в словарях дяньгу во всевозможных вариантах, количество которых может достигать 65 и более. Четырёхсложные дяньгу перешли в категорию наиболее употребительных канонических фразеологизмов чэньюй [см. подробнее об этом, 1].

В 22-м выпуске «Переводчика» в моём переводе историй из романа «Хроники государств Восточного Чжоу» как раз описана реальная история происхождения дяньгу/чэньюя 一鼓作气 ‘первый удар боевого барабана поднимает дух; обр. на одном дыхании’ [3, с. 123–124]. Эти слова являются цельной фразой, цитатой из высказываний генерала Цао Гuya, жившего в период Чунь цю (Вёсны и осени, 770–476 гг. до н. э.). Во времена войны между княжествами Ци и Лу генерал княжества Лу Цао Гуй два раза не разрешал своим войскам вступать в бой с целью лишить солдат армии Ци боевого духа и дал команду контратаковать только во время третьей атаки со стороны армии Ци. Благодаря этому княжество Лу победило. Эти его идеи изложены в разделе «Цао Гуй рассуждает о войне» (《曹刿论战》) книги Цзо-чжуань. Вот такая древняя и непростая подоплёка у большинства китайских идиоматических выражений чэньюй.

Но вот дяньгу/чэньюй 出尔反尔 ‘не держать слова, нарушать слово, быть неверным данному обещанию’ сформирован уже из выбранных иероглифов текста-источника, а не из цельной фразы. Источник данного выражения книга Мэн-цзы, вторая часть раздела Лян Хуэй-ван (《孟子·梁惠王下》). Вот фраза, на основе которой возник этот фразеологизм: 曾子曰：戒之戒之！出乎尔者，反乎尔者也。 ‘Когда-то Цзэн-цзы говорил: «Берегитесь! Берегитесь! Что от вас исходит, то на вас же и обернётся!» Первоначальное значение данного выражения «как ты от-

носишься к людям, так и люди будут относиться к тебе», но в современном китайском языке оно означает «не держать слова» [11, с. 105]. Этот факт говорит о постоянной необходимости уточнения значений дяньгу и чэньюев в словарях и специальных сборниках.

Достаточно большой объём чэньюев китайцы заучивают в детском саду, средней школе и вузе, в обязательном порядке изучая и всю фоновую информацию. Таким образом, формируется китайская языковая личность, которая наполнена избранными знаниями о культуре и истории своей страны, упакованными в стабильные языковые единицы, прошедшие отбор от размытой нестабильной стадии фразеологизмов дяньгу до стадии всем понятных и готовых для регулярного употребления в устной и письменной речи всеми социализированными китайцами фразеологизмов чэньюй. Вот только иностранцам очень сложно овладеть таким большим количеством чэньюев и разного рода изречений за 4–5 лет учёбы в вузе.

Следует иметь в виду, что российские спикеры склонны использовать именно изречения из произведений китайских философов, и эти ситуации наиболее сложны при устном переводе, так как цитаты или намного длиннее фразеологизмов чэньюй или обладают сложной структурой и, следовательно, их труднее заучить наизусть. Поэтому необходима целенаправленная подготовка переводчиков и в этом направлении. Например, Д. А. Медведев очень часто цитирует Лао-цзы. Есть даже пост в Интернете, в котором дана подборка 6-ти случаев цитирования Медведевым Лао-цзы [23].

Из недавних случаев цитирования Лао-цзы Д. А. Медведевым можно привести этот. По мнению Медведева, приход оппозиционных политиков к власти на Западе способен радикально оздоровить политический ландшафт, поэтому их и боится нынешняя элита в Европе и за океаном. И недаром боятся. Ведь ещё Лао-цзы сказал, что «гибкое и слабое одолевает твёрдое и сильное», – резюмировал зампред Совбеза» [24].

Во время своих выступлений на российско-китайских мероприятий и некоторые китайские спикеры любят цитировать русских писателей и поэтов. И это тоже большой вызов, так как перед своей русскоязычной аудиторией российскому переводчику показать незнание точной цитаты какого-либо нашего классика на русском языке ещё обиднее и опаснее (ведь заказчики чаще всего – российская сторона).

Из недавних случаев могу вспомнить удачный пример перевода про Волгу, когда китайский спикер сравнивал обозначение в Китае реки Хуанхэ как 母亲河 ‘главная река (страны), матушка-река’ с аналогичным обозначением Волги в России, и мне вовремя вспомнилось наше обозначение Волги как Волги-матушки.

Прецеденты глобального культурного пространства также часто используются выступающими российскими и китайскими спикерами. Например, дамоклов меч (达摩克利斯之剑), крестовый поход (十字军东征, вариант 十字军东侵), троянский конь (特洛伊木马, вариант 木马计). И такого рода выражения тоже необходимо заучивать наизусть. В этом могут помочь некоторые словари [8].

Иногда знание традиционных прецедентных китайских дяньгу и чэньюев может пригодиться в самых неожиданных ситуациях. Ведь переводчик часто не только переводит, но и, сопровождая иностранцев, сам становится активным собеседником. Например, 10 сентября 2016 года мне довелось устно последовательно переводить на X ежегодном Слёте молодёжи ОАО «РЖД». Так как у железных дорог России и Китая тесное сотрудничество, то были приглашены гости из Китая. От Китая было всего три делегата во главе с Генеральным секретарём Федерации молодёжи железных дорог Китая Хэ Юнфэном. И когда объявили прохождение делегаций парадным строем по площади, то китайцы попросили меня пройти вместе с ними за компанию. И тут я очень удачно пошутил, сказав, что я буду 滥竽充数.

Я использовал идиому (дяньгу/чэньюй), которая связана с прецедентным персонажем китаеязычного культурного пространства господином Наньго. Источник истории о нём – раздел книги философа Хань Фэй-цзы «О частной жизни наследника престола» (《韩非子 · 内储说》). Краткое содержание прецедентной ситуации таково. Правитель царства Ци очень любил слушать игру на свирели юй. Особенно он любил большой оркестр из 300 музыкантов, играющих на юе. В те времена работа придворных музыкантов оплачивалась щедро. Наньго, прослышиав о щедрости императора, устроился музыкантом придворного оркестра, несмотря на то, что вообще не умел играть на этом инструменте. Каждый раз, когда оркестр играл для императора, Наньго просто сидел в рядах музыкантов и делал вид, что играет, не издавая при этом ни звука. Никто не догадывался про его обман. Несколько лет спустя царь умер, и на трон взошёл его сын. Новый правитель также любил слушать юй, но он предпочитал большому оркестру сольные исполнения. Поэтому он попросил музыкантов, чтобы они играли для него по очереди. Услышав эту новость, Наньго очень испугался. Чтобы избежать разоблачения, он поспешил собрать вещи и покинул дворец. Идиома 滥竽充数 ‘браться за свирель, не умея играть, для пополнения числа (занимать должность лишь ради заполнения вакансии, не соответствовать назначению)’ как раз представляет эту прецедентную ситуацию в китаеязычном дискурсе. Иногда прецедентное имя господин Наньго и данный прецедентный фразеологизм употребляются для выражения скромности,

например: 我虽然也是评委会委员，但跟那些专家相比，只不过是南郭先生，滥竽充数。‘Я хоть и тоже член жюри, но по сравнению с этими специалистами я всего лишь так, затесавшийся для блезиру господин Наньго (полный профан)’ [2, с. 187]. Вот и я так же пошутил, что я, мол, вовсе не железнодорожник, так для массовости пройду с вами. И здесь я как раз показал и скромность (не возгордился, что меня, простого переводчика, члены иностранной делегации попросили пройти в праздничной колонне, представляя Китай), которая в Китае очень ценится, и показал высокий уровень владения китайским языком и китайским культурным кодом. Китайские делегаты были приятно удивлены, услышав от меня это выражение. И коммуникация дальше проходила ещё продуктивнее.

Можно сделать вывод о том, что заучивание наиболее употребительных цитат и идиоматических выражений китаеязычного культурного пространства должно стать одним из основных направлений подготовки устного переводчика. Эти выражения в правильной канонической форме могут украсить вашу речь. Китаист, используя в оригинальной форме традиционные наиболее употребительные китайские выражения, может оказать на китайскую аудиторию чудодейственный эффект, подобный тому, который преобразившаяся из лягушки Василиса Премудрая в сказке о Царевне-лягушке оказала на царских гостей, когда выпускала из рукавов озёра с лебедями. Ведь сила воздействия этих прецедентных высказываний на китайцев огромна: за каждым таким выражением для китайца возникает живая картина древней китайской культуры.

Но не стоит забывать и про свою родную культуру и историю и постоянно овладевать именами героев своей страны на китайском языке (Ломоносов, Пётр Великий, маршал Жуков), а известные у нас афоризмы или пословицы также заучить в адекватной форме на китайском языке, возможно, при наличии, используя надёжные китайские источники.

Необходимо составлять для себя списки пословиц и выражений, вероятность возникновения которых во время коммуникации россиян и китайцев наиболее высока. Могу поделиться некоторыми употребительными выражениями, которые возникали в моей практике: 掩耳盗铃 ‘заткнув уши, воровать колокольчик’, обр. не признавать очевидного, прятать голову в песок, обманывать самого себя, строить иллюзии; ‘страусиная политика, самообман’, 一回生二回熟 ‘в первый раз непривычно, а во второй – уже знакомо, впервые (встретившись) – незнакомцы, во второй раз уже – друзья’, 真金不怕火炼 ‘настоящее золото огня не боится’ (обр. в знач.: выдерживать любые испытания; человек исключительной стойкости, выдержки; ‘правда в огне не горит и в воде не

тонет)', 巾帼不让须眉 ‘женщины не уступают мужчинам, женщины не хуже мужчин’ (букв. головные украшения не уступают бороде и бровям), 远亲不如近邻 ‘близкий сосед лучше дальнего родственника’, ‘большому кораблю, большое плавание’ (часто используют китайские спикеры как русскую пословицу) ‘大船航程远，大材必有大用’, 百闻不如一见 ‘лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать’ [7, с. 8], 感情深, 一口闷! ‘Если дружба глубока, надо залпом пить до дна!’ (китайская присказка на банкете), 妇女能顶半边天 ‘женщины поддерживают половину неба’ (обр. в знач. женщины имеют равное с мужчинами положение в обществе; выражение возникло на основе пословицы провинции Хунань 妇女是半边天 ‘половина неба – женщины’), 不到长城非好汉 ‘[те,] ‘кто не дойдёт до Великой стены, не молодцы’; обр. кто не добивается целей, преодолевая трудности – тот не герой, не китаец (фраза из стихотворения Мао Цзэдуна 《清平乐·六盘山》 «Горы Люпаньшань» на мотив Цинпинюэ), 有朋自远方来，不亦乐乎? ‘разве не радостно встретить друга, прибывшего издалека?’ (из книги «Луньюй» – записей изречений Конфуция и его ближайших учеников).

Но самое главное – надо постоянно обогащать свой словарный запас, так как он и ваша находчивость всегда помогут перевести любой самый витиеватый афоризм или заковыристый анекдот и без подготовки.

Таким образом, анализ и заучивание китайских дяньгу и чэнъюэв, а также изречений выдающихся людей или пословиц китаезычного или родного русскоязычного культурного пространства не только помогает переводчику качественно выполнять свою работу по лингвистическому обеспечению международной коммуникации, но и повышает общую языковую компетенцию и уровень образования, расширяет кругозор.

Литература:

1. Воропаев Н. Н. От дяньгу к чэньюй // VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 1–3 октября 2024 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024.
2. Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н. Н. Воропаев. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство ВКН, 2018. – 384 с.
3. Фэн Мэнлун. Гуань Чжун и Бао Шуя. Истории из романа «Хроники государств Восточного Чжоу». Предисловие и перевод с китайского Николая Воропаева // Переводчик: литературно-художественный журнал / Забайкальский

- государственный университет; главный редактор О. В. Стельмак. – Чита: ЗабГУ, 2022. – Вып. 22. – 271 с. С. 115–125.
4. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том 4. – М., Издательство иностранной литературы, 1953.
5. Золотые россыпи (мысли и афоризмы), издание второе. Составил И. Б. Тумarkin, Одесское книжное издательство, 1960. 132 с.
6. 中国古代名句辞典 // 陈光磊, 胡奇光, 李行杰 编著. – 上海: 上海辞书出版社出版, 1987年 (Известные изречения Древнего Китая // Сост. Чэнь Гуанлэй, Ху Цигуан, Ли Синцзе. – Шанхай, 1987).
7. 实用汉语名人名言四百例 // 黎端明, 齐世昌著. – 北京: 新世界出版社, 2002年. (400 активно употребляемых в китайском языке известных высказываний знаменитых людей // Сост. Ли Дааньмин, Ци Шичан. – Пекин, 2002).
8. 外国典故小词典 // 林书武主编. – 上海: 上海辞书出版社, 2004年 (Малый словарь зарубежных дяньгу (классических прецедентов) // Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004).
9. 毛泽东选集 第三卷/毛泽东著. – 2版 – 北京: 人民出版社, 1991 (Мао Цзедун. Избранные произведения. Том 3. – издание 2-е, Пекин, Народное издательство, 1991).
10. 王俊. 读成语·识天下: 走进中国传统文化/王俊编著. 北京: 开明出版社, 2015 (Изучай чэньюи и познаешь Китай: знакомство с традиционной культурой Китая. 7 томов / Сост. Ван Цзюнь. – Пекин: Издательство Каймин, 2015).
11. 常用成语词典 / 知新辞书编委会编. – 郑州: 海燕出版社, 2017 (Словарь наиболее употребительных фразеологизмов чэньюй / Сост. Редколлегия новой лексикографической литературы. – Чжэнчжоу: Издательство «Буревестник», 2017).
12. 赵应铎. 中国典故大辞典 / 赵应铎主编. 上海: 上海辞书出版社, 2014 (Большой словарь дяньгу Китая / Под ред. Чжао Индо. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2014).
13. 朱祖延. 汉语成语大词典 / 朱祖延主编. 北京: 河南人民出版社, 1985 (Большой словарь чэньюев китайского языка / Под ред. Чжу Цзуюнь. – Пекин: Хэнаньское народное издательство, 1985).
14. 引用语辞典 // 朱祖延 编著. – 成都: 四川辞书出版社, 1996年 (Словарь цитат // Сост. Чжу Цзуюнь. – Чэнду: Издательство лексикографической литературы провинции Сычуань, 1996).
15. 瑞雪兆丰年. Электронный ресурс:
<https://baike.baidu.com/item/瑞雪兆丰年/712625>
16. Как понимать китайскую мудрость: Если долго сидеть на берегу реки...? Электронный ресурс:
<https://www.bolshoyvopros.ru/questions/3280814-kak-ponimat-kitajskuju-mudrost-esli-dolgo-sidet-na-beregu-reki-sm.html?ysclid=m687f5wx2k288998603>
17. Об одной китайской мудрости. Электронный ресурс:
<https://proza.ru/2016/10/23/1527?ysclid=m687m0vvn3765426451>
18. Проверка слуха. Крылатая фраза о проплывающем трупе врага – стариное китайское изречение? Электронный ресурс:

<https://www.kommersant.ru/doc/5041766?ysclid=m68dqptrzn93738674>

19. 孔子为什么坐在河边等着敌人的尸体飘过来？ Электронный ресурс:
<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1796125045390975178&wfr=spider&for=pc>

20. 子在川上曰：“逝者如斯夫” 老外解释：孔子站在河边，指着漂浮过的一具尸体说“看到没？未来你既如此。” Электронный ресурс:

<https://xueqiu.com/6706233908/211311036>

21. Путин ответил на вопрос о лидерстве в экономике пословицей о двух тиграх. Электронный ресурс:

<https://www.rbc.ru/politics/07/06/2019/5cfa6c009a7947d608694209?ysclid=m6ia4xhyl2418889405>

22. Растекаться мыслью по древу. Электронный ресурс:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Растекаться_мыслью_по_древу

Дмитрий Медведев продолжает цитировать Лао-Цзы в Давосе. Электронный ресурс:<https://www.amic.ru/news/dmitriy-medvedev-prodolzhaet-citirovat-lao-czy-v-davose-206435?ysclid=m6mmgy9pib878156812>

23. «И недаром боятся». Медведев напомнил миру слова Лао-цзы, говоря о Западе. Электронный ресурс:

<https://dzen.ru/a/Zb4JyuNjZDBHvRhq?ysclid=m6mlvnrrnu222748538>

АННА БУЛДЫГЕРОВА

КИТАЙСКИЙ ПАЛИНДРОМ: ПЕРЕДАТЬ НЕВОЗМОЖНО?

Со страниц любимой сказки о приключениях Буратино мы все помним фразу: *a rosa упала на лапу Азора*, потому что она может читаться в прямом и обратном направлениях и не терять смысл. Такие фразы-перевёртыши, имеющие звукобуквенную основу, являются увлекательным и выразительным средством в алфавитных языках. В отличие от алфавитной, письменность в китайском языке иероглифическая, выступающий единицей смысла иероглиф-слог имеет строгую структуру: инициаль (согласные звуки и буквы для записи инициали при её отсутствии) и финаль (простая или сложная (включающей медиаль)). Согласные звуки могут стоять только в начале слога, а вторая часть слога – финаль – может иметь только строгую последовательность звуков. Такие особенности ограничивают функционирование гласных и согласных звуков, а значит, свойственное палиндрому в алфавитных языках «обратное», или реверсивное, прочтение даже одного слога оказывается невозможным. Однако палиндром в китайском языке есть, и он очень интересен.

Употребление стилистического приёма, который получил вполне говорящее название – 回文 (досл.: *обратный текст, обратное словесное построение, обратное речение*), отмечалось уже в ранних литературных текстах доциньского периода, и подтверждалось упоминаниями о нём в работе известного филолога периода Северных и Южных династий Лю Се (刘勰, 465–520 гг.) «Резной дракон литературной мысли» (кит.: 文心雕鷹). В связи с расцветом поэтического творчества и тем особым отношением к стихосложению, которое наблюдалось в Китае в течение нескольких тысячелетий, в период Тан использование приёма палиндрома стало востребованной поэтической практикой, а в период правления династии Сун поэтический жанр 回文诗 (досл.: *стихи-палиндромы*) занял достойное место среди жанров китайской поэзии. Одним из мастеров создания стихотворений-палиндромов, считается Су Ши (苏轼, 1037–1101 гг.), стремившийся в своём творчестве к «идеалу изысканной простоты», то есть к максимально лаконичному внешнему плану при максимально глубоком его содержании [1 с. 327].

Китайские поэты преуспели не только в сочинении строф, читающихся в двух направлениях, но и в комбинировании таких строф-палиндромов между собой внутри одного четверостишия или даже двух. Интересно, что эстетика произведений «художников-литераторов» находила выражение и в том, что многие стихотворения становились частью живописных картин (записывались в две или четыре симметричные строки и, благодаря повторяющимся знакам, создавали иероглифический рисунок). Так произведения изящной словесности визуализировались и оттого становились ещё более выразительными.

Казалось бы, отсутствие звукобуквенной основы для образования фраз-перевёртышей, может стать ограничением выразительных возможностей китайских обратных речений, однако, несмотря на это, китайский палиндром многолик и специфичен. Иероглифический знак является носителем визуализированного образа, звукового выражения и смысла. Записывающиеся иероглифами слоги соединяются в слова и предложения, поэтому палиндром в китайском языке носит иероглифический характер. Иероглифический палиндром встречается в пословицах, например, 人防虎, 虎防人 (досл.: *человек осторожен с тигром, а тигр осторожен с человеком*). Лаконичность и ритмичность формулировки позволяет в простой форме, избегая многословия, подчёркивать (на основе повтора иероглифа со значением действия) взаимосвязь между фактами, явлениями и субъектами. Так, пословица 人欺病, 病欺人 (досл.: *человек обманывает болезнь, болезнь обманывает человека*) лаконично сообщает о физических возможностях человека до сорока и после сорока лет.

Одной из особенностей обратных речений является то, что формируемый двумя частями (прямой и реверсивной) комплекс, в полной мере отвечает механизмам другого стилистического приёма – парного построения (кит.: 对偶), который, помимо прочего, воплощается в самобытных произведениях китайской художественной словесности – «парных надписях» (кит.: 对联). Его закономерными чертами является параллелизм фонетического оформления (достигаемый чередованием ровных и ломаных тонов), симметричность смысла и идентичность грамматической организации. Тройная симметрия частей парного построения обусловили широкую практику их использования в поэтических текстах и создание короткого жанра экспрессивных речевых произведений – «двустиший».

Поклонником двустиший был правитель династии Цин Цяньлун (乾隆, 1711–1799 гг.). Талантливый правитель нередко по разным поводам, в поездках и на прогулках, сочинял двустишия-палиндромы для того, чтобы отметить привлекательность того или иного места, или описать свои ощущения. Среди классических примеров – двустишие, которое император сочинил во время поездки по южному течению реки Янцзы. Сделав остановку на обед в местечке под названием 《天然居》 (досл.: естественное (любимое) место), Цяньлун, поражённый популярностью заведения среди местных представителей образованной элиты¹, сочинил палиндром 客上天然居, 居然天上客 (досл.: гости заходят в «любимое место», здесь встречают гостей, как в раю), предложив гостям этого заведения сразиться с ним в умении составлять двустишия. Только его помощник смог составить вторую строчку-палиндром, симметрично описывающую привлекательность другого места: 人过大佛寺, 寺佛大过人 (досл.: люди проходят мимо храма Большого Будды, Будда в храме превосходит людей в своём величии).

Для передачи значения этого двустишья, в котором каждая из строк читается в прямом и обратном направлении, необходимо установить логико-грамматические связи и найти предикат, которым в данном случае является слог 过 (досл.: проходить, миновать, превосходить). Многозначность глагола стала основой игры смыслов в данном речении: в первой части глагольный компонент реализует прямое значение (люди проходят мимо храма), во второй части этот компонент реализует переносное значение (величественность храма превосходит людей). Позднее для первой строки двустишья Цяньлуна появился и другой вариант, также содержащий упоминание о храмовом комплексе, имеющем

¹ Как отмечается в источнике: «ближе к обеду здесь собралось много народа, и все больше представители учёного сословия, литераторы и писатели», (см. https://www.sohu.com/a/462464943_120603625)

историческое значение 僧游云隐寺, 寺隐云游僧 (досл.: монахи совершают паломничество в храм прибежища облаков, облака, нашедшие прибежище в храме; указывают путь странствующим монахам). Здесь калькирование смысла, заключённого в названии (как и в палиндроме Цяньлуна), становится способом демонстрации своеобразной игры слов и фонетической выразительности.

Суггестивный потенциал палиндрома с момента своего зарождения (как известно, западная история этой языковой формы, записывавшейся на вазах и других предметах, которые можно было вращать в любом направлении, насчитывает более двух тысячелетий) не вызывал никаких сомнений: так как был создан для громкого провозглашения смысла и стал впоследствии игрой слов. Так, один известный в Китае гуманистический слоган, автором которого стал патриотический герой Лэй Фэн (雷锋, 1940–1962 гг.), сформулирован так: 我为人人, 人人为我 (досл.: я для людей, люди для меня). Этот слоган состоит из двух частей, вторая часть является обратным прочтением иероглифических знаков смысловой цепочки я служу народу, то есть народ служит мне. Между двумя частями – симметричная связь, подчёркивающая взаимозависимость или взаимообусловленность явлений и фактов. Именно этот механизм логической связи стал основой для обозначения духа Лэй Фэна (кит: 雷锋精神), который пропагандирует гуманистический принцип общественных и межличностных отношений: заботься о других, и тогда другие станут заботиться о тебе. Помимо смысловой реверсии этот слоган обладает эстетикой визуализированного иероглифического узора.

Иногда в симметричную пару могут соединяться два обратных речения. Так, популярная в Китае парная надпись построена по типу обратного речения, демонстрирующего абсолютный иероглифический повтор при реверсивном воспроизведении: 上海自来水来自海上, 山西悬空寺空悬西山 (досл.: питьевая вода поступает в Шанхай из моря, храм Сюанькунсы в провинции Шаньси парит в воздухе на западном склоне горы). Особенностью этих симметричных конструкций, каждая из которых читается и в обратном направлении, является актуализирующий предмет описания центральный компонент – слог, выступающий конечным словом, для первой части это – вода, для второй – монастырь. Проблема питьевой воды является актуальной для Китая, непосредственный выход к морю является особенностью решения этого вопроса в Шанхае. В центре внимания второго палиндрома – построенный в конце пятого столетия на отвесной скале с западной стороны ущелья горной реки Хунь, монастырь Сюанькунсы (кит.: 悬空寺, досл.: храм, парящий в воздухе).

Поэтичность палиндромов-двустиший достигается не только чётким воспроизведением обратного порядка и находимым в обратном прочтении симметричном ритме, который словно является зеркальным отражением ритмических особенностей первой строки, но и во многом обусловлена механизмами семантизации и грамматическими особенностями китайского языка. О красоте и самобытности пейзажей парка Сюшань (кит.: 秀山公园) в провинции Юньнань сообщает следующее двустишие: 秀山青雨青山秀, 香柏古风古柏香 (досл.: *Сюшань возвышается в синей дымке укрывшего их пеленой дождя, кедры благоухают в своей незыблемости и прикосновении к вечности*). Этот палиндром описывает привлекательные черты парка, используемая игра словами и их значениями умножает выраженный смысл, на первый взгляд, незамысловатыми структурами и повторами. Невыраженность в слове его грамматических значений и, в силу этого, способность слогов китайского языка выступать в функции разных частей речи позволяют использовать один и тот же слог в качестве разных членов предложения: так, 秀 в сочетании со словом 山 (в первой строфе двустишия) выполняет атрибутивную функцию, однако, помимо значения *прекрасный*, может реализовывать производное значение *выдаватьсь, выделяться, возвышаться* (благодаря своим прекрасным свойствам). Аналогичным является реализация значений иероглифа 香 (во второй строфе двустишия), который в начальной позиции выступает атрибутивным компонентом со значением *ароматный, особенный*, и на этой основе участвует в образовании двусложного фитонима 香柏 (кедр, досл.: *ароматный кипарис*), и предикатом в позиции в конце строфы с производным значением *цениться, славиться*.

Если более внимательно проанализировать каждую часть этого двустишия, можно обнаружить более глубокий уровень организации представленного здесь палиндрома. Кроме того, что каждая из частей может быть прочитана в обратном направлении без ущерба смыслу, каждая из строф – это последовательно связанный палиндром, в котором есть слог, связывающий первую и вторую часть каждой строфы. Для первого палиндрома это слово 雨 (дождь), для второго – 风 (ветер). Наличие центрального компонента позволяет говорить о внутреннем палиндроме и возможности обнаружения более глубинного уровня грамматических, а следовательно, и семантических отношений, в полной мере отражающих заключённый в такую форму смысл: 秀山青雨, 雨青山秀 (досл.: *великолепные горы окутаны дождём, дождь украшает синевой горы*). Соответственно для второй строки более глубинный уровень грамматических реляций обратного прочтения выглядит так: 香柏

古风，风古柏香（*досл.: ароматные кедры веками покоряются ветрам, ветра укрывают древностью благоухающие кедры*）。

В другом парном палиндроме, описзывающем горный пейзаж на острове Гуланььюй (кит.: 鼓浪屿, Сямынь): 雾锁山头山锁雾，天连水尾水连天（пер.: *туман окутал горные вершины, высокие горы задерживают туман, небо соединяется [на горизонте] с хвостом [устилем] реки, речные воды достигают неба*）。 Кроме рассмотренных выше двух уровней смысла, проявляется и третий уровень – уровень противопоставления, выраженный эксплицитно на уровне антонимичных морфем 头 – 尾（*досл.: голова [верхушки гор] – хвост [конец реки]*）。 Помимо прочего, связь между этими морфемами, выступающими центральными компонентами каждого из двух обратных речений, составляющих парный палиндром, объективируют логику их взаимосвязи в составе одного речевого события.

Комплекс языковых средств выразительности и наслаждение уровней смыслов, заключённых (имплицитно и эксплицитно) в китайских палиндромах, отражают глубину содержания и изысканные возможности китайского художественного слова, но, вместе с тем, такие виртуозные приёмы становятся весьма серьёзной сложностью в процессе перевода. И даже, несмотря на исчерпывающие старания переводчика, перевод таких высказываний может стать неразрешимой задачей (особенно с учётом всех компонентов транслируемого на китайском языке значения). Специфика китайского палиндрома определяется характером письменности и строгостью структуры высказываний, поэтому при переводе китайских обратных речений возможности языков, не располагающих иероглифическим письмом и свободных в порядке выражения смысла, оказываются ограниченными в средствах передачи скрытой на различных уровнях китайского палиндрома выразительности.

Литература:

1. Кравцова М. Е. Хрестоматия по литературе Китая. – СПб: Азбука-классика, 2004. 768 с.
2. 微也足道]从回文对说到回文诗：一种修辞手法的运用，
http://www.xinhuanet.com/politics/2016-04/18/c_128906206.htm

**MICHAEL KONSTANTINOV,
ALEXANDER KONSTANTINOV**

ANTIQUITY AND MIDDLE AGES

STONE AGE

Up till now the idea that the history of Zabaikalye begins only in the seventeenth century, that is when the Russian people came here, continues to exist. The preceding time reveals in the public mentality as something retarded, chronologically indiscernible, ethnically homogeneous. In fact the roots of Zabaikal history go back to the depth of the ancient stone age, though the precise time of the appearance of the human being in Zabaikalye is difficult to date and the question is still being under discussion. The location of the first ancient human beings is found in Eastern Africa. Precisely there according to the accepted scientific theory its formation started 2–3 million years ago. From that part of the planet, ancient man, going through definite periods of his development, gradually inhabited different areas north direction included. So in China the evidence of habitation of ancient human being was found and that's why he was called Sinantropus (Sina in Latin means China). The skeleton remnants of 40 men of this species were found near Beijing in the cave Zhoukoudian¹, where archaic community lived so long, that it left after itself 6 meters layer of ashes, as the excavation showed. The Sinantropuses didn't create special burial places for the deceased, leaving them in "dark corners" of the cave. The famous anthropologist M. M. Gerasimov reconstructed the image of the Sinantropus. The volume of his cerebrum in average was 1200 cm 3, that exceeds the volume of the corresponding parameters of the anthropoid monkeys in two times, the volume of the jaws decreased, that led to the more men like appearance and promoted the development of the speech. In greater degree it was the result of eating not the raw meat, but that prepared on fire.

The Sinantropuses lived in the epoch which according to the archeological periods is called ashel (400–150 thousand years ago). The nature condi-

¹ Zhoukoudian's cave – пещера Чжоукоудянь. (Прим. пер.).

tions at that time differed greatly from the modern ones.

The warm climate transformed into the cold one and later to the ice period. In spite of this the Sinantropuses having mastered fire and different means of hunting on big beasts continued to advance into the north and appeared in the areas of Siberia, and also in Zabaikalye. They could create stone tools in the shape of primitive knives, scrapers, wood choppers. The accumulation of such instruments was found on the surface of ancient pebbles on the banks of the river Gyrzhelunka – the tributary of the river Khilok. Single instruments of the archaic shape were found on the high terraces and on the bottoms of the depressions in the environs of Chita (cooperative “Teacher”), in the Ust-Mensa area on the river Chikoi, in the location Basino, in the low stream of the Khilok in Buryatia. It is no exception, that the Sinantropus was the first to go through Zabaikal Territory, but the researchers (G. I. Medvedeva and others) consider possible the discovery in the south of Eastern Siberia even more ancient monuments, up to pliocene – aopliocene existence. In recent years, the hypothesis of Yu. A. Mochanov dealing with non-tropical forefathers’ location of a human being based on the research works in Yakutia is widely spread.

We have more thorough knowledge about Mousterian epoch (150–35 thousand years ago). Due to a harsh cold spell on both poles of the planet, there was formed a massive ice cover. Enormous ice massifs several kilometers in height engulfed northern seas and spread on the northern areas of Eurasia. Vast ice fields were formed in Eastern Siberia, which were cut by the Yenisei, the Lena and other rivers. Cold breath of glaciers was felt through thousands of kilometers from them in the remote lands of Northern, Eastern, Central and Fore Asia. The influence of mountainous glaciers in Zabaikalye enhanced at that time. They existed not only in the north of the territory, but also in the south – in Eastern Sayan, and also in the upper regions of the Ingoda and the Chikoi. The tongues of glaciers covering the highest tops and passes descended downward along the river plains. The forest zone harshly reduced, on their location there appeared dry cold steppes, which advanced to the north for 259–300 km.

Neanderthal men, occupying the highest degree in the development of the human being formation lived in Mousterian epoch. The nearest place to Zabaikalye, where the Neanderthal man was found, was the cave Teshik-Tash in Uzbekistan. His appearance was also reconstructed by M. M. Gerasimov and is represented as an illustrative material in the History text book. Some single teeth were found in the Altai cave Sibiryachikha researched by A. Okladnikov. In Zabaikalye proper there were discovered the remnants of settlements with cultural layers, giving the picture of life pattern of the human being at that epoch. They managed to adapt to the extreme nature conditions learning in stubborn fight for existence to keep fire, to make different

instruments of labour and hunting from timber and stone, to process the skins of animals.

About 100 thousand years ago, the Neanderthal men settled in the upper regions of the Chikoi near mountain Kovrzhka. Here from the depth of 6 metres the cutting instruments, knives, scrapers were picked up; all of them have the evidence of water and aeolian impact. Approximately 50 thousand years ago there appeared a settlement Priiskovoye near the village Bolshaya Rechka on the Chikoi, where 6 thousand stone instruments were found, including scrapers, knives, punches, chisel and chopping like instruments. It has been stated that they hunted for deer, bison, horse, bear. The settlement of the Neanderthal epoch Sukhotino-1 was discovered in the plain of the river Ingoda near Sukhotino rocks on the Titov hill within the environs of Chita.

More fundamentally the human being mastered Zabaikalye in the upper Paleolithic period (35–11 thousand years ago). By that time the formation of modern human being – Homo sapiens had already completed. The population of that territory belonged to the Mongoloid race and from the anthropological point of view was close to the American Indians. Such similarity was not accidental. “The Zabaikalians” also participated in mastering the American continent. Following the herds of animals “the Columbuses of the Stone Age” reached the Northeast Asia and then going on the land gigantic “bridge” – Beringiya happened to be in America, revealing the ability to overcome significant areas in harsh conditions of the Ice Epoch.

Such monuments as Tolbaga, Masterova Gora (Master’s mountain), Arta-3, Kunalei, Varvarina Gora (Varvara’s mountain), Podzvonkaya refer to the initial period of the Upper Paleolith. One of the most interesting and well researched monuments of that epoch is a settlement Tolbaga on the river Khilok. Ancient Tolbaga people lived in the Kargin inter glacier epoch. The gentle slope situated in the depth of ample theatre formed by the hills was chosen as the place of residence. This plot was warmed by the sun quite well and was defended from winds. In Tolbaga a vast settlement of ancient hunters and gatherers was excavated. It consisted of several dwellings of oval and round shape. One of them 6,5+12 metres in size was heated by twelve hearths. Two dwellings had an entrance in the form of tambour, facing to the south. Such structure helped to save warmth within the dwelling. The dwellings were heated by the fireplaces, or with the help of hearths, made in small rectangular pit, flagged on the edges with slabs. Side by side with timber used for the heating of the dwelling, bone was also used. The main labour and home activities of its residents were going on inside of the dwelling, which they left only for hunting or picking up plant-based food.

The human being of that time was engaged mostly in hunting, gathering had additional meaning. Enclosure type of hunting with fire as the predominant way of trade, gave the necessary stuff – food, materials for making

instruments, skins for clothes and covering of dwellings. They were hunting on woolly rhinoceros, horse, bison, wild ram (argali), Mongolian gazelle, spiral-horned antelope, Baikal yak, reindeer, red deer (stag), Asiatic wild ass (onager) and wolf. Killed animals were cut on the hunting location and only part of the carcass was brought to the settlement. Among fauna remnants there are no mammoth bones. This corresponds to the established opinion about the ratio of Pleistocene animals in Zabaikalye with its small amount of snow. Under these conditions the rhinoceros felt itself quite free and untrammelled, and the mammoth – rather uncomfortable.

Stone instruments comprise half of the whole set found in the settlement. The matter is that the initial processing of the stone was made, as a rule, on the location where it was found. And as far as the main material was river pebbles, it was processed just on the bank of the river, ready-made instruments or half-finished products being taken to the settlement proper. For Tolbaga residents the plate technique of stone processing is characteristic when the basic half-finished product for this or that instrument was a plate. If there was no need in long stretched half-finished product, it was broken into parts and then it was processed again until it became a tool. The set of instruments is quite versatile. The largest group of instruments – plates and their fragments with edges were processed by retouch. These products served as scrapers or knives. Besides that the Tolbaga residents used scrapers, cutters, punctures, chisel like instruments, breakings, chopping instruments. Stone instruments were used for skinning animals and processing of skins, bones and timber.

There is also a unique finding in Tolbaga – the sculpture of bear's head, done on the appendix of the vertebra of the woolly rhinoceros vertebra. To shape correctly the ancient sculptor smoothed over the comb and cut the lower lip characteristic for the bear. Managed by thrifty manners to create living and realistic image of the animal, bear's muzzle looks naturally due to the raised top of the nose. One can see even nostrils as if the beast sniffs something. One can hardly see small eye of the bear, nevertheless the image of the animal is quite accomplished with all the peculiarities and proportions. It is the most ancient object of art not only in Zabaikalye and Siberia, but also in Asia. It is worth mentioning that the bones were not found in the settlement. It was hardly hunted. It was judging by the sculpture, a cult animal – a kin totem.

The analysis of the geological conditions of the cultural level's bedding, the character of the material, radiocarbon dating let to define the age of Tolbaga some 35000 years ago. By those parameters some other settlements are close to it; Varvarina Gora, Kamenka (complex A), Podzvonkaya, situated in Buryatia, Masterova Gora, Arta-3 – in Chita region. All of them are united into Tolbaga archeological culture. Approximately to this period there

refers the settlement Kunalei on the Khilok river in Buryatia but to this settlement another way of processing and another set of instruments is characteristic. At the same time the structure of the material is similar to Kunalei in such settlements as Kamenka (complex) in Phomichyovo. These peculiarities indicate the existence of different ethnic cultures on the Zabaikal Territory even in such remote times (M. V. Konstantinov, 1994). Using the language of ethnography and primeval history one can say that the Tolbagait and Kunaleits created those original communities in which the kin society revealed itself and where the human being showed great abilities of the sapient intellect.

The continuation of late Paleolith (25–11 thousand years ago) is revealed in wonderful monuments, situated in Ust-Mensa, Studyony, Kosaya Shivera in the basin of the river Chikoi, on the Sanny cape on the river Uda, in Amagalon on the river Onon, Tanga and Sukhotino-4 on the river Ingoda. These monuments were many layered. They are compared with many-storeyed buildings, which go deeply into subterranean layers with “living areas” – cultural levels and inter-storeyed overlapping – sterile layers. A large series of dwellings with distinct stone facing on the outer contour was discovered in many layered monuments: it has no analogy on the Asiatic continent. The dwellings with one hearth are distinguished, destined probably for one family. Rounded in shape they are reconstructed as a chum (a tent made of skins). Many-hearths dwellings with several (from 3 to 6) hearths on a long axis are also known. Such erections are possible to imagine as large shelters made of branches or sticking to each other small family dwellings. Their framework could be erected with the help of poles, from which in the researched layer, as a rule, nothing is left. While constructing chums the poles were set in circle and their upper ends were put into a “bunch”; making shelters the ridge pole was necessary, on which the lateral poles were fixed. The framework was covered with bark in summer and with skins of animals in winter. The dwellings saved from cold and rains, the fire in the hearth gave not only warmth, but also light, the ability to cook food. That's why the main activity of the people was done in their dwellings; here they made instruments made of stone and bone, sewed clothes, made decorations. Among the most unusual findings on the Sukhotino-4 is a rib of the animal with the schematic image of the dwellings.

In one of the dwellings of the settlement Studyonoye-2 there was found the fragment of the deer horn with the hole. Similar objects were found on the Paleolithic site of Siberia and Europe, but their message is not quite clear. Archeologists gave them conventional name – “the chief's baton”. Wonderfully ornamented baton is done by assured professional hand and serves as an evidence of high artful abilities of ancient Zabaikal people, the presence of fine art taste. This statement is also proved by the decorations found in that

place – beads, pendants from soft kinds of rock and shell of the ostrich.

Instruments of trade, found on the settlements of that time differ by greater diversity. There appear diminutive instruments in the shape of scrapers, cutters, punctures, made of jasper but more often bone was used. At the same time there were found more archaic forms – chopping instruments, massive scrapers, pointers. The important condition for making instruments was the existence of the material, as not every kind of rock could be used. The material which had to be used should be firm and at the same time soft for the processing. The main material was river pebbles and also stone which was mined in the places of outcrop of bed rock. Similar places on mining and initial processing of the material are called “shops”. Such “shop” of the Stone Age is found on the Titov hill. Through thousands of years people were coming there for the material. The instruments with the help of which it was taken – picks from the deer horns were found there. The initial processing was also done on the Titov hill. The sites are covered with entire layer of split rock.

In the nearest area to the “shop” on the river Ingoda, there is a many-level settlement Sukhotino-4. Different types of dwellings connected with them, various stone and bone stock were found there. The fauna remnants found in the settlement belong to 22 kinds of animals. Among them there are the bones of mammoth, woolly rhinoceros, bison, spiral horned antelope, horse, dzeren, argali (mountain sheep), reindeer, elk, roe deer and others.

Within 13–10 thousand years ago in Zabaikalye as well as on the largest part of the planet natural conditions dramatically changed. During climatic cataclysms with general warming trend the continent glaciers started to melt, the mammoth fauna had been dying, modern biozonosis had been forming – tundra, forest, steppe and other more southern zones. The global climatic changes influenced the primeval people community. The unchangeable biological stature of human beings was accomplished by the ecological plasticity based on the ability to analyze environment and adapt to it, inventing new ways and instruments of getting food. Having armed with bow and arrows, harpoons and other hunting and fishing tackle, the human being stepped into the new epoch to overcome food crisis and fix on these boundaries having left the monuments of the Mesozoic era to the descendants.

/Энциклопедия Забайкалья. М. В. Константинов, А. В. Константинов.
История. Древность и средневековье. Эпоха камня. – Новосибирск: Наука, 2000.
С. 133–135/.

Перевод на английский Нины Марковой

ЛЮДМИЛА ЭМИРЗИАДИ

ИРЭН ФРЭН (род. в 1950 году)

Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ В СИБИРЬ

Многоуважаемые читатели! Этот номер нашего журнала «Переводчик» выходит в год 200-летия со дня восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года, события столь далёкого и столь близкого, интерес к которому не ослабевает и по сей день. До сих пор об этом событии и его участниках снимают художественные и документальные фильмы, проводят научные исследования, пишут монографии, диссертации и книги, в том числе и за рубежом. Одним из ярких тому примеров, несомненно, является книга «Я последую за тобой в Сибирь»¹ известной французской писательницы Ирэн Фрэн, награждённой несколькими литературными премиями. Её книги переведены на многие языки мира. Первое издание этого произведения вышло в свет 19 сентября 2019 года во Франции в издательстве Польсэн (Paulsen), а в 2024 году книга была переиздана в связи с огромным интересом французской аудитории. Книга посвящена одной русской француженке, Полине Гебль, Прасковье Егоровне Анненковой, принявшей православие, чтобы стать законной женой любимого человека, ссыльнокаторжного декабриста Ивана Александровича Анненкова, приговорённого к 15 годам каторжных работ за участие в декабрьском восстании 1825 года и сосланного в далёкий, заснеженный, холодный край. По зову любящего сердца она сумела преодолеть многочисленные преграды, связанные с тем, что была урождённой чужестранкой. Проделав многотрудный путь из Петербурга в Читу, она приехала, чтобы разделить с ним нелёгкую судьбу отверженного, изгнанного из общества равных ему по чину и по происхождению. Иван и Полина были

¹ Ирэн Фрэн. – «Je te suivrai en Sibérie». Я последую за тобой в Сибирь. (Здесь и далее прим. перевода).

венчаны судьбой и священником Михайло-Архангельской церкви, ныне Церкви декабристов в Чите, в которой до сих пор витает дух эпохи и тех людей, бережно хранятся письма, книги, документы, экспонаты – немые свидетельства, уводящие нас в глубину двух столетий в поисках утраченного времени.

Об их романтической истории, всепобеждающей любви и нелёгкой судьбе мы рассказывали в одном из предыдущих номеров журнала «Переводчик».¹ Перевод с французского языка VII и начала VIII главы книги «Я последую за тобой в Сибирь» был опубликован в предыдущих номерах нашего журнала. В этом номере вы познакомитесь с продолжением перевода VIII главы.² Она носит название «Ад» и повествует о пребывании семьи Анненковых, других декабристов и их жён в Петровском Заводе. В своих воспоминаниях практически все декабристы и их жёны писали о том, что их отбывание каторги в Чите виделось для них раем по сравнению с тем, в каких условиях они оказались на новом месте, сколь ужасной и непригодной для жизни была новая тюрьма, построенная в Петровском Заводе.

Воспоминания декабристов и их жён являются очень важным первоисточником, ресурсом, из которого декабристоведы черпают разнообразные сведения об их повседневной жизни в ссылке. Ирэн Фрэн при написании своего романа, несомненно, тоже использовала эти ценные сведения из первых рук. А вот воспоминания детей декабристов – это, пожалуй, редкость. И повествование писательницы было бы не полным и не столь глубоким, если бы она не располагала воспоминаниями дочери Анненковых – Ольги Ивановны Анненковой (1830–1891), которая родилась в мае 1830 года в Чите и была единственной из детей Анненковых, кто помнил годы, проведённые именно в Петровском Заводе, а затем на поселении. В этой главе мы встретим некоторые сведения, взятые из этих воспоминаний.

Ещё в начале 1860-х именно Ольга записала под диктовку своей матери Прасковьи Егоровны, плохо говорившей по-русски, её воспоминания, которые занимают особое место в мемуарной литературе о жизни декабристов на каторге в Чите. Эти воспоминания были озвучены и записаны на французском языке, а затем переведены и изданы на русском в 1888 году в ежемесячном историческом издании «Русская старина». Но в этих воспоминаниях отсутствуют сведения об их пребывании в Петровском Заводе. А именно эти годы как раз хорошо помнила Ольга, несмотря на то, что была ещё ребёнком. Конечно, это детские воспоминания, но детство, проведённое среди образованных, честных и благородных людей с возвышенными идеалами, не могло пройти бесслед-

¹ Журнал «Переводчик» № 8, 2008. С. 150–161.

² Переводы VII и VIII глав книги опубликованы в журнале «Переводчик» №№ 20–24.

но. И это побудило её написать свои собственные воспоминания, но удалось создать всего 2 главы.

«Первые мои воспоминания – тюрьма и оковы. Но, несмотря на всю суровость этих воспоминаний, они лучшие и самые отрадные в моей жизни», — так начинает своё повествование Ольга Анненкова¹. «Няньки у меня никогда не было. Меня качали, нянчили, учили, лечили и воспитывали декабристы… Лично для меня они были незаменимы, я их потом везде искала, мне их недоставало в жизни..!» – откровенно признаётся Ольга Ивановна.

Сама Ольга Ивановна Анненкова была известна своим обаянием и сердечностью, была красива и добра. Её любили в семье, ограждая от невзгод непростой жизни в суровых условиях каторги. Её обожали и часто баловали многие декабристы и их жёны, вкладывая свою душевную щедрость, теплоту, кладезь знаний и возвышенных идеалов в подрастающую девочку.

Однако жизнь на поселении, сначала в селе Бельское, затем в Турионске и Тобольске, была полна невзгод и лишений. Но сила и стойкость окружавших её людей, отсутствие жалоб, взаимоуважение и взаимная поддержка воспитали в Ольге Ивановне сильный характер, самообладание, мужество, терпение и силу воли. Много испытаний выпало впоследствии на её долю, но она очень стойко переносила все удары судьбы и неизменно помогала другим. Так, вместе со своей матерью Полиной и Натальей Фонвизиной Ольга приходила поддержать молодого Ф. М. Достоевского в Тобольском остроге. Женщины принесли Фёдору Михайловичу богословскую книгу, в которой были спрятаны деньги. Эти деньги помогли ему выжить, а книгу он хранил всю жизнь как бесценную реликвию. В 1852 году она вышла замуж за Константина Ивановича Иванова, на тот момент генерал-лейтенанта, адъютанта омского генерал-губернатора. В браке появилось двое детей – Елена и Сергей. Ольга Ивановна всецело посвятила себя семье, заботе о муже, воспитанию детей. Достаток в семье был не велик, особенно, когда мужа перевели служить на Кавказ, а потом в Иркутск. Она тяжело заболела и умерла 10 марта 1891 года в большой нужде.

Глава VIII. АД

СВЕТЛАНА² ВЕДЁТ МЕНЯ на балкон музея, место, откуда Каташа наблюдала за тюрьмой. Но поскольку её дом был перемещён, теперь перед нами оказалась Дамская улица.

¹ [https://ru.wikisource.org/wiki/Воспоминания_дочери_\(Анненкова\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Воспоминания_дочери_(Анненкова)). Дата обращения: 21.02.2025.

² Светлана – Светлана Анатольевна Номоконова – директор Петровск-Забайкальского историко-краеведческого музея.

Возле того места, где Мария построила своё жилище, продавщица мороженого дремлет под зонтиком. С другой стороны улицы, перед домами с крышами, покрытыми бледно-зелёным или багряным кровельным железом, двое мужчин, измотанных жарой, берут мотоцикл, садятся и исчезают в вихре пыли. Затем облако пыли рассеивается, и улица возвращается к своей мрачной жизни.

Неожиданно Светлана спрашивает меня:

— Что толкнуло вас приехать в Петровский Завод? Это далеко — Париж...

— Внезапное прерывание рассказа Полины. Мне хотелось бы узнать, что произошло с ней, когда она обустроилась здесь. У меня создаётся впечатление, что это был очень мучительный момент.

Она не отвечает. Я обобщаю:

— Я сама себя спрашиваю, что толкнуло всех этих женщин присоединиться к их мужьям в Сибири. Потому что определённо, если подсчитать, большинство жён осуждённых остались у себя дома...

Она улыбается.

— Русская душа.

Вероятно, у меня был озадаченный вид, и она объяснила:

— Я хочу сказать: стереотип о русской душе. Потому что на самом деле, мы, русские, мы сами себя не понимаем.

Она нахмурилась. Возможно, подумала о растряченной любви, о страдании, которое ей сопутствовало.

Я не знаю, что сказать. И снова начинаю рассматривать улицу. Двое мальчишек играют в футбол посреди Дамской улицы. Как и того мужчину на ресепшене вчера вечером, чемпионат мира по футболу чрезмерно возбуждает всех.

Я продолжаю разговор:

— Я спрашиваю себя, как эти женщины могли расстаться со своими детьми. С одной стороны, у них были дети, и они не увидят, как они растут, а другие, рождённые в ссылке, вынуждены были разделить их страдания.

Светлана коротко прерывает меня:

— Мы поговорим об этом во второй половине дня. Встречаемся через два часа.

Она не говорит мне где, но я знаю. Этим утром, по приезде, я сказала ей, что мне хотелось бы посетить кладбище.

*

Этот маленький некрополь интригует меня с того самого дня, когда, прошлой зимой в Санкт-Петербурге я обнаружила его изображение в музее Пушкина. Я прогуливалась по залу, посвящённому повстанцам

14 декабря, когда мой взгляд был притянут акварелью, напоминавшей манеру Бестужева – поспешная копия, несомненно, с утраченной картиной. На ней была изображена церковь из массивного дерева на вершине холма. Крутая дорога вела к храму. Несколько крестов слева указывали на места захоронения. Чуть ниже, справа, возвышалось небольшое сооружение, украшенное фронтоном. Именно оно заставило меня остановиться. Его очертание, явно навеянное фасадами Санкт-Петербурга и Москвы, не соответствовало грубой простоте деревянной церкви.

Я задержалась возле этой картины. Хранительница, которая присматривала за этим залом, увидев, что я озадачена, поднялась со своего стула, схватила меня за локоть и властно подвела к другой картине – портрету, висящему на противоположной стене. Затем, также повелительно, как если бы то, что она хотела довести до моего сведения, было первостепенной важности, она подвела меня к акварели и силой жеста дала понять, что женщина с портрета была захоронена в этом маленьком монументе, декорированном фронтоном. И сообщила это так серьёзно, как будто речь шла о ком-то из трагически ушедших родителей: «Петровский Завод, Муравьёва».

Муравьёва: Александрина. Как только я смогла, я проверила, правильно ли я поняла то, что она мне сказала. Не было никакого сомнения – Александрина умерла в Петровском Заводе, и эта часовенка была её могилой. Бестужев несколько раз рисовал её план, перемещал по холму на своем мольберте, менял краски, пока, наконец, не нарисовал этот мавзолей.

Я также обнаружила, что поклонники его творчества или поклонники Александрины разместили эти фотографии в интернете. Но на этих фотографиях, на удивление, перед часовней фигурировало другое здание, намного меньше и в форме усечённой пирамиды. На ней возвышался крест, и подобно гробнице она была побелена известью.

В этот вечер я должна была пить чай с М., которая знала все сокровища музея. Как только я пришла в её обветшалую квартиру в сердце квартала, который и сам-то совсем не изменился и навевал мысли о декорации к роману Достоевского *«Преступление и наказание»*. Я рассказала ей об акварели в музее Пушкина и об акварели Бестужева, на которой фигурировало это странное сооружение. «Часовня с фронтоном – это и есть могила Муравьёвой, – ответила она мне. – А маленькая постройка, которая кажется вам столь странной, – это могила Анны, первой из двух дочерей, которую родила Полина в Чите».

Как и хранительница в музее, она очень серьёзна:

– Затем были ещё и другие смерти в Петровском Заводе, нечто похожее на чёрную полосу. Я уже не совсем хорошо помню, но поищите, вы найдете, это страшная история.

Я поискала. В Петровском Заводе, действительно, год спустя после переселения сюда исправительной колонии, смерти следуют одна за другой, в то время как в Чите, за исключением смерти младенца Марии, не было ни одной.

По иронии судьбы первая драма случилась непосредственно после того, как в камерах прорубили окна. Все предыдущие месяцы, чтобы поддержать своего мужа, Александрина беспрестанно бегала туда-сюда, от дома до тюрьмы. Она была беременна. В декабре родила девочку, Олесю. Зима была особенно суровой, малышка не выжила, не дожила до весны.

Для женщин того времени потеря ребенка в раннем возрасте была привычным делом. Мария довольно быстро пережила потерю своей маленькой Софи. Что же касается Александрины, она не могла прийти в себя после смерти Олеси. Ей нужно было приложить к этому усилия, но не удавалось этого сделать. Как только она выходит наружу, она поворачивает голову в сторону холма, где похоронен ребёнок, и в тот же миг боль сокращает её. Закончилось тем, что она спряталась в своей комнате.

Она стискивает зубы, появляется снова, пытается измениться. Однако все замечают: её волосы седеют, она становится всё более нервной, и каждый наступающий день она ищет забвения в задачах и обязательствах столь же бесполезных, сколь бессвязных. Как насекомое, застрявшее в банке. Она отдаёт себе в этом отчёт: «Я заставляю себя двигаться до тех пор, пока мои ноги больше не могут меня нести», — пишет она своей свекрови. Тем не менее, это продолжается.

На портрете Александрины той поры, который нарисовал Бестужев, ей двадцать восемь лет, а кажется, что все пятьдесят. Она сгорбилась, черты её лица измощдены, её потухший взгляд теряется в пустоте.

Несколько месяцев спустя она умерла. Ноябрьским вечером, в одном из своих беспорядочных порывов, к которым уже привыкла, она побежала к своему мужу. Было очень холодно. Она была так потеряна, что не замечала ничего вокруг себя, и выскочила из дома, не накинув свою пелиссы¹. Со следующего дня она начала кашлять. Её состояние быстро ухудшалось. Ни одно из предписаний доктора Вольфа не оказалось способным её спасти.

Бестужев, опять же он, изготовил для неё гроб. Он укрепил его с помощью чугуна. На смертном одре Александрина попросила, чтобы её похоронили в европейской части России в семейном склепе. Никто ни секунды не сомневался в том, что царь даст своё согласие на перевоз тела в Москву.

¹ Пелисса — верхняя одежда, с рукавами или без них, изготавливавшаяся из разных материалов и носилась поверх платья.

Лепарский¹ попросил заключённых общего режима, которые работали на железоделательном заводе, вырыть временную могилу в замёрзшей земле. В день похорон друзьям вдовца было разрешено выйти. Согласно местной традиции они должны были нести гроб до церкви, а затем до могилы. Анненков как раз был среди тех, кто нёс гроб на плечах.

Полина, которая за месяц до того родила своего первого сыночка, Владимира, следовала ли она за гробом с другими женщинами? Нам неизвестно, источники умалчивают об этом погребении. Известно только, что вдовец, Никита, поседел сразу на следующий день и что заключённые, по возвращении с похорон, уже не были прежними.

*

Через несколько недель после смерти Александрины Лепарский получает письмо от Бенкendorфа:² Его Величество император против того, чтобы тело было перевезено в европейскую часть России. Оно останется в Петровском Заводе.

Жестокое решение. Могила Александрины обречена на забвение. Царь при этом решил, что, таким образом, ссыльные якобы получат смягчение приговора. Через несколько лет после этого – два, четыре, шесть, может быть, девять, в зависимости от ситуации, – они будут отправлены в какой-нибудь сибирский город или деревню, где проживут до конца своих дней под запретом покинуть то место, знаменитое «вечное изгнание» по судебному решению от июля 1826 года. Никто из родственников или друзей не сможет приехать и забрать их захоронения, таким образом, и память о них будет потеряна. Николай ещё раз проявил себя так, как судила о нём Мария: «Император, который велик только в своей низости».

Бестужев и Никита быстро нашли реплику. Сверху над могилой Александрины и её дочери Олеси они построили погребальную часовню. Бестужев затем отправился на холм со своим мольбертом и красками и нарисовал её. Тогда он не знал ещё, когда и каким образом, но он это точно сделает, и тем или иным способом он отправит акварели семьям Александрины и Никиты, а те, в свою очередь, сделают копии для своих близких. Изображение мавзолея трансформируется в манифест против режима, так же как изображение частокола в Чите и камеры новой тюрьмы. Вопреки имперскому произволу память об усопших бу-

¹ Лепарский Станислав Романович (1754–1837) – генерал, одно из доверенных лиц Николая I. С 1827 года комендант Нерчинских рудников, а затем Читинского и Петровского острогов. К декабристам и их женам относился гуманно, что отмечено почти во всех декабристских мемуарах.

² Бенкendorф Александр Христофорович (1782–1841) – русский государственный и военный деятель, граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант Александра I, с 1826 года шеф Корпуса жандармов, член Государственного совета и Кабинета министров.

детувековечена. Бестужев, как и все его друзья и женщины с Дамской улицы, удручен. Смерть Александрины, такой хрупкой, такой привлекательной, казалась им самой жестокой, самой незаслуженной, и надо было еще царю усугубить эту безжалостность и несправедливость. С тех пор, как были повешены пятеро его друзей, он знает, что, когда ушедшим наносят оскорбление, они становятся бесконечно более сильными, чем живые.

*

Никита и Бестужев, несомненно, представили свой проект погребальной часовни Лепарскому. Однако нам неизвестно, был ли этот проект доведён до сведения царя или комендант взял на себя выдачу разрешения на его реализацию. Если бы с Николаем посоветовались, то у него не могло бы быть другого решения, как принять. Общественное мнение было возмущено его отказом выполнить последнюю волю умершей. Когда Александрина присоединилась к Никите в Сибири, в ней видели героиню. После трагической кончины и отказа отправить на родину её останки – она стала мученицей.

Император должен был бы оценить глупость своего поступка. Через несколько дней после этой ошибки он решает, что сосланные в Петровский Завод смогут свободно перемещаться по территории при условии получения одобрения Лепарского и в сопровождении вооруженного служащего. Также он позволяет женатым заключённым проводить дни в домах своих жён.

Затем он делает новую уступку: мужья могут там оставаться на ночь, если они пожелают, и даже проживать с близкими. Этот жест совсем не бескорыстный. Он надеется, что неженатые заключённые увидят в этом привилегию и что его предполагаемое великодушие приведёт к тому, что разделит каторжную республику, изолируя её наиболее ярых идейных представителей. Например, брат Никиты, Александр, который изучил хирургию по медицинским учебникам и теперь лечит зубы охранникам. Вольф, который использует свои прогулки для сбора на холмах медицинских растений и делает из них микстуры для лечения больных – всех заболевших, своих сокамерников, тюремных смотрителей, солдат, кочевников, заезжих торговцев, каторжан, которые работают на чугунолитейном заводе.

В число этих непримиримых борцов входят также те заключённые, которым пришла в голову идея научить читать и писать детей их стражников. Имперская администрация запретила им это, но они нашли ответный ход: они попросили Лепарского разрешить им включить детей в свой хор. Комендант не увидел в этом злого умысла. Тогда втайне и под видом обучения детей расшифровке нот они начали преподавать им

алфавит.

В конце весны, когда Бестужев наконец завершил работу над часовней, ему сообщили, что он должен сделать новый гроб – для Анны, четырёхлетней девочки Полины, которая появилась на свет год спустя после свадьбы.

В противоположность Никите, у Ивана не было средств, чтобы заказать для своей умершей дочери надгробную часовню. Бестужев, который никогда не испытывал недостатка в идеях, проектирует миниатюрный мавзолей и красит его в белый цвет, так же как и первый, чтобы его можно было видеть издалека.

Об этих похоронах никто больше никогда не рассказывал. Ни о скорби Полины, ни Ивана. Мы были довольны тем, что описали их расплывчато, как «стоическую» пару. «Плачь сколько хочешь, но в своей комнате», – говорила Александрина.

*

Спустя девять месяцев смерть наносит четвёртый, затем пятый смертельные удары: сын Натальи¹, годовалый младенец, не смог перенести первые холода, а через две недели, Пестов, сосед по камере Ивана, был сражен сердечным приступом. Оба мужчины были одного возраста – тридцать один год.

Заключённые находятся в состоянии шока. Они наконец поняли, что Николай будет преследовать их в своей злобе до их последних дней. Они спрашивают себя, выйдут ли они живыми из Петровского Завода, «этой заброшенной и забытой долины», по словам Одоевского².

Женщины с Дамской улицы задают себе совсем другой вопрос: если мы однажды умрём, как Пестов, как Александрина, что станет с нашими детьми?

ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ ПРОХОДИТ ниже кладбища. Каждые четверть часа или около того поезда пересекают долину. Такие же мощные и невозмутимые, как атлеты советской эпохи, их мотрисы буксируют десятки платформ, груженных бульдозерами, брёвнами, сельскохозяйственными машинами, контейнерами, на которых выбиты китайские иероглифы.

¹ Наталья – Фонвизина Наталья Дмитриевна (1803–1869) – жена декабриста генерал-майора М. А. Фонвизина, члена Северного общества, осуждённого по IV разряду; последовала за мужем в Сибирь, после его смерти (в 1854 г.) вторично вышла замуж за декабриста И. И. Пущина. С юных лет и до конца жизни в Фонвизиной были сильны мистические настроения.

² Одоевский Александр Иванович (1802–1839) – русский поэт, декабрист, осуждён, приговорён к 8 годам каторги и ссылки. Автор ответа А. С. Пушкину на его «Послание в Сибирь», автор знаменитой строки «...из искры возгорится пламя».

Стай бабочек кружились над крутой тропинкой, ведущей к склепу Александрины и к могиле Анны. Справа сломанная колонна обозначает могилу Лепарского, умершего здесь в возрасте восьмидесяти двух лет от усталости и печали, потеряв свою семью заключённых.

Церковь не устояла перед антирелигиозной яростью сталинских времён, от неё почти ничего не осталось. Но никто из фанатиков не осмелился притронуться к часовне, сооружённой Бестужевым. Кроме икон и старого креста, который украшал её, она осталась неповреждённой. Надгробные плиты не сдвинуты, и алтарь на своём месте. Все годы после отъезда Никиты и его дочери лампада освещала это место день и ночь. Путники, заметив её, знали, что деревня совсем близко.

Это был один из прежних заключённых, кто поддерживал её. Он был привязан к Петровскому Заводу. Решил остаться здесь, и никогда не покидать это место, несмотря на то, что был амнистирован. Каждый день он поднимался на кладбище и молился там. Остальное время он учил деревенских детей читать и писать, преподавал им музыку и, конечно, садоводство. С этими ребятишками он как будто поддерживал пламя, увековечивая ценности своих друзей по каторге, в большинстве своём давно умерших.

Маленькое здание с красной крышей, в котором покоятся останки дочери Полины и Ивана также не тронуты. Чем дольше я рассматриваю его, тем больше оно мне кажется странным. В его стенах в форме трапеции нет ни одного отверстия. У подножия одной из стен так же, как и возле алтаря и трёх погребальных камней в часовне – Анны, Олеси и Ивана, сына Натальи, – кто-то положил новые цветы из яркой ткани и букетики свежесобранных полевых цветов.

Светлана ведёт меня от могилы к могиле. Она не произносит ни слова об умерших детях. Она показывает захоронение Александра, сына Ивашева¹ и Камиллы Ле Дантю². Мрачная полоса не закончилась, он умер в возрасте одного года, семь месяцев спустя, день в день после смерти Пестова, сокамерника Ивана.

Как другие дети с Дамской улицы пережили эти драмы? Ольга ограничивается тем, что однажды она увидела тело Анны, лежащее на столе, это было одно из её первых воспоминаний, утверждает она.

Дочь Александрины, Ноннушка, насколько я знаю, тоже ничего не рассказывает о смерти своей матери. О ней как о совсем маленькой девочке той поры можно узнать благодаря одной забавной истории. Однажды, когда её отец уехал из Петровского Завода в сибирскую дерев-

¹ Ивашев Василий Петрович (1797–1841) – декабрист, ротмистр Кавалергардского полка.

² Камилла Петровна Ивашева, урождённая Ле Дантю (1808–1840) – француженка, дочь гувернантки в доме декабриста В. П. Ивашева. В 1831 году после продолжительных хлопот получила официальное разрешение, последовала за ним в Сибирь и стала там ему женой, разделив его участь.

ню, где находился под домашним арестом, он отправился в последний раз помолиться в часовню. Он взял дочку с собой. Ей только что исполнилось семь лет. Было лето. На холме было много цветов. Она спустилась с пригорка, чтобы нарвать цветов. «Я положу их на колени моей мамы!» – воскликнула она, когда вернулась на тропинку. Затем побежала, чтобы положить цветы в часовню, и вернулась совершенно радостная.

Мне хотелось расспросить Светлану об этой истории, но в тот момент, когда я собираюсь открыть рот, проходящий поезд испускает два сильных гудка и одновременно прямо перед нами молния раскалывает небо.

Ни облачка на горизонте. Тем не менее, и мне это не показалось: раскат грома обрушивается на долину. Светлана замирает.

Молния в совершенно чистом небе над кладбищем, я сомневаюсь, что она мне ответит. И я не спрашиваю.

*

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ БЕСЦЕЛЬНО ПРОГУЛЯТЬСЯ по Дамской улице. *Дамская* написано на табличках. Название улицы не изменилось.

Становится всё жарче и жарче. Близлежащий пруд обеспечивает ласточек пищей из насекомых, отличная охота, они кружатся большими стаями вокруг садов. Я всё время следую прямо по Дамской улице. Собаки бродят перед полем, на котором прежде стоял дом Полины – сегодня это небольшое пространство, отданное под дикие травы и заваленное бетонными блоками, которые никогда никому не пригодились. Продавщица мороженого под своим зонтиком подтасчивает ногти в ожидании покупателей. Её конкурентка напротив, которая торгует фруктами и газированными напитками, тоже не имеет успеха. Чтобы скоротать время она раскладывает карты.

Кафе в конце улицы тоже страдает, нет ни одного клиента. Мой взгляд так же, как и взгляд Александрины, ищет кладбище на краю холма. Тополя загораживают вид, и я не вижу его. Воздух становится тяжёлым от пыльцы и мошек. На стене из листового металла синего цвета кто-то нацарапал сердце. Не стоит доверять внешнему виду. После Полины на этой улице, которая мне казалась бездушной, писалась новая история любви. Или была написана.

Из сада выбегает пьяный. Он шатается, пытается идти прямо, не твёрдой походкой направляется к дому Каташи. Озорная блондинка в купальнике появляется между двумя листами металла, обходит их стороной, бежит покупать газированную воду к конкурентке продавщицы мороженого. На вид ей лет шесть, столько же было Ольге в то лето, когда она покинула эту улицу.

Ольга была счастлива в Петровском Заводе. Картинка тела её умершей сестры, кажется, не слишком травмировала её. Она честно говорит об этом: её пребывание здесь не имело ничего общего с адом. На-против, утверждает она, здесь были прожиты наилучшие моменты её жизни. Она снова видит, как в детстве, сопровождает свою мать в тюрьму, входит в камеру своего отца, прислушивается, как и её родители, к скрежету замков, щёлканью замочных скважин, скрипу перекладин, когда ими запирают двери. Это её не волнует. *Отец* живёт в тюрьме, так устроена вселенная. А её мать живёт в доме, где она растит своих детей, как все женщины Дамской улицы. Некоторые дети умерли, как её сестра Анна. А другие выжили, как её брат Владимир или последний в их семье малыш, Иван.

И по мере того, как она растёт, её отец всё чаще живёт дома и в конце концов живёт там всегда. Она совсем не удивляется этому. Таков порядок вещей, думает она, знак того, что мир вращается правильно и не может вращаться лучше: у этого мира есть центр – её дом, а он в совершенном порядке. Вот её комната, там – кухня, в которой управляет её мать. Снаружи – сад, где летом её родители, не расставаясь друг с другом, проводят самые светлые свои дни, копая, поливая, окучивая, пропалывая сорняки.

Естественно, что этот мир имеет свой предел, и это понятно: леса на сопках, где бежит дорожка, которая, кажется, однажды приведёт её с родителями и братьями в землю обетованную, которая называется Россия. Она не торопится отправиться туда, ей нравится в Петровском Заводе. Её земля обетованная – это каток и ледяные горки, которые комендант, человек, управляющий всем в жизни её родителей, строит каждую зиму во дворе своего сада для развлечения ребятни. Он старый и грустный, но такой любезный, как и все взрослые люди, которые окружают её – «большая единая семья Дамской улицы», как говорит их соседка, княгиня Мария.

Эта княгиня, она – тётя, а её муж – дядя? А Каташа, а Елизавета и Никита? Маленькая Ольга ни у кого об этом не спрашивает, это наименьшая из её забот. С того момента, как члены «большой семьи» находятся здесь, у себя или по соседству она чувствует теплоту. Не проходит и дня, чтобы она не увидела их. Приходят ли они к её родителям, или мать отводит её, когда навещают месеи, у которых нет дома и которые живут в тюрьме. Один из этих месеев преподаёт ей русский язык, другой обучает её чтению и письму, третий даёт уроки музыки. Они очень терпеливы и мягки, никто никогда не повышает голоса. И они рассказывают ей захватывающие вещи.

Очевидно, у неё есть свои любимчики. Доктор Вольф, который приходит ухаживать за нею, когда она больна и остаётся на всю ночь у

её кровати, если у неё высокая температура. Свистунов¹, друг её отца, пианист, который ошеломляет дом своими гаммами и аккомпанирует её матери, когда она поёт. И Панов², её любимчик из любимчиков, человек с историями. Именно он рассказывает ей басни или читает вслух сказки Перро.

*

Ольга, как и я, была взволнована словом «ад», которое произнесла её мать по поводу Петровского Завода. Неужели что-то ужасное прошло мимо неё? Она переворошила всё в своей памяти и отметила, что самая страшная драма, которая произошла с ней, заключалась в том, что она запачкала своё обожаемое платье. Да, именно это его уничтожило. Что же до всего остального, то сколько бы она ни ломала голову, она не находила ничего, кроме прекрасных моментов. Она прожила столько замечательных часов, похожих на тот день, когда Мария, получив огромную посылку игрушек, организовала для детей лотерею. Или вечера, когда один кочевник, которого родители знали ещё в Чите, проезжал бешеным галопом по улице, спрыгивал со своей лошади, барабанил в дверь дома и, никого не поприветствовав, заказывал еду. Откуда он прибыл, куда направлялся, никто никогда не говорил с ним об этом. Всё, что знала она, это то, что звали его Натам, что её мать бормотала на его тарабарском языке, что он любил её родителей и они тоже любили его.

Что же такое делали её родители, чтобы она чувствовала себя как в раю в этой несчастной долине? Трое детей на иждивении, недостаточно денег, Полина, которая едва сводила концы с концами с помощью разных трюков и уловок, царь, который вдвое сократил сроки заключения, но никак не решался сообщить им, когда же они будут отправлены к местам содержания под надзором. Не считая холода, восемь месяцев из двенадцати, часто ниже сорока градусов; и как только сойдут снега, остаётся всего два с половиной месяца, чтобы вырастить в огороде то, чем они будут питаться оставшуюся часть года. И постоянное гудение в голове: «Александра, их старшая дочь, та, которая живёт у Старухи³. Скоро уже десять лет, на кого похожа она, как у неё дела, кто рассказывает ей о родителях?» Она так мало знает об этом.

Наконец, как только она выходит из дома, белое пятно наверху, могила Анны.

¹ Свистунов Пётр Николаевич (1803–1889) – декабрист, близкий друг и шафер на свадьбе И. А. Анненкова и Полины Гебль.

² Панов Николай Алексеевич (1803–1850) – член Северного общества, участник восстания 14 декабря 1825 года.

³ Старуха – мать Ивана Анненкова – Анна Ивановна Анненкова, несметно богатая, спесивая московская дворянка.

Позже Ольга поймёт: о жизни своей матери она знает только то, что та пожелала ей рассказать. До конца своей жизни она спрашивала себя, как её родителям удалось пережить всё это.

*

И как им удалось? Этот вопрос преследует меня с того момента, как я вернулась с кладбища. Оказавшись в своём гостиничном номере (очень удобном, не всегда следует доверять мнению пользователей интернета), я нахожу у себя в компьютере портреты Ивана и Полины, созданные Бестужевым в 1836 году, как только он узнал, что скоро они будут переведены в места содержания под стражей.

В это время Ивану было тридцать четыре года, а Полине скоро тридцать семь лет. Многие женщины, среди них Наталья и Елизавета, покинули Петровский Завод; срок заключения их мужей уже истёк. Незадолго до первого января распространился сумасшедший слух: царь откажется от применения наказания в виде вечного изгнания. Все заключённые будут помилованы и смогут вернуться в Россию. Через две недели узнали, что он действительно проявил милосердие. Он сократил на два года назначенные наказания осуждённым по первой категории. Ничего более.

Многие заключённые скоро будут отпущены. Среди них Иван, доктор Вольф, Ивашев, Волконский, муж Марии, которая организовывает отъезд его и двоих детей, рождённых на каторге, и которые, как уверяют, очень похожи на Поджио. Через несколько месяцев читинское сообщество будет разослано на все четыре стороны. Бестужев хочет оставить о них след, он рисует много портретов.

Иван возмутился. Его взгляд серьёзен, но он совсем не упал духом, он просто более напряжён, чем раньше. Он заменил свою эспаньолку¹ на простые усы, густые и ухоженные, как и его бакенбарды.

Он позирует в рубашке и выглядит как человек действия. Как всегда, похож на денди, он надел свои лучшие подтяжки и, как во времена своего великолепия, жестом притворной небрежности набросил на правое плечо пальто с меховым воротником.

Если смерть маленькой Анны его и беспокоит, то он не показывает этого. Главное – это достоинство. И его отражение. Более того, он не преминул надеть свои очки в золотой оправе. И действительно, он немного напоминает Джона Леннона, того, времён *Imagine*², острого, пронзительного.

¹ Эспаньолка – короткая остроконечная бородка, иногда говорят «коэлиная бородка».

² Второй студийный альбом Джона Леннона, вышедший в 1971 году.

Полина одета так, будто она собралась на бал. В то время как другие женщины, прежде чем войти в камеру – ателье художника, позабочились о том, чтобы завернуться в шали и шарфы или укутаться в мягкие меховые манто, она же надела декольтированное платье из золотистого шёлка. Несомненно, самое лучшее из её гардероба, она подчёркивает свою тонкую талию и красивую грудь. Мы чувствуем, что она гордится своим телом и уверена в своей красоте. И есть чем: превосходные плечи, блестящие волосы, ни одной морщинки, безупречный овал лица. Невозможно представить, что у неё пятеро детей.

Её поза удивительна и даже провокационна: руки на бедрах, сказала бы я, если бы эти руки были видны, но Бестужев не нарисовал их. С этой позой у неё есть что-то от Кармен¹, которая набросила на плечи чёрную кружевную шаль и, как короной, украсила свои волосы испанским гребнем. Женщина с апломбом во всех смыслах этого слова: прямая, сильная. Её взгляд, однако, бесконечно грустный, и тёмные круги под глазами позволяют заподозрить бессонные ночи. Это не художник насмехается над ней, это несчастье.

Настолько ли она уверена в себе? Её рот твёрд, губы сжаты и, кажется, стиснуты невыразимой болью. Умерший ребёнок?

И правда в том, что она не заговорит об этом ни сейчас, ни когда позже.

Перед этим портретом я снова спрашиваю себя: как она смогла это выдержать? И как она выдержит, когда они с Иваном покинут эту адскую долину и окажутся одни в затерянной деревушке? И сказать, что им придётся ждать ещё двадцать лет, чтобы получить право вернуться в Россию.

Но она этого не знает.

/Из книги Irène Frain «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

¹ Цыганка, главная героиня одноимённой новеллы французского писателя Проспера Мериме, написанная им в 1845 году.

УГОЛОК ПОЭТОВ. «*А счастье, как дыханье, просто есть...*»

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

В этом выпуске журнала «Переводчик» мы знакомим наших читателей с избранными стихами из нового поэтического сборника¹ одного из наших постоянных авторов, русской поэтессы и известной переводчицы поэзии с португальского языка Ирины Фещенко-Скворцовой, проживающей в Португалии. В данной подборке представлена философская и любовная лирика поэта.

МЕДИТАЦИЯ (Предугаданное заранее медитации колдовство...)

Предугаданное заранее
Медитации колдовство.
Погружённость в твоё дыхание,
Единения торжество.

Подсознательное решение
Архаической темноты:
Простодушное отречение
От всего, что ещё не ты.

Посягательство на творение
И вхождение в роль Творца.
И отвергнутое смирение,
Не раскрытое до конца.

И внезапное ощущение
Озаренья – до немоты.
И глубинное возвращение
Ко всему, что почти не ты.

¹ Стихотворения. Избранное. – М.: «ИЦ Издательские технологии»/ТЦ "СредА", 2024. – 227 с.
ISBN 978-5-516-04519-6

И стремительное вторжение
Торжествующей Красоты
Просветлённостью постижения
Беспределности «Я» и «Ты».

А СЧАСТЬЕ, КАК ДЫХАНЬЕ, ПРОСТО ЕСТЬ...

*«Посмотрите! И веющий ветерок счастлив,
и солнце счастливо, и песок счастлив, и всё
счастливо, кроме человека, так как ни у кого нет
никаких условий. Будьте просто счастливы».*

Ошо «Алмазная сутра».

Вновь, мудрости восточной вопреки,
Условия ищу я и причины.
Я жду прикосновения руки
Во всей Вселенной – одного мужчины.

А счастьем так пронизан воздух весь,
О нём поют вечерние лучи нам.
А счастье, как дыханье, просто есть –
Бездумно, безусловно, беспричинно.

И счастье бы – напелось, нашепталось...
Любимый мой, глухая боль в груди.
И это всё, что от тебя осталось
И боли я шепчу: не уходи.

КОРОТКОЕ СЛОВО: ПОРА!

Так время приходит
Мгновеньем урочным
Следы и надежды стирать.
Логичный итог
Испытанья на прочность
Короткое слово:
Пора!
Понять бы друг друга...
Но жизнь на исходе,
А завтра – уже не вчера.
Неяркой звездою
На небо восходит

Короткое слово:
Пора!

КАК ХОРОШО ЛЮБИТЬ ИЗДАЛЕКА...

Как хорошо любить издалека:
Так молодо и так не уставая,
К руке далёкой тянется рука,
К воображаемой – рука живая.

И КОГДА ПОНЕСЁТСЯ ВСЕЛЕННАЯ МИМО...

И когда понесётся Вселенная мимо,
И замкнётся магический круг,
Поцелуй меня так, как целуют любимых,
Как целуют любимых подруг.

Как же можно: уткнуться в земное корыто,
Пламя светлое в сердце губя?
Ты же был – нерасчётливым, пылким, открытым?
Отпусти этой ночью себя.

Ты привык, как с врагом. Ты привык осторожно,
Никогда никого не любя.
Это только со мной. И со мной это можно.
Отпусти этой ночью себя.

Твоего не возьму – ни свободы, ни денег,
Всё прощу – никогда не предам.
Мне легко, ведь не женщина я, а виденье,
Соскользнувшая с неба звезда.

С СОБОЙ МОЮ ДУШУ УВЁЗ ТЫ

С собой мою душу увёз ты,
Чтоб издали было видней,
Как в ней отражаются звёзды,
А может, рождаются в ней?...

САМ СЕБЯ НА БЕЗЛЮДНЫЙ ОСТРОВ

Сам себя – на безлюдный остров.
Не на годы – на вечный срок.
На путях духовного роста
Человек всегда одинок.

Ты взглянись в любимые лица:
Каждый думает о своём.
Этой ношей нельзя делиться,
Этот путь не пройти вдвоём.

ПРОСТО ТАК НЕ УХОДЯТ ЖЕНЩИНЫ...

Удивляются, судят желчно,
Одинокой тоской пугая:
Просто так не уходят женщины.
Или, может быть, ты – другая?

Может, многое мне обещано.
Может, главное ждёт в судьбе.
Пусть к любимым уходят женщины,
Ну а я ухожу к себе.

Я ЖИВУ НА ПРЕДЕЛЕ

Нет, не дни и недели,
Познавая, любя,
Я живу на пределе, –
Сколько помню себя.

До конца – в каждом деле,
В каждом чувстве – до дна.
Я живу на пределе,
Я в себе не вольна.

Силы не оскудили,
Счастлив этот удел:
Верить, что на пределе
Одолеешь предел.

Я ОТПУСКАЮ...

От глаз твоих, от рук твоих вдали
Я не тяну к себе, я отпускаю.
Моя любовь, она теперь такая:
Оторвалась от вязкости земли.

След нежности, самозабвенья след
Ложится, перекраивая душу.
Да, время всё отнимет, всё разрушит
И только свет... и только этот свет...

ИДЁТ БЕСКОНЕЧНАЯ БИТВА...

Идёт бесконечная битва
Меж силами зла и добра.
А грань, точно лезвие бритвы,
Почти незаметная грань.

Вот если б всем сердцем, пристрастно
Почувствовать мысль и разъять!
Та мысль – отравляет пространство,
Как древний замедленный яд.

А та – очищает пространство.
Как жаркое пламя свечи,
Та мысль, что мелодией страстной
В притихшем сознанье звучит...

ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, КАК СОЛНЦУ МЫ ПОДВЛАСТНЫ

Ты чувствуешь, как солнцу мы подвластны
В преддверии весеннего тепла?
Прими в себя сверкающую ласку,
Взволнованы и трепетно светла.
Нет старости! Пока сознанье ясно,
Пока ясны – и мысли и дела,
Нет старости! И ты опять прекрасна,
А жизнь свежа, как в юности была.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXX МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2025 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2025 года подведены итоги XXX межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России при участии и поддержке кафедры европейских языков и лингводидактики и кафедры китайского языка историко-филологического факультета ЗабГУ. В конкурсе приняли участие 116 переводчиков с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Целью конкурса является выявление талантливой молодежи в области перевода художественной литературы с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные.

Задачи проведения конкурса:

1. Объединение переводчиков художественной литературы под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России.
2. Стимулирование молодежи к совершенствованию знаний в области иностранных языков и творческой деятельности. Усиление роли художественного перевода для достижения взаимопонимания между народами в контексте расширяющегося диалога культур.
3. Приобщение зарубежных читателей к забайкальской поэзии в переводе на иностранные языки.

Участниками конкурса стали молодые люди из различных регионов нашей страны. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов, представляющих университеты и колледжи из российских городов: Вятский госуниверситет (Вятка, Новгородская обл.), Донецкий госуниверситет (Донецк, ДНР), Омский госуниверситет им. Ф. М. Достоевского, Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево, Московская обл.), Санкт-Петербургский Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Рыбинский государственный авиационный технический университет им. П. А. Соловьёва (Ярославская обл.), Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н. Г. Чернышевского, Ставропольский государственный аграрный университет, Забайкальский государственный университет (Чита), колледж Читинского института Бурятского государственного университета.

Кроме того, в конкурсе принимали активное участие учителя иностранных языков и учащиеся гимназий и общеобразовательных средних школ. Среди них в первую очередь следует назвать многопрофильную языковую гимназию № 4, многопрофильную гимназию № 12 (Чита); МБОУ СОШ № 14 (Саров, Нижегородская область); городские общеобразовательные средние школы №№ 11, 27, 47, (Чита); МОУ СОШ с. Зугмара, МОУ СОШ п. Новопавловка, МОУ СОШ с. Баляга, ЧОУ «РЖД лицей № 15» ст. Толбага (Забайкальский край). Интерес к конкурсу проявили и многие представители работающей молодёжи и творческой интеллигенции.

Основные номинации:

1. Перевод поэтических текстов с английского, немецкого, китайского и французского языков.
2. Перевод забайкальской поэзии с русского на иностранные языки.

В соответствии с «Положением» о конкурсе жюри определило авторов лучших поэтических переводов с английского, немецкого, китайского и русского языков.

Переводы с английского языка

1. **Мусорина Юлия Александровна** – учитель английского языка МБОУ «СОШ № 27» (г. Чита).
2. **Чикурина Анна Евгеньевна** – студентка 4 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).
3. **Хренникова Татьяна Владимировна** – работник культуры (г. Чита).

Переводы с немецкого языка

1. **Небогатикова Наталия Сергеевна** – студентка 1 курс магистратуры, филологического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».
2. **Краус Лилия Владимировна** – пенсионер (г. Чита).

Переводы с китайского языка

1. **Клищ Анастасия Степановна** – студентка 4 курса Института экономики, финансов и управления в АПК ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет».

Переводы Забайкальской поэзии. Михаил Евсеевич Вишняков.

Переводы с русского на английский язык

1. **Коржова Екатерина Максимовна** – работник музея истории психиатрии Читы и Забайкалья им. В. Х. Кандинского.

Оргкомитет выражает благодарность учителям иностранных языков, которые провели большую работу по привлечению старшеклассников к участию в конкурсе молодых поэтов-переводчиков.

Авторы лучших переводов награждены почётными грамотами, грамотами, остальные участники – сертификатами.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет авторов лучших переводов и всех участников межрегионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2025 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода.

*Ольга Стельмак, председатель Забайкальского
регионального отделения Союза переводчиков России*

Переводы с английского языка

Emily Dickinson (1830 – 1886)

If I can stop one heart from breaking,
I shall not live in vain;
If I can ease one Life the aching,
Or cool one pain,

Or help one fainting robin
Unto his nest again,
I shall not live in vain.

Эмили Дикинсон

Коль сердце чьё-то я спасти сумею,
Не зря я проживу.
Коль чью-то боль унять успею
И рану залечу,

Иль птаху слабую обратно
В гнездо я положу,
Не зря я проживу.

Перевод Юлии Мусориной

Не зря я проживу на свете,
Коль чью-то жизнь смогу спасти,
И боль сердечную облегчить
И скорбь в груди;

Не дав разбиться сердцу одному,
Почувствую, жила я не напрасно;
Как и облегчив жизни боль одну,
Иль заглушив томящее несчастье,

Если птенца-малютку
В гнездо вернуть смогла –
Не зря жизнь прожила.

Перевод Анны Чикуриной

Paul Laurence Dunbar (1872 – 1906)

Dreams

What dreams we have and how they fly
Like rosy clouds across the sky;
Of wealth, of fame, of sure success,
Of love that comes to cheer and bless;
And how they wither, how they fade,
The waning wealth, the jilting jade –
The fame that for a moment gleams,
Then flies forever, – dreams, ah – dreams!

Мечтания

Каков мечтаний наших толк и вес?
Порхают в дымке розовых небес:
Успех, богатство, слава приспеваєт,
Любовь, утешив, нас благословляет.
Начнут мечты, хирея, увядать,
Богатство – ах, проклятье! – убывать;
Дарует слава лишь на миг мерцанье
И улетает – ах, мечты-мечтанья!

Перевод Екатерины Коржовой

Encouraged

Because you love me I have much achieved,
Had you despised me then I must have failed,
But since I knew you trusted and believed,
I could not disappoint you and so prevailed.

Вдохновлённый

Твоя любовь меня воздвигла на вершину,
Твоё презренье посулило бы провал.

Иль ослабевшей птице с грудкой красной
Вернуться на родную сторону,
Жизнь эту не напрасно проживу.

Перевод Татьяны Хренниковой

Пол Лоуренс Данбар

Мечты

Наши мечты взмывают в небеса
И там кружатся словно облака.
Нам грезятся достаток, слава,
Любовь, чтоб сердце вдохновляла.
Но всё бесследно исчезает –
Успеха нет, богатство тает.
И слава, достигая высоты,
Уходит – ах, мечты, мечты!

Перевод Юлии Мусориной

Мечты

Какие есть у нас мечты и как они парят,
Как розовые облака плывут по небу в ряд;
О роскоши, триумфе, об успехе
И о любви, что будет жить вовеки;
А как они печально увядают,
Сквозь пальцы рук бесследно утекают –
Триумф живёт всего одно мгновение,
Затем утонет навсегда в забвении.

Перевод Татьяны Хренниковой

Вдохновлённый

Из-за любви твоей я многое достиг,
Но будь отвергнут я, удачи б не сыскал.
Коль силу твоей веры я постиг,
То ей благодаря, я побеждал.

Перевод Юлии Мусориной

Поощрение

Благодаря твоей любви я многое достиг,
И если б не твоя любовь, давно бы всё пропало.

Узнав твоих я веры, преданности силу,
Я проиграть не мог – победу одержал.

Перевод Дарьи Скрипняк

Robert Louis Stevenson (1850 – 1894)

Love, What Is Love

LOVE – what is love? A great and aching heart;
Wrung hands; and silence; and a long despair.
Life – what is life? Upon a moorland bare
To see love coming and see love depart.

Что есть Любовь?

Что есть любовь? Когда сердце в огне;
Заломы рук от нервов, что на взводе.
А что есть жизнь? На верещатнике
Увидеть, как любовь приходит и уходит.

Перевод Татьяны Хренниковой

Rain

The rain is raining all around,
It falls on field and tree,
It rains on the umbrellas here,
And on the ships at sea.

Дождь

Сегодня льёт как из ведра –
На луг и лес вдали,
На разноцветные зонты
И в море корабли.

Перевод Анны Чикуниной

William Allingham (1824 – 1889)

Memory

Four ducks on a pond,
A grass-bank beyond,

Я понимал, что не могу тебя я подвести,
И не способен огорчить, ведь ты мне доверяла.

Перевод Руслана Антонова

Роберт Луис Стивенсон

Что есть Любовь

Что есть ЛЮБОВЬ? И радость и страданье;
Стенанье, одиночество и горе;
А что есть ЖИЗНЬ? На вересковом поле
Узреть цветение любви и увяданье.

Перевод Юлии Мусориной

Что есть Любовь?

Что есть Любовь? Забота, нежность, грусть,
Молчанье, тяготы сердечной боли...
Но что есть жизнь? Смотреть в пустынном поле
На неизбежное исчезновенье чувств.

Перевод Анны Чикуниной

Дождь

Дождь вокруг всё поливает:
И деревья, и поля.
Наши зонтики купает,
Как и мачты корабля.

Перевод Юлии Мусориной

Дождь

Идёт повсюду дождь,
Роняя капли на поля, деревья,
На зонтики мгновенье за мгновеньем
И корабли – на всё без исключения.

Перевод Татьяны Хренниковой

Вильям Аллингем

Память

Четыре кряквы на пруду
И трава на берегу.

A blue sky of spring,
White clouds on the wing;
What a little thing

To remember for years –
To remember with tears!

Весной в лазури голубой
Облака плывут гурьбой;
В том нет диковины большой,

Но вспоминаю каждый раз –
И слёзы катятся из глаз!

Перевод Юлии Мусориной

Память

Четыре утки на пруду,
Трава растёт на берегу.
И небо синее весны,
И облака белым-белы;
Всё соткано из простоты,

Чтобы запомнить на года –
И вспоминать с теплом всегда!

Перевод Татьяны Хренниковой

Sara Tiesdale (1884 – 1933)

Сара Тисдейл

The Coin

INTO my heart's treasury
I slipped a coin
That time cannot take
Nor a thief purloin, –
Oh better than the minting
Of a gold-crowned king
Is the safe-kept memory
Of a lovely thing.

Монета

В сокровищнице сердца
Я бросила монету.
Чтоб я про неё помнила,
А вор не знал про это.
И мне она дороже
Богатства королей.
Прекрасная вещица
В памяти моей.

Перевод Юлии Мусориной

Монета

В сокровищнице сердца
Одна монета ждёт.
Её не сгубит время
И вор не украдёт.
Ценнее гордых лиц
Царей минувших дней –
Мило воспоминанье
О ней.

Перевод Анны Чикуриной

The Giver

You bound strong sandals on my feet,
You gave me bread and wine,
And sent me under sun and stars,
For all the world was mine.

Oh, take the sandals off my feet,
You know not what you do;
For all my world is in your arms,
My sun and stars are you.

Дарующий

Ты дал вина с краюхой хлеба,
В сандалии ноги облачил,
Послал под полное звёзд небо,
И стал моим в тот час весь мир.

Сними ты с ног моих сандалии,
Ведь сам не знаешь, что творишь.
В твоих объятьях мир бескрайний,
А мой мир ты лишь мастеришь.

Перевод Татьяны Хренниковой

Даритель

В сандалы прочные меня ты облачил,
Дал хлеба и вина с собою.
Дорогу к солнцу, к звёздам показал
И мир открыл передо мною.

О, сбрось сандалии с меня скорей.
Напрасны все твои старанья.
Ведь весь мой мир в твоих руках.
Ты – моё солнце, звёзд сиянье.

Перевод Юлии Мусориной

Твои дары

Ты крепкие сандалии дал,
Дал хлеба и вина,
И в путь послал меня, сказав,
Что мир узнатать должна.

Сними сандалии с ног моих!
Не ведал ты, мой друг,
Что солнце, звёзды, весь мой мир –
В касанье твоих рук.

Перевод Анны Чикуриной

Переводы с немецкого языка

**Christian Johann Heirich Heine
(1797 – 1856)**

Wie des Mondes Abbild zittert
In den wilden Meeresswogen,
Und er selber still und sicher
Wandelt an dem Himmelsbogen:

Also wandelst du, Geliebte,
Still und sicher, und es zittert
Nur dein Abbild mir im Herzen,
Weil mein eignes Herz erschüttert.

Христиан Иоганн Генрих Гейне

В бурных океана водах
Отблеск месяца трепещет,
Сам же он по небосводу
Ходит тихо и беспечно.

Так ты, милая, по свету
Ходишь тихо и беспечно,
И, храня твой образ, сердце
У меня в груди трепещет.

Перевод Натальи Небогатиковой

Nikolaus Lenau (1802 – 1850)

Nebel

Du, trüber Nebel, hüllest mir
Das Tal mit seinem Fluß,
Den Berg mit seinem Waldrevier
Und jeden Sonnengruß.
Nimm fort in deine graue Nacht
Die Erde weit und breit!
Nimm fort, was mich so traurig macht,
Auch die Vergangenheit!

Николаус Ленау

Туман

Густой туман, ты всё укрыл:
Долину и ручей,
Покрытый лесом склон горы,
Свет солнечных лучей...
Возьми же всю земную даль,
Окутай пеленой
И забери мою печаль
И прошлое с собой!

Перевод Натальи Небогатиковой

Туман

Ты, мрачный туман, от меня укрыл
Долину с её рекой,
Солнца привет от меня закрыл
И гору с лесной полосой.
Прочь уходи в свою серую ночь
Далеко, широко по земле!
Что печалит меня, уходи прочь,
И прошлое в том числе...

Перевод Лилии Краус

Frühlingsgrüße

Nach langem Frost, wie weht die Luft so lind!
Da bringt Frühveilchen mir ein bettelnd Kind.

Es ist betrübt, daß so den ersten Gruß
Des Frühlings mir das Elend bringen muß.

Und doch der schönen Tage liebes Pfand
Ist mir noch werter aus des Unglücks Hand.

So bringt dem Nachgeschlechte unser Leid,
Die Frühlingsgrüße einer bessern Zeit.

Весенний привет

Повеяло весной. Прощай, мороз!
Ребёнок нищий мне цветы принёс.

Он опечален тем, что первый знак
Весны, так вышло, мне принёс бедняк.

Но получить залог прекрасных дней
Из рук Несчастья мне ещё ценней.

И пусть невесела эта весна,
Увидят дети лучше времена.

Перевод Натальи Небогатиковой

Friedrich Nietzsche (1844 –1900)

Фридрих Ницше

Lebensregeln

Das Leben gern zu leben
Mußt du darüber stehn!
Drum lerne dich erheben!
Drum lerne – abwärts sehn!

Den edelsten der Triebe
Veredle mit Bedachtung:
Zu jedem Kilo Liebe Nimm
Ein Gran Selbstverachtung!

Bleib nicht auf ebnem Feld,
Steig nicht zu hoch hinaus!
Am schönsten sieht die Welt
Von halber Höhe aus.

Жизненное напутствие

Чтоб жизни не бояться,
Над нею быть стремись!
Учись ввысь подниматься!
Учись смотреть и вниз!

Ты лучшие стремленья
Раздумчивостью сдобри:
Грамм самоуниженья
На килограмм любовный!

Не стой же ни в низине,
Ни на вершине ты,
Ведь мир всего красивей
Со средней высоты.

Перевод Натальи Небогатиковой

Жизненные правила

Жизнь любить, чтобы выжить,
Стоять тебе на том,
Учись вверх восходить,
Учись упасть потом.

В порыве благородном
Обдуманно решай,
К кило любви по грамму
Смиренья добавляй.

В низине не завязни,
Не будь всех выше ты...
Свет выглядит прекрасней
Со средней высоты.

Перевод Лилии Краус

Перевод с китайского языка

戴望舒
(1905 – 1950)

烦 忧

说是寂寞的秋的清愁，
说是辽远的海的相思。
假如有人问我你的烦忧，
我不敢说出你的名字。
我不敢说出你的名字，
假如有人问我你的烦忧：
说是辽远的海的相思，
说是寂寞的秋的清愁。

Дай Ваншу

Гнетущая печаль

Я слышал, осени тоска меланхолична,
И волны моря шепчут о разлуке,
Но коли кто расспросит о моей сердечной муке,
Умолкну я – лишь имя твоё горестиозвучно.
Лишь имя твоё на губах горчит
Ответом на мои волнения и муки:
Ведь дальних волн мелодия полна разлуки,
Меланхолично осень о печали шелестит.

Перевод Анастасии Клиш

秋天的梦

迢遥的牧女的羊铃，
摇落了轻的树叶。

秋天的梦是轻的，
那是窈窕的牧女之恋。

于是我的梦静静地来了，
但却载着沉重的昔日。

哦，现在，我有一些寒冷，
一些寒冷，和一些忧郁。

Колокольчик далёкий пастушки
Закружил листопад невесомый.

Словно нежность любви девчушки,
Манит осени полудрёма.

Вот и мой сон бесшумно прокраляся,
Только в нём нет тепла – лишь былое.

Холод в сердце тоской отозвался,
Грусть напомнила пережитое.

Перевод Анастасии Клиш

Забайкальская поэзия

Вишняков Михаил Евсеевич (1945 – 2008)

Советский и российский поэт, прозаик, журналист, переводчик. Лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова (2006 г.). Автор 14 поэтических сборников и 2 книг прозы. Произведения Михаила Евсеевича публиковались в ведущих российских журналах: «Наш современник», «Сибирские огни», «Новая литература» и др. Стихи переведены на многие языки мира. Михаил Вишняков создал поэтическое переложение с древнерусского языка произведения «Слово о полку Игореве», которое было по достоинству оценено академиком Д. С. Лихачёвым. При активном участии поэта была основана газета «Чита литературная», которая просуществовала 11 лет (на смену газете пришёл журнал «Слово Забайкалья»).

Переводы с русского языка на английский

Тропинка к лесному ключу.
Межа в голубых паутинах.
Привычная вроде б картина,
А всё наглядеться хочу,

Надуматься вволю, пока
Листок над берёзами вьётся.
Когда ещё в жизни придётся
Понять, как проходят века.

Алексею Дошлову

Научись одиночеству, друг,
Этой горькой, российской науке.
Никого не осталось вокруг,
Только с неба знобящие звуки.

Только струйка листвы над рекой
Всё порхает, как будто взлетает.
И такой наступает покой,
Словно осень в глазах горностая.

Шумный бал отзвучал навсегда.
Затерялась в низовьях дорога
И в колодце видений вода
Отражает лишь небо да Бога.

Песня

Поле моё, ты забыло меня.
Речка моя без меня отзвенела.
Как же мне быть без родного огня?
Как же мне жить без берёзоньки белой?

Даже не крикнешь: постой, погоди!
Время меня дожидаться не будет.
След на дороге замоют дожди.
Как меня звать – не запомнится людям.

Поле моё, ты цвети и цвети.
Пусть подрастут возле школы деревья.
Все мы вернёмся к началу пути.
Все мы приедем в родную деревню.

The path leads to wood limpid spring.
The blue subtle cobwebs are fainting.
And this quite habitual painting
To eyes I would like to rebring.

To think to the outmost, the while
The leaf over birches is weaving.
When else can I grasp in my living,
How centuries take their mile.

To Alexey Doshlov

Learn the science of solitude, friend.
This unmerciful science of Russia.
There's no one to help you on land,
Only rime from the sky howling harsher.

Only whiff of the leafage up-stream
Always flutters, as though spreads the pinion.
And placidity comes to your dream,
Like the autumn: the stoat's hoary minion.

Noisy ball has been lulled evermore.
Veiled in gloaming, downstream, road is hiding.
And the well of your dreams can restore
Just the sky and the Saviour Almighty.

Song

Field, field of mine, you forgot me, forgot.
River of mine without me fell like lightning.
How can I be robbed of hearth which is hot?
How can I live stripped of birch which is whit'ning?

All my requests to await are just vain!
Time for my sake won't be sluggishly sprawling.
Trace on the road will be washed by the rain.
What is my name – people won't be recalling.

Field, field of mine, just do bloom, just do bloom.
Trees by the school will grow up free from pillage.
All we shall sometime return to the womb.
All we shall come to the sweet native village.

Крыши домов показались вдали.
Сколько же лет на земле пролетело!
Вот, наконец, и увиделись мы,
Поле моё и берёзняка белая.

Roofs of the houses are seen in the vast.
Years on earth flew away like the lightning!
We see each other, it happened at last,
Field, field of mine and the birch which is whit'ning.

Думать спокойную думу,
Слушать холмы, облака,
Небо Даурии, шумы
Утреннего ветерка.
Видеть дороги и нивы,
Завязь в росе и пыльце
И не терять перспективы
Некой загадки в конце.

Musing is calm and appeasing,
Hillocks and clouds are forlorn,
Sky of Dauria, whizzing
Wind of the beautiful morn.
Seeing the roads and wheat-ears,
Ovary pollened and dewed,
Clear perspective appears:
Riddle in final is shrewd.

Вода на родине вкусней.
Вся в искрах солнца и мороза.
В бадейке, в бочке водовоза.
Я пил её, поил коней.
Вода на родине вкусней.

The native drink is nice, of course.
In sun and frost it's ever flashing.
In tub or tierce ever dashing.
I drank myself, I watered horse.
The native drink is nice, of course.

А небо выше и синей.
А поле и берёзы ближе.
Стихи о родине нужней,
Чем все романы о Париже.

And sky is higher and dark blue.
The field and birch are close to senses.
In native verse I find the clue –
Not in Parisian great romances.

Русским быть – всегда в горящем танке,
Под прицелом рока и судьбы.
Плач и клич. Любовь на полустанке.
Ранний гул работы и гульбы.

Russian man's in tank embraced with fire.
At the aim of destiny and fate.
Cry and call. And love at station's shyer.
Early boom of work and rest till late.

Русским быть – поставить резкий прочерк
В той графе, где счастье, да покой.
Ветер встречный, северо-восточный.
Мир такой и человек такой.

Russian man is blotting out in system
All the lines of happiness and ease.
Wind is head now, wind is northern-eastern.
World's like this, and human soul's like this.

Крестный путь пройти и поклониться
Синь-реке с зовущей глубиной.
Мой поклон вам: утро, поле, птицы.
Русский путь небесный и земной.

Holy way I'll go and bow with warning
To blue stream with deep and calling mirth.
I salute you: field and birds of morning.
Russian way in heaven and in earth.

Перевод на английский Екатерины Коржовой

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литературно-художественный журнал «Переводчик» /Статистика/

***За 2001 – 2025 гг. опубликованы переводы с 42 иностранных
и национальных языков России, а также с русского языка
на иностранные***

1. Абазинский язык	22. Корейский язык
2. Абхазский язык	23. Латинский язык
3. Алтайский язык	24. Македонский язык
4. Английский язык	25. Мальтийский язык
5. Армянский язык	26. Монгольский язык
6. Белорусский язык	27. Немецкий язык
7. Болгарский язык	28. Норвежский язык
8. Бурятский язык	29. Польский язык
9. Венгерский язык	30. Португальский язык
10. Вьетнамский язык	31. Русинский язык
11. Галисийский язык	32. Русский язык
12. Грузинский язык	33. Санскрит
13. Датский язык	34. Сербский язык
14. Ивритский язык	35. Словацкий язык
15. Индонезийский язык	36. Татарский язык
16. Ингерманландский язык	37. Тувинский язык
17. Исландский язык	38. Фарерский язык
18. Итальянский язык	39. Французский язык
19. Испанский язык	40. Хорватский язык
20. Каталанский язык	41. Якутский язык
21. Китайский язык	42. Японский язык

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.), действительный член Союза переводчиков России. Является членом редколлегии и постоянным автором журнала «Переводчик». E-mail: annbuldigerova@mail.ru

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова («Русский язык и литература»), Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина («Английский язык»). Литературовед, переводчик. Доктор филологических наук, профессор Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Входит в редакционный совет журнала «Переводчик». Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской («чикано») литературы, творчества писателей трансграничья и представителей коренных народов Сибири, Северного Китая и Америки. Автор ряда монографий и серий высокорейтинговых статей в указанных направлениях. В числе переводов – знаковые произведения известного писателя XX–XXI вв. Рудольфо Анайя: главы романа «Тортуга», эссе «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже», рассказ «Рождественские фаролитос»; главы романа Гертруды Атертон «Калифорнийцы», юмористические рассказы и др. Лауреат премии Ю. В. Кулагина за особые достижения в научной деятельности. Лауреат Государственной премии Забайкальского края за вклад в научную деятельность по изучению народов, проживающих в Забайкальском крае (2023). Государственная награда РФ – орден Дружбы. E-mail: tavoronch@mail.ru

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил с отличием факультет иностранных языков (китайско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук (аспирантура Института языкоznания РАН, диссертация «Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе», 2012, специальность 10.02.22). Переводчик, член Национальной лиги переводчиков. Как устный последовательный (с 1997 г.) и синхронный переводчик (с 2006 г.) с/на китайский язык работал на более 600 различных мероприятиях, в том числе в рамках ШОС, БРИКС и Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Работает научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкоznания РАН. Автор и соавтор более 10 учебных пособий, словарей и справочников по китайскому языку, в том числе, инновационных лингвокультурологического словаря-справочника «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи» и самоучителя «Китайский на ладони». Персональный сайт: www.vokitai.ru E-mail: voropaev@vokitai.ru

ГЛАДКИХ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по направлению «Филология», профиль «французский и английский языки», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы связаны с культурой коренных народов Сибири и Америки и литературным регионализмом. Автор ряда научных публикаций, рецензий и художественных переводов с английского языка.

E-mail: gourouleva@mail.ru

ЗИМАН ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ (Москва) [1938 – 2024]

Окончил с отличием историко-филологический факультет МГПИ им. Ленина, Государственные центральные курсы заочного обучения «ИН-ЯЗ». Кандидат педагогических наук, доцент, отличник народного просвещения, член Союза писателей Москвы, почётный член Союза переводчиков России. Автор учебных и учебно-методических пособий и программ, статей, рецензий, литературно-театральных композиций и инсценировок, стихотворных и прозаических переводов с английского и итальянского языков. Всего – 410 публикаций. В последние годы работал на кафедре раннего изучения иностранных языков Московского городского педагогического университета.

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является автором разделов «Лексикография» и «Земля Даурская» в журнале «Переводчик». Составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны. E-mail: nina_markova@mail.ru

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С», «60 кг солнечного света», «Автор Исландии»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор восьми сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языках в журналах «Tímarit Máls og menningu», «Stína» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). E-mail: dimentionen@yahoo.dk

МЕЛЬНИЧЕНКО АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА (г. Чита)

Студентка 3 курса китайского отделения (направление «Лингвистика», профиль. «Перевод и переводоведение») историко-филологического факультета Забайкаль-

ского государственного университета. E-mail: lisenoksash@gmail.com

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНORA ЛЕONИДОВНА (Москва)

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Почётный член гамсуновского общества. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбъёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранный литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета “Aftenposten”, журналы “Prosa”, “Forfatteren”, “Nordlit”) и др. Составитель и автор сборника о судьбах коренных народов ленинградской области «Ингрия – наша родина...», 2020. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии. E-mail: noralauri@yahoo.com

ПЕРЕЯСЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького (семинар критики). Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных поэтов; член Приёмной комиссии Союза писателей России, председатель Совета по художественному переводу. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы, членом Правления СП России. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и дней литературы в Пхеньяне. Автор свыше 50 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран. Член редсоветов журналов «Донбасс» (Донецк), «Бийский вестник» (Бийск) и других изданий. E-mail: nik-mar@rambler.ru

ПОПОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (США, г. Нью-Йорк)

Окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Периховед, историк мистических религиозно-философских течений, исследователь культуры североамериканских индейцев, писатель, редактор, издатель, музейный работник, библиограф, литературный переводчик. Один из создателей и главный редактор Издательства «Сфера» (1993–2006). Старший научный сотрудник Отдела наследия Перихов в Государственном музее Востока (2003–2014). Инициатор создания мемориальной библиотеки им. М. А. Волошина г. Москвы (бывшая библиотека № 27 ЦАО) и в последствии её директор (2009–2013). Совместно с проф. А. В. Ващенко, организатор и сопредседатель Историко-культурного центра «Индейцы Северной Америки» и Исследовательско-просветительского семинара «Гайавата» при нём (1999–2014). С 2014 г. – главный хранитель Музея Николая Периха (Нью-Йорк). Автор и составитель нескольких монографий, сборников и каталогов, а также более пятидесяти исследовательских и научно-популярных статей (Россия, США, Финляндия) и докладов, в том числе в Музее Востока (Москва), Музее-институте семьи Перихов (Санкт-Петербург), Институте этнологии и антропологии РАН (Москва) и

на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва). E-mail: medicine_stone@icloud.com

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и литературным редактором журнала «ЧИП – детям», была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает заместителем главного редактора альманаха «Истоки». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода» (2016).

E-mail: detschoolakad@mail.ru

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Поэт-переводчик, почётный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслаждение...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». E-mail: ovstelmak@mail.ru

ФЁДОРОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Чита)

Окончила филологический факультет Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по специальности «Филология» (английский и испанский языки), магистратуру по программе «Литература народов зарубежных стран (на английском языке)», аспирантуру по специальности «Литература народов стран зарубежья». Старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской («чикано») литературы, культуры коренных народов Сибири и Америки. Действительный член Союза переводчиков России. В журнале «Переводчик» (2020–2025 гг.) опубликованы переводы рассказов Мэри Хантер Остин, Фрэнка Эпплгейта, фрагменты романа Александра Моралеса. Автор и соавтор ряда литературоведческих работ, среди них: пособие (в соавторстве) «Мифопоэтика в литературном творчестве коренных американцев и чикано США XX–XXI веков» (2016).

E-mail: katyaz@bk.ru

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

(г. Бенавенте, Португалия)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, имеет около 70 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор шести поэтических сборников, литературоведческих статей. Член Союза российских писателей. Автор альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии с 2003 года. Выступала с докладами на научных конференциях в университетах, подтвердила учёную степень. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов («Новый мир»; «Иностранный литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник», «Известия Уральского федерального университета», «Верхневолжский филологический вестник»). В её переводе вышли книги: А. Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа», Ф. Пессоа: «Книга непокоя» (2016 г.), «Поэзия: Оды Рикарду Рейша», «Рубайят» (2020), «Poesia. Первая антология Фернандо Пессоа (Лиссабон, Португалия, 2022 г.). Сезариу Верде «Поэзия» (2022), «Клепсидра» Камилу Песанью (2024), современных авторов Ф. Кабриты «Книга о доме» (2021), Н. Матуша «Я и ты – спутники в этой жизни» (2023). E-mail: irenerussian@mail.ru

ЧУЧИНА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила исторический факультет Московского государственного педагогического института. Второе образование – Высшие курсы иностранных языков (польский) при Интуристе, гид-переводчик. Работала выпускающим редактором польской редакции на Международном московском радио (Иновещание), «Голос России». Член Союза переводчиков России. Участник международных конкурсов на лучший перевод стихов Нобелевских лауреатов Ч. Милоша (2011) и В. Шимборской (2014), «Поэтическое определение перевода» (2016); XI фестиваля «Петроглиф 24» в Карелии. Дипломант мастер-класса Н. Горбаневской (Вроцлав, 2012). Публикации в журналах «Мир перевода» № 35, 2016, «Переводчик» № 17, 2017, № 20 2020, в сборнике «Антология современной польской и российской поэзии» (Варшава, 2017); в альманахах «Литературные знакомства» № 1, № 9 2022 г., № 9, 10, 2023 г., № 2, 7, 9, 2024, «Литературные встречи» № 3 2025, «Сократ 24», в журнале польской диаспоры «Jednosc» № 2(7)–2023. Книги стихов и переводов «Грошики фантазий». «От сердца к сердцу», «Красная лошадь», «Непутёвое счастье». E-mail: alla.chuchina@mail.ru

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает специалистом Департамента международной деятельности Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России, автор, переводчик и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Опубликованы переводы с французского языка писем жён декабристов и глав из романа Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь...». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова. E-mail: intdep@mail.ru

Литературно-художественное издание

Переводчик

Выпуск 25

*Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства*

Главный редактор О. В. Стельмак

*Контактный телефон 8(3022) 21-87-30
e-mail: ovstelmak@mail.ru*

Подписано в печать 25.05.2025.
Формат 60x84/16. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,9. Заказ № 25016.
Печать по требованию.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30